ЛИПЕЦКИЙ ФИЛИАЛ ФГБОУ ВО «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФГБОУ ВО «ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО» ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

НАСЛЕДИЕ В. И. ДАЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научно-практической конференции

г. Липецк, 8 декабря 2021 г.

Воронеж – 2022

УДК 81
ББК 80
Н31

Под общей редакцией
ведущего научного сотрудника, д-ра мед. наук **Н.В. Лебедева**
канд. экон. наук, доц. **А.С. Шуруповой**

Наследие В.И. Даля в контексте современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (8 декабря 2021 г., г. Липецк) Вып. 1 / Отв. ред. О.Ю. Усачева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. – 178 с.

ISBN 978-5-4292-3234-8

Сборник статей, составленный по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 220-летнему юбилею В.И. Даля, содержит историко-филологические, лингвистические, методические исследования, связанные с изучением наследия Даля в контексте современности.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

ISBN 978-5-4292-3234-8

© Коллектив авторов, 2022
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2022
© Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» Институт филологии, 2022
© НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022

О.Ю. Алейников

НАСЛЕДИЕ В. И. ДАЛЯ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Аннотация. *В статье выясняется значение «Толкового словаря живого великорусского языка» и статей В. И. Даля для становления А. И. Солженицына-писателя, анализируются особенности восприятия им идей В. И. Даля по сбережению словарного запаса родной речи, актуализации и оптимизации словообразовательных и грамматических возможностей русского языка. Анализируется опыт А. И. Солженицына по составлению «Русского словаря языкового расширения».*

Ключевые слова: *В. И. Даль, А. И. Солженицын, лексикография, «Русский словарь языкового расширения».*

О непреходящем значении наследия В. И. Даля, «подвижника и радетеля» русского языка, лексикографа, знатока и ценителя народной речи, А. И. Солженицын впервые подробно заявил в статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана», напечатанной «Литературной газетой» осенью 1965 года – через сто лет после выхода первых томов «Толкового словаря живого великорусского языка».

В небольшой по объёму статье, размышляя о языковой ситуации, сложившейся в советской России к середине двадцатого века, создатель «Одного дня Ивана Денисовича», побудившего многих прозаиков считать, что после публикации этого произведения «писать так, как писали еще недавно, нельзя…»[1], на конкретных примерах А. Солженицын доказывал, что русская речь – в результате многолетнего небрежения – заметно оскудевает, становится бедной и невыразительной; происходит ничем не оправданный отказ от жизнеспособных слов, которым грозит преждевременное «отмирание» и забвение.

«Словарный запас неуклонно тощал; – сетовал А. Солженицын, – выискивать и привлекать достойные русские слова ленились – или стыдились их “грубости”, или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль (а неспособность-то была в нетерпеливых авторах). Взамен уроненного наталкивали без удержу иностранные слов, иногда очень хороших (кто кинет камень в “энергию”, “нерв”, “процесс”, “проблему”?), часто совсем никчемных <…>. Грамматический строй сохранял стойко то, что роднит наш язык с европейскими, но пренебрегал многими исконными своими преимуще-

[1] Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Литературная газета. – 1962. – 22 ноября.

ствами. Так, отглагольные существительные предпочитались среднего рода, долгие, на немецкий лад (когда их на -ение скопится кряду четыре-пять, вымалывается язык и чуть ли зубы не болят), а мужского и женского рода – краткие, сильные, поворотливые – опадали, терялись»[1]. «Подражать легче, чем творить, вот почему мы подражаем то своим полурусским писателям, то начисто иностранцам», – говорил о подобных явлениях В. И. Даль. Датчанин по происхождению, он в совершенстве владел иностранными языками, подготовил на латыни диссертацию по медицинской теме, но не козырял этим знанием, предпочитая публиковать свои важнейшие труды на русском языке.

Опыт великого лексикографа, его языковая концепция были внимательно и благодарно восприняты А. Солженицыным. Показательно, что в статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана», ставшей последней легальной публикацией писателя в СССР, фамилия В. И. Даля упоминается четыре раза. Будущий нобелевский лауреат, исключенный из СП СССР в 1969 году и лишь в условиях новой России избранный академиком РАН, напоминал, что великий лексикограф и «радетель русского слова» большое внимание придавал искоренению всего ненужного в языке путём обращения к забытым (или почти забытым) словообразовательным и грамматическим возможностям родной речи.

Говоря о значении наследия В. И. Даля для сбережения русского языка (в том числе пополнения и обогащения языка художественной литературы), прозаик предлагал обратиться к идеям, изложенным его великим предшественником в работах «Полтора слова о нынешнем русском языке» и «Недовесок к статье “Полтора слова о русском языке”», опубликованных в 1842 году под псевдонимом В. Луганский.[4]

Испытывая давление цензуры, А. Солженицын считал необходимым в газетной публикации сослаться на труднодоступность статей В. И. Даля для современного читателя: «… почти нигде не достать. Как славно было бы их насвежо опубликовать»[2]. И многие положения, сформулированные в статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана», перекликались с работами В. И. Даля, в одной из которых говорилось: «…все богатства и роскошь родного языка нашего не развернется, покуда не разольется он свободно, без пут, без пригона по образцам инородным»[3].

---

[1] Солженицын А. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Литературная газета. – 1965. – 4 ноября.

[2] Там же.

[3] Луганский В. Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. – 1842. Часть I. – № 2. – С. 550.

Нежелание многих советских литераторов искать, защищать и применять в художественной практике исконные русские слова А. И. Солженицын усматривал в стилистической неразборчивости и «глухоте» тех, кто испорчен требованиями тоталитарной эпохи, искоренявшей все, что не соответствовало её стандартам.

Очевидной бедой, сковывающей свободное развитие русского языка, писатель считал советизмы, губительные для живой речи «канцелярит», штампы, слова и выражения «изношенные постоянным употреблением», а также ничем не оправданные иноязычные заимствования – особенно «нахлын» английской лексики, в которой русский язык не нуждается. (Убедительно пишут о том же современные исследователи[1]).

А. И. Солженицын настаивал: «больше всего блекла наша письменная речь от потери подлинно русского склада («свойства языка для сочетания слов», по Далю), то есть способа управления слов словами, их стыковки, их расположения в обороте, интонационных переходов между ними»[2]. Вновь и вновь ссылаясь на идеи В. И. Даля, писатель подчеркивал значение своей учебы у великого лексикографа.

Находясь в вынужденной эмиграции, А. Солженицына уточнял, что обращался к его словарю в течение много лет, тюрьма и лагерь не являлись исключением: «С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой “Толкового словаря живого великорусского языка”», подчиняя эти материалы «литературным нуждам и языковой гимнастике»[3].

В этой трудоёмкой работе были определенные этапы, связанные с образовательными и творческими задачами: «…читал подряд все четыре тома <…>, выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашёл эти выписки ещё слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью…»[4].

---

[1] См.: Березовская О. М, Кирьянова Л.Г. Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 315. – № 6. – С. 144–148; Ходжагельдыев Б. Д., Шурупова О. С. На каком языке мы говорим? (Современный русский язык в эпоху английских заимствований): монография. – Липецк: Веста, 2015 и др.

[2] Солженицын А. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Литературная газета. – 1965. – 4 ноября.

[3] Солженицын А. И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения. Сост. А. И. Солженицын. – М.: Наука, 1990. – С. 3.

[4] Там же. – С. 3.

Учебой у В. И. Даля А. И. Солженицын руководствовался и позже, задумав «Русский словарь языкового расширения» (или «Живое в нашем языке») – так сформулировал писатель варианты названия словаря, в который, по замыслу составителя, необходимо было включить все, «что ещё имеет право жить»[1].

Высланный из СССР, писатель приступил к реализации этого замысла в 1975 году: «заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных <…>, а также исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанные мною самим в разных местах – но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [2].

Лучший способ обогащения языка, – пишет А. Солженицын в предисловии к словарю, – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»[3]. И подтверждает возможности, практическое значение и перспективы этой работы, включив в «Русский словарь языкового расширения» слова, знакомые читателям по произведениям Н. Гоголя, Н. Лескова, Е. Замятина и позже пришедших в русскую литературу писателей: В. Астафьева, Е. Носова, В. Распутина.

В «Объяснении» к словарю уточняется его необычный характер: «Этот словарь ни в коей мере не преследует обычной задачи словарей: представить по возможности полный состав языка. Напротив, все известные и уверенно употребительные слова отсутствуют здесь. Тут подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение – а между тем почти целиком заброшенные… Или такие, которым сегодня может быть придано освежённое новое значение»[4].

Значительная часть «разъяснительных примеров» в «Русском словаре языкового расширения» «дословно взяты из Даля», но составитель оговаривает, что стремился предложить «истолкования, более применимые сегодня, чем полвека назад»[5].

Во многих случаях в словаре не указаны «грамматические категории слов». Как пишет А. И. Солженицын, «род существительных большей частью самопонятен, наречия отмечены чаще по их непривычности»[6].

---

[1] Солженицын А. И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения. Сост. А. И. Солженицын. – М.: Наука, 1990. – С. 3.
[2] Там же. – С. 3.
[3] Там же. – С. 3.
[4] Там же. – С. 3.
[5] Там же. – С. 4.
[6] Там же. – С. 3.

«Следуя Далю» и развивая его лексикографические решения, составитель поместил «рядом с глаголами некоторые производные от них глаголы с приставками», полагая, что «собранные вместе, они более наглядно» могут показать словообразовательные возможности языкового расширения.

Писатель считал, что языковое расширение обеспечивается использованием мотивированных слов: «Они совсем близки к употреблению, к границам области, они всем понятны. Когда их употребил – все понимают... А некоторые слова – даже не замечают, что их никто не употребляет, а просто принимают...»[1].

Подробно в предисловии к словарю говорится о несовершенстве фонетического принципа написания слов, при котором «затемняется смысл». Не устраивает составителя и безоговорочное принятие этимологического принципа, вызывающего трудности «для недостаточно грамотных»[2]. Учитывая лексикографические решения В. И. Даля, составитель «Русского словаря языкового расширения» стремился придерживаться «золотой середины», «стараясь отчётливо выразить смысл слова, не расходясь вызывающе с фонетикой»[3].

Любителей справочных изданий часто озадачивают замечания А. И. Солженицына: «словарь имеет цель скорее художественную»[4], «предназначен не для розыска по алфавиту, не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания»[5].

Эти предуведомления становятся понятнее, если вспомнить слова академика Я. К. Грота о словаре В. И. Даля, приведенные А. И. Солженицыным в ответах на вопросы воронежцев: «книга не только полезная и нужная, это – книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать её или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского оборота, и для литературного дела!» (запись встречи хранится в собрании издательства «НАУКА-ЮНИПРЕСС»).

Не исключено, что в своей работе над «Русским словарём языкового расширения» составитель ориентировался на рецептивные интенции читателей, принявших «Толковый словарь живого великорусского

---

[1] Солженицын А. И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения. Сост. А. И. Солженицын. – М.: Наука, 1990. – С. 3.
[2] Там же. – С. 4.
[3] Там же. – С. 5.
[4] Там же. – С. 4.
[5] Там же. – С. 5.

языка» как книгу, пробуждающую интерес к живому слову, и как источник знаний о богатстве русского языка.

Опыт А. И. Солженицына – писателя и лексикографа – подтверждает непреходящее значение наследия В. И. Даля.

Aleinikov O. U.

V. Dahl's Heritage in A. Solzhenitsyn's Creative Consciousness

Summary. *The article reveals the significance of the «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» and V. Dahl's articles for the formation of A. Solzhenitsyn as a writer, analyzes the peculiarities of his perception of V. Dahl's ideas on saving the vocabulary of native speech, updating and optimizing the word-formation and grammatical capabilities of the Russian language. The author analyzes the experience of A. Solzhenitsyn in compiling the «Russian Dictionary of language extension».*

Key words: *V. Dahl, A. Solzhenitsyn, Lexicography, «Russian Dictionary of language extension».*

М.В. Басова

РУССКИЕ ПАРЕМИИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В БАКАЛАВРСКОМ ВЫПУСКНОМ СОЧИНЕНИИ СТУДЕНТА-ИНОФОНА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Аннотация. *В статье описан опыт работы по осуществлению научного руководства выпускными квалификационными сочинениями, выполняемыми студентами-иностранцами в русле лингвокультурологических исследований русских и иноязычных паремий. Раскрывается важность изучения паремического фонда через сопоставление его единиц в русском и родном языках обучаемого.*

Ключевые слова: *лингвокультурология, лингвокультурный код, паремии, В.И. Даль.*

Знакомство с фразеологическим фондом составляет неотъемлемый компонент изучения русского языка, в том числе и в иноязычной аудитории. Значимое место в нем занимают пословицы и поговорки, представляющие собой особый культуроносный языковой пласт.

Собирание пословиц и поговорок, как атрибутов этнокультуры, издавна привлекало внимание фольклористов, этнографов, историков, языковедов, в числе которых были Ф.И. Буслаев[1], И.М. Снегирев[2], М.А. Рыбникова[3] и др. Среди наиболее известных изданий такого рода ключевая роль, без сомнения, принадлежит сборнику В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1862).

В своем предисловии «Напутное» к составленному им сборнику, имея в виду вошедший в него материал, В.И. Даль писал: «Это перегон или выморозки ума целых поколений, во образе своего родного быта, с приправою всего, что только касалось этого насущного и умственного быта. Я могу за один раз вникнуть плотским и духовным глазом своим во все, что народ сказал о любом предмете мирского и семейного быта; и если предмет близок этому быту, если входит в насущную его жизнь, то народ – в этом можете быть уверены – разглядел и обсудил его кругом и со всех сторон, составил об этом устные приговоры свои, пустил их в ход и решения своего не изменит, покуда разве не изменятся обстоятельства»[4]. Приобщение к этому коллективному творчеству народа позволяет не просто хорошо изучить свой или чужой язык, но глубоко и всесторонне постичь глубинные связи языка и культуры, выявить и описать языковую картину мира, менталитет культуры, зафиксированный в языковых знаках.

Специалисты в области РКИ отмечают, что использование пословиц и поговорок на уроках русского языка – «это базовый элемент формирования целого ряда компетенций: речевой, тематической, социокультурной, компенсаторной и др.»[5]. Действительно, изучать пословичный фонд на занятиях РКИ можно с разными целями и на разных сертификационных уровнях, поэтому преподавателю важно рассматривать отобранный для занятий материал системно и с учетом особенностей преподаваемого им курса.

---

[1] Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. – М.: Русский язык, 1954. – 176 с.

[2] Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: в 4 кн. – М.: Университетская типография, 1831 – 1834. Кн. 1 – 2. – 1831. – 355 с.

[3] Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.

[4] Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок и проч. В. Даля. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те; в универ. тип., 1862. – С. 37.

[5] Деменева К.А. Пословицы и поговорки на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. – 2013. – №6. – С. 38.

Для студентов-иностранцев, обучающихся на факультете «Высшая школа перевода» в МГУ имени М.В. Ломоносова на направлении «Лингвистика», знание русской фразеологии, в том числе паремий, необходимо с точки зрения понимания лингвокультурных феноменов изучаемого языка в их соотнесении с родным языком, поскольку студенты овладевают как лингвистическими, так и переводческими компетенциями. Также следует иметь в виду, что выпускник бакалавриата завершает свое обучение написанием выпускной квалификационной работы (ВКР), тема которой может быть связана с изучением русских паремий. Таким образом, ВКР предстает как результат поэтапного освоения бакалавром определенного состава паремических единиц русского языка, который на завершающей стадии обучения становится предметом научного осмысления.

В целях проведения выпускного исследования студенту необходимо опереться на определенные методологические основания, что предполагает знакомство с понятийным аппаратом и научной терминологией такого направления исследований, как лингвокультурология. Будучи продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике, лингвокультурология, отмечает В.А. Маслова[1], сосредоточена на изучении языка как феномена культуры. С помощью своего научного руководителя студент-бакалавр получает представление об истоках лингвокультурологии, связанных с именами крупнейших зарубежных и русских ученых В. фон Гумбольдта, Ш. Балли, Э. Сепира, Б. Уорфа, А.А. Потебни, А.И. Соболевского, В.В. Виноградова, Н.И. Толстого и др., а также о сущности и специфике таких научных направлений, как этнолингвистика, этнопсихолингвистика, культурная антропология. Появление же собственно лингвокультурологии в 90-е гг. XX века связывается с трудами Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.А. Масловой.

Одним из главных понятий для автора лингвокультурологического исследования в области фразеологии является понятие паремии.

Паремия (от греч. paroimia – притча) представляет собой устойчивую фразеологическую единицу, первоначально восходящую к тексту Священного Писания. В дальнейшем под паремией в лингвистике стали понимать корпус мудрых изречений, хранящих коллективный опыт народа, передаваемых из поколения в поколение, выраженных такими средствами языка, как притчи, пословицы и поговорки.

[1] Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 8.

Поскольку и язык, и культура представляют собой самостоятельные семиотические системы, то важнейший вопрос, стоящий перед лингвокультурологией, – это вопрос изучения культурной семантики языкового знака. Базовым понятием семиотики выступает понятие кода, которое активно используется научным направлением В.Н. Телия и ее последователей: Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, И.В. Захаренко, И.В. Зыковой и др.

В.Н. Телия определяет коды культуры как те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), «которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа»[1].

Д.Б. Гудков предлагает следующее определение кодов культуры: «Те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры»[2]. Единицами этих кодов являются единицы языка, являющиеся «носителями особых значений, детерминированных тем культурным кодом, которому эти единицы принадлежат»[3].

Таким образом, объектом исследовательской работы выпускника, как правило, выступают запечатленные в паремиях единицы (компоненты) различных культурно-языковых кодов: природно-ландшафтного, зооморфного, пищевого и т.д., например, такие, как «гора», «вода», «волк», «хлеб» и др. Предметом же выпускной работы может являться как сходство, так и различие в передаче соответствующего смысла кодами русского и родного языка бакалавра как в плане содержания, так и в плане выражения, что позволит ему лучше осмыслить культурно-языковые соответствия, значимые с точки зрения профессиональных компетенций выпускника-лингвиста.

---

[1] Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 38.

[2] Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39.

[3] Там же. – С. 41.

Задачи ВКР могут определяться следующим образом:

- отобрать корпус паремиологических примеров, включающих в свой состав компоненты со значением того или иного лингвокультурного кода;
- сравнить набор этих компонентов в русском и родном языках;
- установить, для передачи каких смыслов служат эти компоненты;
- выявить сходство и различия в организации единиц кода и тем самым проиллюстрировать различия между двумя языковыми картинами мира;
- составить лингвокультурологический комментарий к паремической единице.

При выполнении исследования студент составляет корпус паремических примеров в русском и своем родном языках, анализирует их семантику, осуществляет перевод в обоих направлениях, знакомится с научными источниками, активно работает с фразеологическими словарями. Все это вместе взятое служит эффективным способом применить на практике тот багаж знаний и компетенций, который был накоплен в течение четырех лет обучения на факультете, а также сформировать и развить научно-исследовательские компетенции.

В качестве иллюстрации подобного рода исследования приведем фрагмент лингвокультурологического комментария из ВКР китайской студентки Гао Цзин, выпускницы 2020 года, на тему «Паремии природно-ландшафтного кода в русском и китайском языках». Выпускница изучала русские и китайские паремии с компонентами «вода» и «суша / земля / поле».

1. Поиск и анализ эквивалентов русских паремий в китайском языке.

Толочь воду в ступе **徒劳无益**

Эквивалент на китайском языке: «с бамбуковой корзиной ходить за водой». Эта пословица означает, что действие совершается напрасно, не имеет никакого эффекта. Эта фраза встречается в поэме Тан Ханьшань. **竹**篮打水一场空，千古红楼只一梦.

Вода / капля камень точит **水滴石穿**

Эквивалент на китайском языке – «тереть железный пест, пока не получится игла». Эта пословица подходит, чтобы описать упорство, когда мы делаем одно дело, не стоит легко сдаваться, не останавливаться на полпути, даже мелкие вещи могут помочь, мы должны настаивать на том, чтобы сделать это, мы достигнем наших целей. В то же время, когда мы говорим это, мы также можем подразумевать, что характер этого человека является постоянным.

Не зная / знаешь броду, не лезь в воду 未询渡头, 且莫涉水

Эквивалент на китайском языке: «перед делом надо три раза подумать». Эта пословица учит нас не относиться к делу легкомысленно. Прежде чем что-то делать, хорошо подумайте. На китайском – «подумайте дважды».

Словно из-под земли вырасти 突然出现

Эквивалент на китайском языке – «свалиться как снег на голову». Вещи случаются и появляются неожиданно.

Земли под собой не чуять 得意忘形

Эквивалент на китайском языке – «не чувствовать ног под собой от удовольствия (от радости)».

2. Поиск и анализ эквивалентов китайских паремий в русском языке.

水中捞月 «Вылавливать из воды отражение луны». Эквивалент на русском языке: «носить воду в решете». Их общее значение – делать то, что просто невозможно, делать (затрачивать усилия) напрасно.

兔子不吃窝边草 «Заяц не ест траву возле собственной норы». Означает предупреждение людям, чтобы те не делали ничего плохого рядом со своим местом обитания.

Добавим, что обращение к сборнику В.И. Даля могло бы дополнить общую картину исследования интересными примерами. Так, в нем встречаются паремии с компонентом «вода»: *Деньги, что вода. Богатство — вода: пришла и ушла*[1]*; Простор богатому, как щуке в воде*[2]*. Решетом в воде звезд ловить*[3]. Также наблюдаются паремические единицы с компонентом «суша» («земля»): *И земля, и небо стонут (такой шум, крик, гам и пр.)*[4]*; Слухом земля полнится, а причудами свет*[5].

В заключение отметим, что изучение пословиц и поговорок, представленных в разных языках, является интересным опытом для выпускника-инофона, обогащает его знанием не только языкового, но и историко-культурного материала, обладает мощным этическим и

[1] Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок и проч. В. Даля. – С. 62.
[2] Там же. – С. 77.
[3] Там же. – С. 488.
[4] Там же. – С. 561.
[5] Там же. – С. 756.

воспитательным потенциалом, укрепляет навыки межкультурной коммуникации.

M.V. Basova

Russian Paroemias as a Subject of Scientific Research in the Bachelor's Graduate Essay of a Foreignophone Student: From the Work experience

Summary. *The article describes the experience of scientific supervision of foreign students who prepared graduate qualification essays in the course of linguocultural research of Russian and foreign paroemias. The article reveals the importance of studying the paroemiological pool by comparing its units in Russian and the native language of the student.*

Key words: *linguoculturology, linguocultural code, paroemias, V.I. Dahl.*

Н.А. Богословская

АЛЛОЭТНОНИМЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» И СБОРНИКЕ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. *В статье дается определение лингвистической имагологии, терминов «аллоэтноним» и «автоэтноним», производится имагологический анализ данных «Толкового словаря живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Рассматривается отраженная в сочинениях Даля, специфика восприятия представителями русской лингвокультуры таких аллоэтнонимов, как «арап», «немец», «поляк»/«лях», «татарин», «чухонец» и др.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, лингвоимагология, аллоэтноним, автоэтноним, «Толковый словарь живого великорусского языка», «Пословицы русского народа».*

Личность В.И. Даля – одна из самых ярких в русской культуре: писатель, этнограф, военный врач, государственный деятель, лексикограф, вошедший в историю русской культуры как автор «Толкового словаря живого великорусского языка», который стал символом Наци-

онального словаря. Даль составлял свой словарь более 50 лет, в нем 200 тыс. слов, 30 тыс. пословиц и поговорок. «Толковый словарь живого великорусского языка» является энциклопедией русской народной жизни XIX века, в нем совмещается лингвистическая и энциклопедическая информация. В статье будут проанализированы данные словаря В.И. Даля и сборника «Пословицы русского народа», позволяющие сделать вывод о восприятии аллоэтнонимов и их производных в русской лингвокультуре.

Лингвистическая имагология является «новым направлением филологических исследований, формирующимся в наши дни на стыке нескольких наук»[1], среди которых лингвокультурология, этнолингвистика, культурная семантика, лингвоаксиология, этнонимика и др.[2] «Предметом лингвистической имагологии является «образ другой культуры, другого народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т.д.) и отражает коллективные (в форме мифов и стереотипов), групповые или индивидуальные представления»[3].

Противопоставление своего этноса другим как частный случай универсальной оппозиции «свой – чужой» характерно для всех языков и культур. Очень часто это противопоставление строится на языковом принципе «говорящие на своем, понятном языке – говорящие на непонятном языке» и выражается в таких этнонимических парах, как *славяне – немцы, эллины – варвары, арабы – персы* и др. Первые компоненты этих оппозиций (*славяне, эллины, арабы*) являются автоэтнонимами, т.е. самоназваниями того или иного этноса, вторые компоненты (*немцы, варвары, персы*) – аллоэтнонимами, т.е. наименованиями чужих этносов. Как автоэтнонимы, так и аллоэтнонимы в русском языке обладают национальной спецификой, которая может проявляться в оценочности. Интерпретация основного противопоставления «свой – чужой» в аксиологическом, ценностном плане обычно выражается в виде оппозиции «хороший – плохой», – с отрицательной оценкой всего

[1] Зеленин А.В. Немцы в русской культуре (Лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. – 2013. – №4. – С. 63.

[2] Попова Е.А. Аль-Хамдани С. Датские, прусские, французские немцы… (устаревший аллоэтноним «немцы» в русской лингвокультуре) // Вторые Щеулинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 92.

[3] Зеленин А.В. Немцы в русской культуре (Лингвистическая имагология). – С. 63.

того, что принадлежит «чужому» миру. Аллоэтнонимы обозначают в русской языковой картине мира «чужой» мир, но степень чуждости и связанной с ней отрицательной оценки у них различна[1].

К главным внелингвистическим факторам, влияющим на восприятие того или иного аллоэтнонима носителями русского языка и культуры, а также на формирование его оценочности, следует отнести: 1) близость/дальность проживания чужого этноса; 2) наличие/отсутствие военных столкновений с представителями чужого этноса и их характер. Вероисповедание, в частности другая, чем у русских, религия также является одним из важнейших факторов восприятия аллоэтнонимов в русской лингвокультуре и их оценочности[2].

Проанализируем аллоэтнонимы, встречающиеся в «Толковом словаре живого великорусского языка» и в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля.

Аллоэтноним «арап» имеет следующую словарную статью: «**АРА́П** *м.* ***ара́пка*** *ж.* по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особенно Африки; мурин, негр. || При Дворе, это должность, занимаемая иногда и белым служителем: придверник, припорожник. ***Ара́пченок*** *м.* ***-ченка*** *ж.* арап ребенок. ***Ара́пчик*** *умалит.* арап; || голландский червонец, пучковый (от пучка стрел); || *ниж*. порода небольших, твердых, темно-зеленых яблок; || *у голубятников:* черноголовый голубь; || порода голых, чернокожих собак. ***Ара́пов***, ***ара́пкин***, известному арапу, арапке принадлежащий. ***Ара́пский***, им свойственный. ***Ара́поватый***, черномазый, весьма смуглый, на арапа похожий. *Арапа* нельзя смешивать с *арабом*, аравитянином, как и производные: *ара́пский, ара́бский* и др.»[3]

Основной смысловой акцент в данном случае для слова арап в прямом значении делается на цвет кожи человека, обозначаемого данным аллоэтнонимом. Следующее значение «при Дворе, это должность, занимаемая иногда и белым служителем: придверник, припорожник» является переносным, возникшим на основе прямого значения в результате функционального переноса (арапы часто были такими слугами в богатых, в том числе царских, домах в XVIII–XIX вв.). Существительное *арапчик*, которое приводится в этой статье как производное от слова *арап*, характерно для говоров, профессиональных жаргонов и

[1] Попова Е.А., Аль-Хамдани С. Датские, прусские, французские немцы… (устаревший аллоэтноним «немцы» в русской лингвокультуре). – С. 96.

[2] Попова Е.А., Аль-Хамдани С. Датские, прусские, французские немцы… (устаревший аллоэтноним «немцы» в русской лингвокультуре). – С. 97.

[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 21.

имеет в своем значении компонент «темный, черный». Основной для слов, помещенных Далем в эту статью, является именно цветовая составляющая, то есть во всех словах есть сема «темный, черный».

Слово негр, через которое объясняется значение слова арап, тоже есть в словаре Даля: «**НЕГР** м. ***негритя́нка*** ж. чернотелый человек, арап, мурин, особ. уроженец знойной Африки. ***Негре́нок***, ребенок этой породы, арапченок. ***Негритя́нские*** *обычаи, нравы*»[1]. Как видим, у слова *негр* нет такого количества значений и производных, как у слова *арап*, что можно объяснить происхождением слов: *арап* – это собственно русское слово (это переоформленный грецизм *араб*; «греч. araps, arabos восходит к арабск. arab, что буквально значит “ясно говорящий”»)[2], известное в русском языке с XVI в.[3]; *негр* – заимствованное слово, появившееся в русском языке позже слова *арап*. Слово *негр* «заимствовано в XIX в. из французского языка, где nègre восходит к лат. niger – “черный”»[4].

Есть в словаре Даля и слово *мурин*: «**МУ́РИН** м. арап, негр, чернокожий»[5]. Это слово, являющееся заимствованием из древневерхненемецкого языка môr «мавр», которое восходит к лат. maurus[6], имеет более древнее происхождение, чем *арап* и *негр*. Оно встречалось еще в древнерусских текстах[7], но в силу своего иноязычного облика не получило широкого распространения в русском языке.

Аллоэтнонимы *арап*, *негр*, *мурин* являются синонимами, значение каждого из них Даль объясняет через другие.

Производной от названия страны Китай является лексема «китайка»: «**КИТА́ЙКА** *ж*. простая бумажная ткань, начально мутно желтая,

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 510.

[2] Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Учпедгиз, 1961. – С. 24.

[3] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 (А – Д) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – С. 83.

[4] Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – С. 218.

[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 360.

[6] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – С. 13.

[7] См. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л – П. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. – Стб. 195.

и вывезенная из Китая. || *Вор. тамб.* ***китайчатый*** *сарафан,* ***китáйник*** *м. арх. вят.* ***катáечник*** *м.* или ***катáечница*** *ж. ярс.* ***Китаечный, китайковый****, китайчатый. По зиме в китаечном, по лету в дубленом,* без толку»[1]. Данная лексема не обладает ярко выраженной оценочностью, поскольку обозначает материал, ткань, вывезенную из Китая. От слова китайка образовано достаточно много производных, которые широко распространены в русских говорах.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» поместил слово немец в словарную статью «немой»: «**НЕМÓЙ**. <…> ***нéмец, нéмка***, стар. а местами и доныне в народе, немой, или же || не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец (азиатцы *бусурмане*); в частности, же, германец. *Девка немка: говорить не умеет, а все разумеет*; ради скромности, молчит, даже не слышит. <…> ***Немéцкое*** *платье*, общеевропейское, мужское и женское, в противоположность *русскому*»[2].

Ключевым фактором восприятия этой лексемы в данном случае становится значение «не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец», то есть смысловой акцент делается на различия в языке, в речи, на непонимание тех или иных иностранных слов носителями русского языка. В словаре Даля отражены устаревшее и современное значение этого слова.

В сборнике «Пословицы русского народа» находим высказывания с аллоэтнонимом «немец» и его производными:

Немечина хитрая, безверная, басурманская.

У немца на все струмент есть.

Немец без штуки с лавки не свалится.

Немец хитер: обезьяну выдумал.

Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает).

Немецкая (т.е. точная, школярная) ученость.

Настоящий немец (точен, педант, причудлив).

Что русскому здорово, то немцу смерть. Русский немцу задал перцу.

У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька[3].

Кроме того, у В.И. Даля есть рассказ «Русак», в котором иллюстрируются некоторые положения из толкового словаря, приводятся пословицы со словом «немец»: «*У немца на все струмент есть, – го-*

[1] Там же. – С. 112.

[2] Там же. – С. 562.

[3] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 304.

ворит пословица, которая неоспоримо доказывает, что русский любит браться за дело как можно проще, без затейливых снарядов»[1]. Данный пример также подчеркивает основательность немецкого народа, доказывая тот факт, что немцы продумывают каждый шаг во время своей работы, у них для всего есть свой инструмент, то есть немцы способны просчитать всё до мелочей. Это качество характера противопоставляется в рассказе русской смекалке, то есть способности быстро найти выход из сложившейся ситуации, даже если решение приходится придумывать по ходу действия: «*<…> но как охота пуще неволи, то, надо быть, и ее иногда достаточно для подстрекания смышлености и догадливости нашего сметливого народа*»[2].

Проанализировав данный языковой материал, можно прийти к выводу о том, что в восприятии аллоэтнонима «немец» носителями русского языка присутствует негативная коннотация: это не только европеец, который говорит на непонятном языке, но и народ, наделенный принципиально иными качествами, нежели русский (педантичность, хитрость, отсутствие широты души и под.), которые воспринимаются носителями языка как отрицательные качества. Однако в данных пословицах отмечается и такие черты немецкого народа, как ученость, умение изобретать нечто новое и т.д.

Аллоэтноним «поляк» имеет производную «польский». В словарной статье для данной лексемы, помимо других значений, встречается следующее: «**ПО́ЛЬСКИЙ**. Забайкальский или семейный раскольник; они чистые русаки, но переселены около 1760 из Польши, куда бежали; ***полька***, раскольница[3].

Такое значение может свидетельствовать о том, что переселенцев из Польши на Руси на подсознательном уровне продолжали считать «поляками», то есть прибывшими из Польши, несмотря на их принадлежность к русскому народу.

В сборнике «Пословицы русского народа» присутствуют такие выражения с аллоэтнонимами «поляк»/ «лях»:

Француз (Поляк) боек, а русский стоек (о стойкости русского человека).

Лях и умирает, а ногами дрягает.

У нас не Польша: есть и больше (т.е. больше боярина, вельможи, своевольника).

---

[1] Даль В.И. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. – М.; Л.: Художественная литература, 1961. – С. 383.

[2] Там же.

[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 268.

У нас не в Польше, муж жены больше.

Что дальше в Польшу, то разбою больше (смол.).

У поляка и приказ рассказ (rozkaz)[1].

Во всех этих пословицах видно негативное отношение представителей русской лингвокультуры к «ляхам» / «полякам», что также обусловлено историческими событиями: польской интервенцией начала XVII в., восстаниями поляков против власти Российской империи в XIX в. и др.

Аллоэтноним «татарин» в словаре Даля не представлен, соответствующая словарная статья включает в основном флористические значения: «**ТАТА́РИН** и ***тата́рник***, названье разных колючих, сорных трав <…> пустосел, репей, репьяк, бодяк, дедовник, волчец, осот, чертополох, мордвин, репейник, лапушник»[2]. Однако в словарной статье отмечены следующие производные, которые имеют отношение к аллоэтнониму «татарин»: «***Татарские*** *очи, арх.* наглый, бесстыжий плут <…> ***Татарскому*** *мясоеду нет конца.* ***Татарщина***, все время порабощения Руси татарами, и || платившаяся им дань. || *Это сущая* ***татарщина****!* мамаевщина, произвол, насилие»[3].

Данные лексемы имеют ярко выраженную негативную коннотацию, что обусловлено спецификой исторического взаимодействия русского народа с татарами.

В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля встречаем следующее выражение: *Женские умы – что татарские сумы (переметны)*[4]. Данное сравнение обусловлено кочевым образом жизни этой народности: слово «переметны» означает «непостоянны». Возможно, происхождение пословицы (так же, как и лежащего в ее основе сравнения) связано с тем, что сумы (сумки) татар из-за специфики их образа жизни были то наполнены, то пусты, то есть содержимое их было непостоянно по своему объему. Существует и другой вариант толкования рассматриваемого выражения, что связано со значением и происхождением фразеологизма *сума переметная*: «**СУМА́ ПЕРЕМЁТНАЯ**. *Устар. О человеке, легко меняющем свои взгляды, убеждения, непостоянном в своих поступках, действиях. Переметная сума* – две сумы в одну связь, для перекидки через плечо или через седло. Суму можно перебрасывать со стороны на сторону. Отсюда пе-

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – С. 304-305.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 392.

[3] Там же.

[4] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – С. 307.

реносный смысл этого выражения»[1]. Как в первом, так и во втором варианте толкования пословицы имеется в виду непостоянство женщин и их суждений.

Ныне про татарское счастье только в сказках слыхать.

Люблю молодца и в татарине (то есть и во враге можно заметить положительные качества).

Татарин либо насквозь хорош, либо насквозь мошенник и др.[2].

В словаре В.И. Даля есть статья «чухонец»: «**ЧУХО́НЕЦ**, ***-нка,*** *петерб. прозвание пригородных финнов*»[3]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова говорится, что «чухонец» (толкование значения этого слова в словаре дается с пометой *дореволюц.*) – это «пренебрежительное обозначение финна (в разг. речи, напр. в старом Петербурге, могло употр. и без пренебрежительного оттенка). *По мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца*. Пушкин. *А яйца славные: чухонец только сегодня принес*. Гончаров»[4].

У В.И. Даля в словарной статье к слову «чухонец» также отражен оттенок пренебрежения: «прозвание» пригородных финнов, что свидетельствует о том, что данное наименование этой народности дали сами русские люди.

В словаре Даля есть слова разных частей речи (глаголы, существительные), значения которых отражают подражание русских представителям той или иной нации. В XVIII–XIX вв. русская культура, в том числе бытовая, испытала сильное влияние французской и английской культуры, что подтверждает словарь Даля: «**ФРАНЦУ́ЗИТЬ**, делать все на французский лад, обычай, подражая»[5]. В статью «англизировать» Даль включил слова *англича́нить, англича́ниться* («подражать в быту или в приемах англичанам»), *англома́ния* («пристрастие к Англии и к англичанам, к языку и быту их»), *англома́н, англома́нка* («страстный приверженец всего английского»), *англици́зм* («англий-

[1] Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс. 2001. – С. 558-559.

[2] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – С. 306.

[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 616.

[4] Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – Стб. 1308.

[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 538.

ский склад, оборот речи»)[1]. Хотя ярко выраженной оценочности в толкованиях значений данных слов нет, но, зная, что автор словаря был приверженцем всего русского, подражание всему иностранному должно было оцениваться им негативно. Это подтверждает словарная статья, посвященная глаголу *итальянить*, содержащая отрицательно-оценочную сему ‘корчить’: «**ИТАЛЬЯ́НИТЬ**, корчить итальянца, подражать ему в обычаях»[2]. Приведенный языковой материал представляет особый интерес в рамках рассматриваемой темы, поскольку иллюстрирует специфику межнационального взаимодействия русского народа с европейскими, а также взаимное влияние данных культур.

Не всем аллоэтнонимам Даль посвящает отдельные статьи. Часто обращение к тем или иным аллоэтнонимам происходит в рамках иллюстративного материала в словарных статьях, посвященных словам, которые могут рассматриваться или как ключевые черты характера представителей того или иного этноса, или как явления, связанные с культурой того или иного народа. Говоря о первых, следует отметить, что В.И. Даль в словарной статье к лексеме «терпение» приводит в качестве иллюстративного материала следующую пословицу: «*Китаец терпеньем берет*»[3]. Тем самым автор словаря подчеркивает, что одной из ключевых черт китайцев в восприятии представителей русской лингвокультуры является терпение.

Ко второй группе слов, также связанных с этнотопонимом «Китай», относятся лексемы «стена» и «фарфор». В словарную статью слова «стена» включена информация о Китайской стене: «*Китайцы обнеслись от Сибири стеною*, каменной кладкой, с башнями и пр.»[4]. Этот иллюстративный материал дает возможность говорить о китайцах как о народе, достаточно обособленном, закрытом, со своей культурой и традициями. Для лексемы «фарфор» В.И. Даль приводит следующий пример употребления: «*Лучший фарфор делают в Китае*»[5]. Это позволяет характеризовать китайский народ как хранителя тайн особого ремесла, техники изготовления фарфора, которая неведома другим народам и является отличительной чертой китайской культуры. Ср. с устойчивым словосочетанием *китайский фарфор*, зафикси-

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 16.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 67.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 402.
[4] Там же. – С. 350.
[5] Там же. – С. 532.

рованным в «Большом академическом словаре русского языка» (гл. ред. К.С. Горбачевич) в значении «высший сорт фарфора, изготавливаемого в Китае; изделия из такого фарфора»[1].

Изучение аллоэтнонимов, встретившихся в «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля» и в сборнике «Пословицы русского народа», позволяет сделать вывод о специфике восприятия других народов представителями русской лингвокультуры. Это направление исследования имеет важное значение не только для лингвистики, но и для методики обучения русскому языку, поскольку многие этнонимы сложны для понимания школьников, а без правильного объяснения их значения становится затруднительным верное постижение смысла, заложенного в произведениях русской классики, тогда как правильное восприятие аллоэтнонимов способно развить у учащихся уважительное отношение к представителям других народов и повысить интерес к их культуре и традициям.

N.A. Bogoslovskaya

Alloethnonyms and their derivatives in the «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» and the collection «Proverbs of the Russian people» by V.I. Dahl

Summary. *The article gives a definition of linguistic imagology, the terms «alloethnonym» and «autoethnonym», imagological analyzes the data of the «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» and the collection «Proverbs of the Russian people» by V.I. Dahl. The specifics of the perception by representatives of the Russian linguistic culture of such alloethnonyms as «Arap», «German», «Pole»/«Lyakh», «Tatar», «Chukhonets» and others reflected in Dahl's writings are considered.*

Keywords: *V.I. Dahl, linguoimagology, alloethnonym, autoethnonym, "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language", "Proverbs of the Russian people".*

[1] Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8. – М.-СПб.: Наука, 2007. – С. 83.

Н.Б. Бугакова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОППОЗИЦИИ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. ПЛАТОНОВА (НА ФОНЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. *Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению семантической динамики оппозиции «жизнь – смерть» в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова. В ходе проведения исследования нами была отмечена важность функционирования в творчестве писателя оппозиционной пары «жизнь – смерть», возникающей в творчестве писателя на основе его философии. Как показал анализ, случаи обращения писателем к части «жизнь» оппозиции «жизнь – смерть» гораздо более частотны по сравнению с ситуациями вербализации части «смерть». Происходит это, на наш взгляд, потому, что для писателя важно избегнуть смерти, победу в этом противостоянии отдать жизни как наиболее совершенной форме существования бытия.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, А. Платонов, жизнь, смерть, бинарные оппозиции.*

Владимир Иванович Даль – русский этнограф, лексикограф, собиратель фольклора, создатель уникального «Толкового словаря живого великорусского языка», самого масштабного по объему словаря русского языка. Немалый вклад в исследование и сохранение русского языка внес В.И. Даль, помимо создания толкового словаря, еще и тем, что увлеченно собирал пословицы русского народа; в них находит отражение менталитет русского человека, особенности жизни, быта. Собранные В.И. Далем пословицы затрагивают все сферы жизни, но в рамках предлагаемого исследования нам показалось интересным проанализировать пословицы, содержащие бинарную оппозицию «жизнь – смерть», так как эта оппозиция занимает немаловажное место в картине мира русского народа.

Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка», в котором В.И. Даль так определяет жизнь и смерть: «**ЖИЗНЬ** ж. *жись*, *жизть*, прстнрд. живот; житие, бытие; состояние особи, существование отдельной личности. В обширном смысле *жизнь* обусловлена только питанием и усвоением пищи, и в этом знач. она дана двум царствам природы: животному и растительному; в тесном смысле, она требует произвольного движения и чувств, принадлежа одним животным; в высшем знач. как бытие, она относится к душе или к смерти

плоти»[1]; «**СМЕРТЬ** ж. (*мереть*), *смёртушка, моск. тамб. смерётка, -точка, -тушка, смерёдушка, новг. олон. арх*. конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего. *Смерть человека*, конец плотской жизни, воскресение, переход к вечной, к духовной жизни»[2]. Мнение о важности этой оппозиции для национальной картины мира подтверждается тем, что в русском фольклоре существует большое количество элементов, содержащих рассматриваемую оппозицию. Наиболее показательными в этом смысле являются паремические единицы, содержащие информацию о мировоззрении русского народа.

Проанализировав пословицы с лексемами *жизнь* и *смерть*, зафиксированные в издании «Пословицы русского народа»[3], мы отобрали наиболее точно, на наш взгляд, демонстрирующие отношение к жизни и смерти русских людей. Отобранные нами примеры условно можно разделить на 2 категории: это ряд пословиц, отражающих неизбежность смерти: «Когда-нибудь умирать надо. Сколько ни живи, а умирать надо. Закрыть глазки, да лечь на салазки. От смерти ни крестом, ни пестом. Как ни вертись, а в могилку ложись. Смерть ни на что не глядит»[4]. Как видим, в картине мира русского народа зафиксировано понимание неизбежности смерти как закономерного итога существования всего живого; и пословицы, демонстрирующие нежелание умирать: «Всякий живот боится смерти. Живой смерти боится. Живой смерти не ищет. Живому нет могилы. Жить – мучиться, а умереть не хочется. Жить тяжко, да и умирать нелегко»[5]. Экспликация компонента *жизнь*, входящего в состав оппозиции «жизнь – смерть», в пословицах русского народа осуществляется посредством лексем *жить*, *живой*; компонента *смерть* – лексемами *умирать*, *смерть*. Рассматривая приведенные примеры, приходим к выводу, что, несмотря на понимание неизбежности смерти, человек всегда хочет максимально отсрочить либо постараться избегнуть смерти.

Эта позиция, отраженная в пословицах, собранных В.И. Далем, находит подтверждение и в текстах А. Платонова – одного из лучших

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 541.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 233.

[3] Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / Соч. Владимира Даля. – СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – Т. 1. – С. 263.

[4] Там же.

[5] Там же.

писателей XX века с драматической, совсем не литературной судьбой. В его произведениях нашли отражение все те сложности, которые приходилось преодолевать писателю – и арест сына, и виденное на фронте, и прочие тяготы и лишения, пришедшиеся на его долю. Но ни цензура, ни десятилетия запретов не смогли остановить того мощного дара слова, которым был наделен писатель, и сейчас мы можем приобщиться к наследию, оставленному А. Платоновым: это проза, драматургия, публицистика, литературная критика, произведения эпистолярного жанра.

На творчество А. Платонова, на его философские взгляды оказали большое влияние идеи Н. Федорова, известного философа, чья «Философия общего дела» хранилась писателем в домашней библиотеке и содержала множество пометок, оставленных А. Платоновым. Полагаем, что именно у Н. Федорова писатель почерпнул идею преодоления смерти; под влиянием философии Н. Федорова герои произведений А. Платонова воспринимают предметы неживой природы как живые, особенно это касается различных машин и механизмов: очевидно, сказывается тот опыт, который писатель накопил, работая помощником машиниста. Платонов считал, что все, что создано природой, – совершенно, а разрушает это совершенство смерть. Герои Платонова находятся в разных отношениях со смертью, но все они заняты поиском способа избегнуть смерти, отсюда, кстати, образ дороги, часто встречающийся в текстах писателя.

На эмблематичность в картине мира Платонова бинарной оппозиции «жизнь – смерть» впервые обратил внимание А. Гурвич, который в 1937 году в статье «Андрей Платонов» отмечал, что для героев произведений Платонова «грань между жизнь и смертью стерта»[1] (известная литературоведческая работа о творчестве А. Платонова, до самой смерти писателя остававшаяся самым подробным анализом его произведений).

Исследователь К. Баршт также говорил о наличии в творчестве А. Платонова проблемы «жизнь – смерть»[2], фундаментальность которой в творчестве Платонова объясняется, по мнению Баршта, тем, что она непосредственно связана с проблемой осмысления особого места человека во Вселенной.[3]

---

[1] Гурвич А. Андрей Платонов. Цит. по: Сухомлинова Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве А. Платонова: Дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 161 с.

[2] Баршт К.А. Антропософия А. Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М.Ю. Коренева. – СПб.: Наука, 2000. – С. 154.

[3] Там же. – С. 164.

Живое и мертвое у Платонова – это не разделенные между собой непроходимой стеной сферы. Они способны проникать друг в друга. Иной человек, погибая, обретает подлинное бессмертие в своих свершениях, в содеянном, оставляя о себе благодарную память. А другой, физически продолжая благополучно существовать, создает вокруг себя безжизненную зону, пространство смерти, руководимый мертворожденными и обреченными на неуспех идеями[1]. Суммируя сказанное, можно прийти к выводу, что тексты А. Платонова – это рассказ о том, как существует жизнь в царстве смерти, поскольку в каждом произведении автора присутствуют сцены умирания. В картине мира А. Платонова смерть может существовать в разных ипостасях: это и данность, и повод для размышления, и воспоминание. Сам писатель в статье «Коммунизм в сердце человека», опубликованной в 1922 году, рассматривал смерть (физическое уничтожение буржуев) как единственно необходимый и неизбежный способ уничтожения все еще живущего прошлого, условие строительства нового общества – то есть, будущего[2]. Он писал: «Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его»[3].

В свете рассмотрения оппозиции «живое – мертвое» наше внимание привлекла повесть А. Платонова «Сокровенный человек», в тексте которой противостояние жизни и смерти обозначается буквально с первых строк: «Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки. – Естество свое берет! – заключил Пухов по этому вопросу»[4]. Уже по этим строкам можно понять, что «Сокровенный человек» – философская повесть, созданная А. Платоновым в 1927 году, поднимает, как это часто бывает у А. Платонова, проблему бессмысленной, преждевременной смерти. И как часто бывает, в повести природное противостоит социальному, и противостояние это завершается побе-

---

[1] Сухомлинова Ю.А. Бинарные оппозиции в творчестве Андрея Платонова: Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 161 с.

[2] Никольский С.А. Смерть в большой прозе А. Платонова. – [Электронный ресурс]. – URL: https://iphras.ru/uplfile/philec/nikolskiy/books/nickolsky-on-platono.pdf (дата обращения 9 декабря 2021 г.).

[3] «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы / Отв. редактор. Н.В. Корниенко; сост. М.В. Богомолова, Е.А. Роженцева. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 481.

[4] Платонов А. Повести и рассказы. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. – С. 25.

дой природного. Фома Пухов – центральный персонаж повести – является тем самым сокровенным человеком, т.е. знающим какую-то тайну, обладающим определенной «сокрытой» информацией. Оним *Фома*, выбранный автором для именования главного героя, отсылает читателя, в первую очередь, к апостолу Фоме («Неверующему»), который, как известно, не мог поверить в Воскресение Христово, пока не увидел Христа воскресшим [Евангелие от Иоанна]. Главный герой «Сокровенного человека», Фома Пухов, ярчайшим образом демонстрирует свое неверие по отношению ко всему, что с ним происходит, даже смерть жены не принимает, продолжая звать ее, чтобы «проверить, цела ли»[1] она. Отчество Фомы Пухова – Егорович, это отсылка к имени Георгия Победоносца, т.е. в отчестве героя находит отражение миф о змееборце, который в русской народной культуре трансформировался в культ. В повести Платонова упоминается икона Георгия Победоносца, но в несколько переосмысленном виде: «к Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя»[2]. Однако необходимо обратить внимание на фамилию героя – *Пухов*. Очевидно, что она образована от корня *-пух-*, то есть автор делает отсылку к противнику Громовержца из упомянутого мифа, и в тексте анализируемой повести герой изображен соответственно фамилии: «Пухов весь запаршивел, оброс шерстью»[3]. С точки зрения мифологии обрастать шерстью означает превращаться в животное. Жизнь Фомы Пухова представляет собой постоянную борьбу, преодоление различных ситуаций, но в основном, как всегда у Платонова, это борьба природы и человека, и обрастание шерстью для Пухова – это еще и попытка максимально приблизиться к природе: «Все совершается по законам природы! – удостоверил он самому себе и немного успокоился»[4].

В рассматриваемом произведении нами были выявлены и проанализированы случаи употребления лексем – экспликантов оппозиции «жизнь – смерть». Часть оппозиции «жизнь» вербализуется в картине мира автора при помощи лексем *жизнь, жить*: «Обмерзший машинист ничего не делал, а только ругался на эту жизнь»[5]. Мы видим, что для А. Платонова как писателя герои делятся на тех, кто не любит жизнь, и на тех, кто радуется тому, что живет, и доволен любыми ситуациями, которые происходят в его жизни. Противопоставлен машинисту в этом смысле главный герой повести, Фома Пухов, который,

[1] Там же. – С. 33.
[2] Там же. – С. 29.
[3] Там же. – С. 31.
[4] Там же. – С. 25.
[5] Там же. – С. 32.

выражая точку зрения самого писателя, готов даже принять пролетариат:

«– Любите ли вы, товарищ Пухов, пролетариат в целом и согласны за него жизнь положить? – Люблю, товарищ комиссар, – ответил Пухов, чтобы выдержать экзамен»[1]. Известно, что А. Платонов подвергался гонениям именно потому, что не мог положительно воспринимать происходившие в стране изменения.

Также в рассматриваемом тексте находим подтверждение словам А. Платонова о том, то пролетарий не должен бояться стать убийцей (см. выше): «Я в том убежден, что говорю от чистого сердца всех красноармейцев, если скажу, что, стало быть, мы благодарим и также клянемся отдать свою кровную силу и жизнь, раз то надо советской власти, – вот и все!»[2]. Автор и в создаваемых им текстах придерживается своей позиции, заключающейся в том, что для создания будущего необходимо уничтожить прошлое, тем более, что в прошлом только нищета и отчаяние: «Поэтому они жили полной общей жизнью с природой и историей, – и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности»[3]. Не обходится писатель без намеков на типичное для его текстов противостояние природы и человека, в котором неизбежно выигрывает природа, которая, с точки зрения автора, имеет превосходство над человеком. Природа умнее: «Листья утрамбовывались дождями в почву и прели там для удобрения, туда же укладывались для сохранности семена. Так жизнь скупо и прочно заготовляет впрок»[4]. В то время как человек глуп и не умеет даже обеспечить себя пищей: «– Губерния голодная! – заключил Пухов. – Почва есть, а хлеба нету, значит, – дураки живут!»[5]. Для Пухова, центрального героя повести «Сокровенный человек», типично пренебрежительное отношение к людям. Для выражения такого отношения автор использует лексему *жизнь* в значении «отрезок времени»: «Похоже было на то, что всю жизнь Пухов злился и оскорблял людей, а потом увидел, какие они хорошие, и от этого стало стыдно, но чести своей уже не воротишь»[6]. Употребление лексемы *жизнь* в значении «отрезок времени» достаточно распространено в тексте А. Платонова: «Пухов со Зворычным закусывали; Зворычный советовал Пухову непременно вставить зубы, только

[1] Там же. – С. 33.
[2] Там же. – С. 35.
[3] Там же. – С. 36.
[4] Там же. – С. 34.
[5] Там же. – С. 36.
[6] Там же. – С. 37.

стальные и никелированные — в воронежских мастерских могут сделать: всю жизнь тогда не изотрешь о самую твердую пищу!»[1].

Вербализация части оппозиции «смерть» осуществляется при помощи лексем *мертвый, помертветь, смерть*. Прилагательное *мертвый* может использоваться для характеристики как человека, так и природы: «В будке лежал мертвый помощник»[2]; «На дороге встречались худые деревья, горькая горелая трава и всякий другой мертвый инвентарь природы»[3].

Также лексема *мертвый* может выступать в качестве субстантивированного прилагательного, в таком случае она обозначает умершего человека: «Он находил необходимым научное воскрешение мертвых, чтобы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость»[4]. Здесь можно проследить откровенное противоречие позиции главного героя и позиции автора, который считал, что для появления нового необходимо уничтожить старое (см. выше). Герой, Фома Пухов, напротив, считает, что все должны жить, но при этом он согласен принять факт существования смерти и считает ее справедливой: «Конечно, Пухов принимал во внимание силу мировых законов вещества и даже в смерти жены увидел справедливость и примерную искренность»[5].

Лексема *помертветь* употреблена автором для того, чтобы еще раз обратить внимание на важность природы, ее главенствующую позицию. В описании сцены гибели «Марса», попавшего в шторм и не устоявшего перед натиском стихии моря, это видно: «Люди на “Марсе” вздрогнули, помертвели до черноты лица и бросились как попало вниз – на палубу “Шани”»[6]. Люди пытаются противостоять природе, сохранить жизнь, и здесь в очередной раз демонстрируется позиция автора, говорящего о том, что жизнь – более совершенная форма бытия.

Завершая анализ функционирования оппозиции «жизнь – смерть» в повести А. Платонова «Сокровенный человек», приходим к выводу, что для этой повести, как, впрочем, и для всего творчества писателя характерна оппозиционная пара «жизнь – смерть», возникающая в творчестве писателя на основе его философии. Как показывают тексты А. Платонова, в художественном мире писателя важно избежать смерти, победу в этом противостоянии отдать жизни как наиболее совершенной форме существования бытия.

---

[1] Там же. – С. 34.
[2] Там же. – С. 35.
[3] Там же. – С. 37.
[4] Там же. – С. 40.
[5] Там же. – С. 35.
[6] Там же. – С. 40.

Сопоставляя случаи функционирования оппозиции «жизнь – смерть», отраженные в проанализированных нами пословицах В.И. Даля, зафиксированных в издании «Пословицы русского народа»[1], со случаями функционирования оппозиции «жизнь – смерть» в повести А. Платонова, мы пришли к выводу, что в национальной картине мира русского народа зафиксировано понимание неизбежности смерти как закономерного итога существования всего живого; экспликация компонента жизнь, входящего в состав оппозиции «жизнь – смерть», в пословицах русского народа осуществляется посредством лексем *жить*, *живой*; компонента *смерть* – лексемами *умирать*, *смерть*. В языковой картине мира А. Платонова, в противоположность национальной картине мира, представлено особое понимание жизни, в которое вписывается «оживание» различных машин и механизмов и стремление героев избежать смерти. На наш взгляд, можно говорить, что в художественном мировоззрении А. Платонова происходит смена полярности в бинарной оппозиции «жизнь – смерть», характерной для языковой картины мира русского народа, репрезентируемой в паремических единицах, включенных в лексикографические работы В.И. Даля.

N.B. Bugakova

Semantic Dynamics of the Opposition “Life – Death” in A. Platonov’s Individual Picture of the World (on the Background of Lexicographic Works by V.I. Dahl)

Summary. *The proposed study is devoted to the consideration of the semantic dynamics of the opposition “life – death” in A. Platonov’s individual picture of the world. In the study we noted the importance of the functioning of the oppositional pair “life – death” in the writer's work, which arises there on the basis of Platonov’s philosophy. As the analysis showed, the cases when the writer addresses the “life” part of the opposition are much more frequent than the situations of verbalization of the “death” part. This happens, in our opinion, because it is important for the writer to avoid death, to give victory in this confrontation to life as the most perfect form of existence.*

Key words: *V.I. Dahl, A. Platonov, life, death, binary oppositions.*

[1] Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / Соч. Владимира Даля. – Т. 1. – С. 263.

Т.В. Гончарова

Лексикография в современном филологическом образовании

Аннотация. *В статье описывается опыт работы по формированию лексикографической компетенции в процессе подготовки студента-филолога, будущего учителя русского языка и литературы, раскрывается роль словарей как наиболее удобной формы фиксации и хранения знаний о языке и речи и – шире – обо всех аспектах накопленной и переработанной научной информации.*

Ключевые слова: *слово, словарь, типология словарей лексикология, лексикография, В.И. Даль, лексикографическая компетенция, лексикографическое портретирование.*

Проблемы лексикографии, в частности, теоретические и практические ее аспекты при подготовке учителей русского языка и литературы в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского традиционно рассматриваются в курсе «Лексикология и лексикография», который завершается разделом, посвященным лексикографии. Несомненно, что лексикография и в теоретическом плане, и в практическом опирается на данные лексикологии, поскольку ни один из вопросов, решаемых лексикографией (а это и лексическое значение слова, и полисемия, и стилистическая характеристика, и парадигматические отношения и т.д.), не может быть рассмотрен без учета наработок лексикологии. Кстати, точка зрения, что лексикология является теоретической основой лексикографии, поддерживается целым рядом авторитетных ученых (В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян и нек. др.). Однако необходимо подчеркнуть, что слово является предметом описания во множестве комплексных словарей, где оно представлено, в зависимости от типа словаря, как средоточие других строевых единиц языка (единиц фонематического, морфематического уровней). А это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что теоретической основой лексикографии являются фонетика, морфология, словообразование и другие лингвистические дисциплины. Об этом свидетельствует и наличие в отечественной лексикографии таких словарей, как, например, «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, «Словарь морфем русского языка» А.Н. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова, «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка» Г.А. Золотовой, орфографические, орфоэпические словари и др. Указанный факт приводит нас к убеждению, что проблемы лексикографии должны стать «сквоз-

ными» при изучении всего комплекса лингвистических дисциплин, представленных в учебных планах филологических факультетов, а если учесть, что, начиная с конца XIX в. в отечественной лексикографии активно развивается так называемая писательская (авторская) лексикография, которая решает целый ряд важнейших задач, связанных с изучением особенностей идиостиля того или иного автора, с эволюцией выразительных средств, с раскрытием через язык мировоззрения писателя, системы его философских, этических и эстетических ценностей, то лексикографические издания подобного типа должны занять особое место и при изучении дисциплин литературоведческого цикла.

В последнее десятилетие вышел в свет целый ряд принципиально новых лексикографических изданий, которые воплощают идеи антропоцентрической лексикографии и обращение к которым позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти, интерпретировать лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека. Именно поэтому основы лексикографической компетенции студентов-филологов закладываются при изучении раздела «Лексикография» в курсе лексикологии. Следует подчеркнуть, что на кафедре русского языка и литературы нашего университета этой дисциплиной в соответствии с учебным планом начинается изучение модуля «Современный русский язык», поскольку мы исходим из понимания того, что слово – это базовый элемент языка, основная единица языка в целом, что, «...слово, по мысли Ф. Соссюра, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка ...»[1].

Именно поэтому особое внимание в данном курсе мы уделяем тем лексикографическим изданиям, которые вписываются в понятие «словарная лексикография»: «Словарной называется такая лексикология, в рамках которой слово, системные объединения слов, словарный состав в целом, а также характерные для лексического яруса метаязыковые понятия и категории рассматриваются с постоянным учётом того, что результаты этого рассмотрения должны в максимальной степени соответствовать потребностям их лексикографического применения»[2].

Рабочая программа курса «Лексикология и лексикография» построена с учетом того, что изучение лексикографических проблем проходит красной нитью через весь курс, что совершенно очевидно,

---

[1]Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – С. 39.

[2]Богачева Г.Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования: монография. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – С. 24.

поскольку, как уже было сказано выше, любая проблема лексикологии не может быть всесторонне рассмотрена без обращения к различным типам словарей.

В самом начале изучения курса студенты выполняют лабораторную работу «Основные словари русского языка. Слово в толковых словарях. Способы толкования лексического значения».

Данное лабораторное занятие предполагает обращение к научным работам, посвященным теоретическим проблемам лексикографии, в частности, к исследованиям Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, статьи «Словарь» из Лингвистического энциклопедического словаря под ред. В.Н. Ярцевой (М.: Сов. энциклопедия, 1990), изучив которые студенты должны кратко письменно сформулировать ответы на следующие вопросы:

1) Каково значение словарей в жизни общества?

2) Назовите основные типы словарей, представленные в классификациях разных исследователей.

3) В чем специфика структуры словарной статьи в разных типах словарей?[1].

Учитывая тот факт, что современные студенты зачастую пользуются словарями, представленными в разных электронных форматах, мы предлагаем им подумать над тем, какой еще антиномией может быть дополнена известная типология словарей Л.В. Щербы – это критерий формы существования словаря: электронный (цифровой, интернет-словарь, существующий в онлайн-формате) – печатный (бумажный, опубликованный в форме книги).

Следующий этап работы – знакомство с основными толковыми словарями русского языка. Известно, что объем информации о слове, её детализация и способы представления в толковых словарях разных лексикографических традиций существенно различаются. Чтобы увидеть специфику каждого из предложенных словарей, мы предлагаем проанализировать структуру словарной статьи, обратив внимание на различные лексикографические параметры, в частности:

1) на количество значений,

2) на одинаковые и отличные, прямые и переносные значения,

3) на грамматические пометы;

4) на стилистическую характеристику слова,

5) на характер иллюстративного материала,

[1]Подробно система работы представлена в нашем пособии: Гончарова Т.В. Современный русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебное пособие. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – С. 77–83.

6) на принцип размещения фразеологизмов в структуре словарной статьи,

7) на характер различного рода справок (исторических, этимологических, орфоэпических).

Это дает возможность осознать, что «словарная статья одноязычного толкового словаря представляет собой сложный лингвистический жанр. <…> Являясь центральным типом словарей, толковые словари в значительной степени выполняют функции других (аспектных) словарей»[1]. что, в свою очередь, позволяет подготовить к восприятию этих словарей.

Следует подчеркнуть, что, проводя данную работу, мы особое внимание уделяем «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля.

В связи с тем, что в последнее время мы сталкивается с такими утверждениями студентов: «Словарь Даля написан на непонятном для нас древнерусском (?) языке!», – мы предпочитаем проводить данное занятие в читальном зале библиотеки университета, где имеются в наличии издания словарей разных лет, что дает возможность в полной мере продемонстрировать мысль о том, что любой словарь отражает определенный «синхронный срез» языка. Знакомя студентов с современными вариациями словаря В.И. Даля, в том числе и однотомными, и двухтомными, и фрагментарными и даже, как это ни странно, в карманном формате издания, в том числе и переведенными на современную русскую орфографию, мы пытаемся донести до обучающихся мысль о том, что подобные версии уродуют прекрасный Словарь, снижают его непреходящую ценность, связанную с тем, что он является «энциклопедией народной русской жизни первой половины XIX века»[2]. К сожалению, сегодняшние студенты 1 курса практически не знакомы с кириллической азбукой, существовавшей в нашей стране вплоть до 1918 года, поэтому, подготавливая обучающихся к работе со Словарем Даля, мы обращаемся к дореформенному алфавиту, предлагая ответить на следующие вопросы: почему в Словаре Даля на букву «Е» нет словарной статьи слова «еда», а на букву «И» – слова *ипостась*? (Эти слова в соответствии со старой орфографией начинались соответственно с букв ять и ижица.)

На данном этапе обучения мы обращаем внимание на основные лексикографические установки составителя словаря (гнездовой способ

---

[1] Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 64.

[2] Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 202.

описания лексики, способы толкования значений, иллюстративный материал, подача иноязычных слов в словаре, народное слово в Словаре Даля).

Анализ словарных статей Словаря В.И. Даля и других толковых словарей русского языка, прежде всего XX в., помогает студентам ответить на вопрос: «Почему толковый словарь называют «словарем словарей»? Здесь уместно также вспомнить, что само слово *толковый* стало термином лексикографии благодаря В.И. Далю.

Следующее обращение к личности В.И. Даля и его бессмертному творению происходит в рамках учебной конференции «Вселенная в алфавитном порядке», которую мы традиционно проводим со студентами первого курса в конце изучения дисциплины «Лексикология». Одна из проблем конференции – «Русская лексикография в лицах» – предполагает обращение к жизни и деятельности выдающихся лексикографов. Это представляется особенно важным потому, что зачастую «студенты не соотносят научное достижение, научный успех с конкретной личностью, живым автором этого достижения, тогда как заразительным и зовущим бывают примеры (а не постулаты), образы (а не сентенции), чьи-то попытки преодоления, фантазии, порывы»[1]. Готовя сообщения о жизненном и творческом пути лексикографа, студенты обращают внимание на то, почему Владимира Ивановича сравнивают с человеком эпохи Возрождения, почему, не имея ни капли русской крови, он считал себя русским человеком, с какого конкретного случая начался интерес Даля к словам, узнают о его военной медицинской, чиновничьей, писательской деятельности, о его общении с выдающимися современниками (В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, Н.А. Некрасовым и др.) и, наконец, о его подвижническом 53-летнем труде по созданию Словаря [2].

Завершающий этап работы – тестирование, задания для которого представлены в нашем пособии[3].

---

[1]Харченко В.К. Как заниматься наукой. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 7.

[2]Интересные сведения об этом представлены в сборнике кафедры русского языка ЛГПУ, посвященном 200-летию со дня рождения В.И. Даля и, в частности, в статье В.В. Щеулина «Жизненный путь Владимира Ивановича Даля». См.: Великий собиратель, хранитель и защитник русского слова (к 200-летию со дня рождения В.И. Даля) / Отв. ред. докт. филол. наук, проф. В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПУ, 2001. – С. 3-23.

[3]Гончарова Т.В., Попова Е.А. Лексикология. Лексикография. Фразеология. Контрольные задания и справочные материалы: учебное пособие. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 30-36.

Следующий этап работы по формированию лексикографической грамотности студентов связан с занятиями в элективном курсе «Современные лингвистические словари: их теоретическая и прикладная значимость». Данный курс по выбору, как видно из названия, посвящен современным словарям, однако, как известно, любой словарь опирается на данные предшествующих изданий, словарных картотек, лингвистического эксперимента, машинных баз данных, поэтому мы обращаемся и к истории русской лексикографии, в частности, данный элективный курс позволяет более детально изучить особенности и специфику далевского словаря, которому мы посвящаем отдельное семинарское занятие. Мы знакомим студентов с высказыванием О. Мандельштама: «Каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»[1], – и предлагаем на основе изучения ряда словарных статей прокомментировать его, обратив внимание на то, почему поэт назвал словарь «*крылатой крепостью номинализма*». Для этого предлагается выполнить следующие задания:

I. Выберите из словаря Даля словарные статьи, на основании которых можно утверждать, что основное направление его словаря – это «знакомить русских с Русью»[2]. Как отражаются в словарных статьях элементы русской языковой картины мира?

II. Используя материалы словарных статей, ответьте на следующие вопросы:

а) чем занимался *козлодёр*; (*козлодёр* – плохой певчий, с противным, высоким, сиплым и дрожащим голосом);

б) что отнимала *отымалка*? (*отымалка* – тряпка, которой берут горшок из горячей печи; тряпка для различных кухонных надобностей);

в) что общего у слов *дужка, мотовище, перевясло, грабловище, скоба, удовище, древко, топорище, колодка, цепник* (то, за что берут, поднимают вещь);

г) где летают *летасы*? (*летасы* – мечты, грёзы наяву, несбыточные замыслы);

д) когда летает *летига*? (*летига* – летучий паутинник во время бабьего лета)

---

[1]Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 63.

[2]Порудоминский Владимир. Даль. – М.: Молодая гвардия, 1971. – [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/porudominskiy_vladimir/dal.html#0 (дата обращения 17 октября 2021 г.).

е) в чем разница между *летуньей* и *летихой* (*летунья* (ж.) – кто летает, кто шибко ходит; *летиха* – ракета);

ж) подберите родственное современное слово к лексеме *супря* (спор, тяжба, борьба, препирание – *распря*)[1].

Особое внимание при этом обращается на выделение и анализ словарных статей, в которых содержатся сведения о жизни народа (способах ведения хозяйства, быте, одежде, семейном укладе, суевериях, обрядах, нравах и т.п.).

Подобные задания по словарю В.И. Даля дают возможность в полной мере продемонстрировать, что идеи выдающегося лексикографа сегодня реализуются в современных лингвокультурологических и идеографических словарях, которые «охватывают своим описанием разные фрагменты языковой картины мира, а также дают представление о языковой модели мира в целом и в рамках той концепции, которой следует автор конкретного словаря»[2].

Более того, обращаясь в данном курсе к изучению современных словарей, студенты могут убедиться в том, что для них характерно преобладание энциклопедической составляющей в структуре словарной статьи, а это оказывается существенным именно в аспекте гуманитарного образования[3].

Многие лингвисты справедливо отмечают, что словарь – это наиболее удобная форма фиксации и хранения знаний о языке и речи, и – шире – обо всех аспектах накопленной и переработанной научной информации[4].

Данный факт обусловливает то, чтобы на следующей ступени обучения – в магистратуре – ввести элективный курс «Лексикография в современном образовательном пространстве», тем более что, по мнению лингвистов, «всякий словарь – прежде всего ***дидактическое*** (выделено нами. – Т.Г.), т.е. предназначенное для обучения, произведение. Лексикограф... выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к

---

[1]Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

[2]Лукьянова Н.А. Типология современных русских словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1996 (Выпуск 1). – С. 101.

[3]Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности // Verbum: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2006. – С. 31-32.

[4]Там же. – С. 31.

словарю, как бы задает вопрос лексикографу»[1]. Знакомство с широким спектром современных словарей, среди которых аспектные, идеографические, напрямую связанные с развитием и достижениями когнитивной лингвистики, частотные, ономастические, ассоциативные, словари лингвокультурологического типа, словари языка писателей, ортологические словари, а также обращение к электронным ресурсам по культуре речи позволяет завершить изучение данного курса в магистратуре созданием лексикографического портрета предложенного слова.

Сама идея лексикографического портретирования связана с мыслями Ю.Д. Апресяна об интегральном лексикографическом описании, которое «складывается из трех частей: 1) полного семантико-прагматического представления языковой единицы; 2) характеристики ее коммуникативно-просодических, сочетаемостных, синтаксических, морфологических и стилистических свойств; 3) информации о семантических связях значений данной языковой единицы с другими значениями в словаре (синонимов, антонимов, конверсивов и некоторых типах дериватов). Необходимость во всех этих типах лексикографической информации непосредственно вытекает из принципа интегральности»[2]. Таким образом, работа по лексикографическому портретированию позволит обучающимся не только детально познакомиться с разными типами словарей, но и даст возможность представить лексику как систему, а словарный состав языка как хранитель огромного количества информации как собственно языковой, так и внеязыковой.

Думается, что такая организация работы по изучению лексикографии, осуществляемая на разных ступенях обучения, выработает потребность обращения к словарю для решения познавательных и коммуникативных задач, научит выбирать нужное лексикографическое издание с учетом его типа и жанра, а также воспринимать текст словаря и извлекать из него необходимую информацию и – что особенно важно – «получать интеллектуальное удовлетворение от обращения к нему как уникальному хранилищу накопленного предшествующими поколениями опыта, как связующей нити между разными эпохами»[3]и осознавать место словарей в культурной жизни народа.

---

[1]Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Русский язык, 1977. – С. 12.

[2]Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 55-56.

[3] Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 169.

T.V. Goncharova

Lexicography in modern philological education

Summary. *The article describes the experience of work on the formation of lexicographic competence in the process of training a philologist student, a future teacher of Russian language and literature, reveals the role of dictionaries as the most convenient form of fixing and storing knowledge about language and speech, and – more broadly – about all aspects of accumulated and processed scientific information.*

Key words: *word, dictionary, typology of dictionaries, lexicology, lexicography, V.I. Dahl, lexicographic competence, lexicographic portraiture.*

Е.Н. Карташова

ОБРАЗ ШУКШИНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ФОЛЬКЛОРНОМ КОНТЕКСТЕ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности репрезентации образа женщины в фольклорном тексте (на лексикографическом материале В.И. Даля) и в произведениях В.М. Шукшина.*

Ключевые слова: *женщина, характер, образ, жена, мать, теща.*

Женские образы представляют интерес для исследования как с литературоведческих, так и с лингвистических позиций, поскольку в них репрезентируются как общекультурные стереотипы, так и индивидуальные авторские наблюдения. В произведениях русского фольклора запечатлено мировосприятие народа, его морально-нравственные ценности. Необходимо отметить близость В.М. Шукшина к фольклору: «…Василий Шукшин как художник и гражданин позиционировал себя “выразителем крестьянства” и постоянно демонстрировал неотрывность от корней народных, от народной культуры. По его высказываниям, по его книгам видно, что он не “точечно” и не изредка обращается к архетипическим сюжетам, мотивам и образам фольклора. Не подлежит сомнению, что фольклорно-литературное взаимодействие здесь основано на глубинном, тотальном проникновении в народную культуру, в переосмыслении и отталкивании от нее. Такой фольклоризм обеспечивает показ жизни

нации, народа не со стороны, а изнутри. <…> Являясь сам носителем фольклора, он делает его ведущим в психобиографической составляющей стратегии текста»[1].

Особенности женского характера, запечатленные в фольклоре, нашли отражение в женских образах В.М. Шукшина, которые близки к образам, создаваемым в пословицах и поговорках.

Образ матери у В.М. Шукшина неразрывно связан с образом родины: «Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях, о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет»[2]. Мать писателя, Мария Сергеевна Куксина-Шукшина (1909–1979), оказала огромное влияние на творчество сына. Ее личность сама по себе была уникальна. Как отмечает Л.Т. Бодрова, «при страшных испытаниях, выпавших на ее долю, она сохранила удивительное самообладание, душу живу и, не получив образования, тем не менее успешно освоила народную мудрость и основы традиционной культуры, эмоциональную память»[3].

Будучи зрелым писателем, В.М. Шукшин подчеркивал: «Я у нее учился писать рассказы»[4]. Мать передала ему всю красочность, «сочность» русской народной речи, неповторимую искрометность народного юмора, простоту и накопленную веками мудрость, заключенную в произведениях фольклора: сказках, песнях, пословицах и поговорках. Поэтизируя простую деревенскую женщину-мать, В.М. Шукшин изображает ее хранительницей дома, семенных традиций[5], мать-труженицу, какой помнил В.М. Шукшин свою мать, опору для любого человека во всех превратностях судьбы.

Для репрезентации образа матери в прозе В.М. Шукшина используются следующие средства: религиозная лексика (*Бог, Господь, Христос, Божья Мать*, а также наименование *Никола* – наиболее почитаемый православными святой), диалектизмы (*анделы*, *гумажки, ишо*), лексемы, репрезентирующие сердечную мудрость (*сердце чу-*

---

[1] Бодрова Л.Т. Малая проза В.М. Шукшина в контексте современности: монография. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 44-45.

[2] Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. – М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. – С. 642.

[3] Бодрова Л.Т. Малая проза В.М. Шукшина в контексте современности: монография. – С. 51.

[4] Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. – С. 629.

[5] Шестакова И.В. К вопросу о русском национальном характере в кинотворчестве В.М. Шукшина // Культурное наследие Сибири: Сб. научных трудов. Вып. 10. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 103.

ет, сердце мудрое), лексемы, репрезентирующие материнские страдания (*молча плакала, жалко сына, душа болит*)[1].

Образ матери в шукшинских художественных текстах близок к фольклорному образу, основные черты которого проявились как в русских народных сказках, так и в малых фольклорных жанрах – пословицах и поговорках. Так, в русских пословицах, зафиксированных в лексикографическом наследии В.И. Даля, отразилось отношение матери к детям: Бог до людей, что мать до детей *(добра);* Матернее сердце в детках, а детское в камне[2] *(многострадальная мать всегда простит своих непутевых детей).* Материнская молитва со дна моря вынимает (достает)[3] *(набожность, спасительная сила молитвы матери за детей). В пословицах отражены такие черты характера матери, как строгость и справедливость*: Матерни побои не болят; Мать и бия не бьет. Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет; Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет[4]. *Мать всегда страдает за своих детей, жалеет их:* Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку. Мать – самый лучший друг, она дарит тепло и добро: Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; При солнце тепло, а при матери добро; Нет такого дружка, как родная матушка[5].

В отличие от характера матери, описанного ранее, в собирательном образе жены, представленном в творчестве В.М. Шукшина, мастерски переплетаются как положительные, так и отрицательные черты, истоки которых также находим в малых фольклорных жанрах, отраженных в лексикографических работах В.И. Даля.

Доброй жене, представленной в паремиях, присуща жалостливость (*Мужик без бабы пуще малых деток сирота,* над ним никто не сжалится[6]), ум, находчивость, бережливость, стремление помочь (*Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет; Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; На хорошую глядеть хорошо, а с умною жить хорошо; Добрая жена – веселье, а худая –*

---

[1] Карташова Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2021. – 150 с.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 307-308.

[3] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 338.

[4] Там же. – С. 338-339.

[5] Там же. – С. 338.

[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 32.

злое зелье[1]. Ум – важное качество хорошей жены: *Умная жена, как нищему сума* (все сбережет); *От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне; Жена честнее – мужу милее. Подчас и жена мужа красит*[2]. Жена утешает мужа, она – душа семьи: *Жена мужу пластырь, муж жене пастырь; Муж – голова, жена – душа; Жена честнее – мужу милее. Подчас и жена мужа красит; Без мужа, что без головы; без жены, что без ума*[3]. Жена является держательницей домашнего уклада, хозяйственность жены подчеркивается в произведениях русского фольклора: *Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит; Не столько муж мешком, сколько жена горшком* (сберегает, приносит в дом); *Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт*[4].

Злость жен выделяется в произведениях русского фольклора и является одной из негативных характеристик жен. Ряд пословиц создает образ злой жены, которая сравнивается со змеей, сатаной, она даже хуже, чем эти существа: Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена *(и спать не дает);* Злая жена – засада спасению. Злая жена сведет мужа с ума; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Перед злой женою сатана – младенец непорочный; Лучше жить со змеею, чем со злою женою; Злая жена – та же змея. Злая жена – злее зла; Всех злее злых злая жена. Всех злыдней злее жена злая[5].

Подобные фольклорным образы доброй и злой жены находим в прозе В.М. Шукшина. Писатель изображает умных (ум вербализуется адъективами *умная, головастая*), бесконфликтных жен (бесконфликтность вербализуется синонимичными наречиями *мирно, тихонько, тихо, спокойно* и т.д.), жен с веселым нравом (репрезентируется с помощью лексем, входящих в лексико-семантическую группу «смех»: *смеяться, смешливая, смех* и т.д.), интуитивно чувствующих любые изменения в настроении мужа (репрезентанты: *чутьем угадавшая, сердце чует* и т.д.).

Девушкам в произведениях В.М. Шукшина присущи стыдливость, целомудренность, веселый нрав, ласка, гордость, сила, сходство с ребенком, чистота.

---

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. l. – С. 315-316.
[2] Там же. – С. 324-325.
[3] Там же. – С. 324-326.
[4] Там же. – С. 322, 324.
[5] Там же. – С. 329.

Пословицы о девушке отмечают ее смирение, кротость, стремление любить: *Смиренье – девичье ожерелье. Девичье терпенье – жемчужно ожерелье; Не берись, девка, за лапту* (т.е. будь скромна); *Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит; Всяк бы про девку слышал (ведал), да не всяк бы ее видел; Чего девушка не знает, то ее и красит; У доброй девки ни ушей, ни глаз*[1]; *От слова девка брусвянеет* (*брусвянеть* – 'краснеть, алеть, багроветь')[2]. Стремление девушки любить также отражено в пословицах: *Лакома овца до соли, коза до воли, а девушка к новой любови*[3]; *Что шелкова ленточка к стенке льнет* (девица к парню)[4].

В пословицах и поговорках подчеркивается и красота девушек: Девичья коса – на всю Москву (на все село) краса; Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде; Грудь лебедина, походка павлина, очи сокольи, брови собольи[5].

В художественном наследии В.М. Шукшина образ девушки во многом уподобляется фольклорному. Доминантным средством создания образа девушки являются деминутивы, которые позволяют В.М. Шукшину передать непосредственность девушек, их сходство с маленькими детьми (*маленькая полненькая девушка, курносенькая, хохотушка* и т.д.). Внешне шукшинские девушки отличаются крепким телосложением, здоровым румянцем и физической силой (*сильная, крепкая* и т.д.). Девушкам в произведениях В.М. Шукшина присущи стыдливость, целомудренность (*стыдливая, покраснела* и т.д.), чистота (*беленькая, чистенькая* и т.д.).

В пословицах и поговорках, представленных в лексикографическом наследии В.И. Даля, трагичен и печален образ одинокой женщины, вдовы: С мужем нужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой; На вдовий плач глядя, и мужик убивается; Нет причитания супротив вдовьего; Без мужа жена – всегда сирота; Жена без мужа – всего хуже; Жена без мужа – вдовы хуже*;* Вдовье дело горькое. Вдовье сиротское дело. Сирая вдова — круглая сирота;

---

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 229-230.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 131.

[3] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – С. 228.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 627.

[5] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – С. 229.

В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде[1].

Герои произведений В.М. Шукшина с сочувствием относятся к одиноким женщинам. Это сочувствие эксплицируется посредством лексем жалко, слабые: «Славный это народ, одинокие женщины. Почему-то у них всегда уютно, хорошо. <…> Милые. Добрые. Жалко их»[2] *(«Сураз»). Это отношение биографически детерминировано: мать писателя рано овдовела, осталась с двумя детьми в послевоенные годы, Василию пришлось взять на себя обязанности главы семьи.*

В русском фольклоре ярко прорисован образ тещи. В некоторых пословицах и поговорках показаны положительные черты характера тещи: приветливость (*У тещи зятек любимый сынок*[3]), гостеприимство (*Тещины блины сладки; У тещи-света - все для зятя приспето*[4]; *Зять да сват у тещи первые гости; Зять на дворе, пирог на столе!*[5]).

Однако чаще образ тещи наделен отрицательными чертами: жадность, лживость, неприветливость: *У тещи карманы тощи; Был у тещи, да рад утекши; Зять с тещею говорит день до вечера, а послушать нечего; Смолода меня теща зятем звала, а взростя дочь – за иного отдала; Теща зятя в гости зовет: на Петров день, на сыр, на Ильин день, на бараний рог; на Успение, на морковкино заговенье*[6].

Теща уподобляется черту, то есть является символом лукавства, раздора в семье, а черт, как известно, – это «олицетворенье зла, враг рода человеческого: нечистый, <…> черная сила, сатана, диавол, лукавый»[7]. Негативное отношение к зятю отражено в ряде пословиц, помещенных в качестве иллюстративного материала в словарной статье «зять»: *Думала теща пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел!; Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени; С сыном бранись, на печь ложись; с зятем бранись, за скобку держись,*

---

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – С. 323-324, 330.
[2] Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. – С. 81.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 405.
[4] Там же.
[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 699.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 405.
[7] Там же. – С. 597.

т.е. хоть из дому вон, прибьет; *Не зять бы был, не чертом бы (не собакой) бы слыл; Нет черта в доме – прими зятя; Тесть за зятя давал рубль, а после давал полтора, чтобы свели со двора; На зятьев не напасешься, что на яму*[1].

Если образ матери у В.М. Шукшина идеализирован, то образ тещи вобрал в себя все черты, которые приведены в словаре В.И. Даля: злость (*кричала, вопила, злилась*), глупость (*дура*). Демонстрируется неуважение / нелюбовь зятя к теще: «*Теща – змея и дура, она не три года, а готова пять выхлопотать для зятя, и все равно это можно понять. Она такая – курва*»[2] («Мой зять украл машину дров»).

Как видим, народные традиции изображения русской женщины, нашедшие свое отражение в малых жанрах русского фольклора, вошедших в лексикографическое наследие В.И. Даля, воплотились в женских образах, представленных в произведениях В.М. Шукшина.

E.N. Kartashova

The image of a Shukshin woman in a folklore context (based on lexicographic material by V.I.Dal)

Summary. *The article examines the features of the representation of the image of a woman in the folklore text (on the lexicographic material of V.I. Dal) and in the works of V.M. Shukshin.*

Key words: *woman, character, image, wife, mother, mother-in-law.*

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 699.

[2] Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 1. – М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. – С. 335.

Г.Ф. Ковалев

О ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКАМИ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК А.С. ПУШКИНА И В.И. ДАЛЯ

Аннотация. *Два великих человека постарались больше всех на благо русского языка. И оба не были связаны по происхождению с Россией и русским народом! Предки А.С. Пушкина – из Африки, предки В.И. Даля – с родины принца Гамлета и Г.Х. Андерсена. Однако же каждый из них свершил великий подвиг России и русскому народу: великий поэт А.С. Пушкин создал наш современный литературный язык, а выдающийся лексикограф России В.И. Даль в своем Словаре зафиксировал основы русского национального языка, показав в определенном хронологическом срезе практически все пласты и уровни нашего языка, дав им блестящий, до сих пор непревзойденный комментарий истинного знатока.*

Они оба затем стали авторами своеобразного жанра – литературной сказки. Однако современные им критики по-разному оценили их сказочное творчество. Они, во главе с В.Г. Белинским, восторгались сказками В.И. Даля, а сказки А.С. Пушкина называли фальшивыми, мертвыми цветами, хотя и те, и другие были по эстетике и идеологии истинно национальными.

Пушкин и Даль общались друг с другом и проявляли при этом великое уважение как одни из первых собирателей русского фольклора, блестящие этнографы и воистину знатоки русской речи.

Ключевые слова: *А.С. Пушкин, В.И. Даль, В.Г. Белинский, русский язык, народная сказка, литературная сказка, «Толковый словарь живого великорусского языка».*

Парадокс: два великих человека постарались больше всех на благо русского языка. И оба в прошлой перспективе никак не были связаны по происхождению с Россией и русским народом! Предки А.С. Пушкина – из Африки, предки В.И. Даля – с родины принца Гамлета и Г.Х. Андерсена. Однако же каждый из них свершил великий подвиг России и русскому народу: великий поэт А.С. Пушкин создал наш современный литературный язык, а выдающийся лексикограф России В.И. Даль в своем Словаре зафиксировал основы русского национального языка, показав в определенном хронологическом срезе практически все пласты и уровни нашего языка, дав им блестящий, до сих пор непревзойденный комментарий истинного знатока.

Четыре тома «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–1866), словаря, создать который не под силу и академическому

институту. А ведь это был титанический труд одного человека, правда, у В.И. Даля была масса корреспондентов по всей великой России, однако все равно не верится, просто не верится, что все это собрал и научно классифицировал, описал один-единственный человек. Не верится, да ведь так оно и было! Народ российский обязан считать деятельность этого самозабвенного труженика на ниве языка русского не менее как подвигом.

У Владимира Ивановича перед глазами был прекрасные примеры: замечательный словарь сербского языка Вука Караджича[1], польского языка С.Б. Линде[2]. Но и сам В.И. Даль подал прекрасный пример братьям-славянам. Именно вслед за ним такие же уникальные национальные словари были созданы белорусом И.И. Носовичем[3], болгарином Николаем Геровым[4], украинцем Борисом Гринченко[5].

В.И. Даль начинал свою литературную деятельность со сказок – печататься он начинает с 1830 г. (повесть «Цыганка»). Через два года выходят его знаменитые «Сказки Казака Луганского». С 1833 г. он начал службу при оренбургском губернаторе. Здесь-то он и сблизился с А.С. Пушкиным, посетившим Оренбург для уточнения материалов к повести «Капитанская дочка». А далее: восемь томов литературных произведений, среди которых очередная жемчужина В.И. Даля – «Пословицы и поговорки русского народа».

Владимир Иванович никогда не был ханжой. Он правильно понимал ценность каждого русского слова, поэтому его Словарь, кроме всех стилистических слоев русского языка, включал и сниженную лексику, и даже... русский мат. Громадное место у Даля уделено этнографическим реалиям. По статьям Словаря Даля (а зачастую и только по ним) можно восстановить воочию мир российского крестьянина, купца, ремесленника и даже изгоя общества, попавшего в юридическую немилость. Поэтому, оглядываясь на неудачное определение, данное В.Г. Белинским «Евгению Онегину» А.С. Пушкина – «Энциклопедия русской жизни», Словарь В.И. Даля вполне можно было бы назвать «Энциклопедией русской речи».

А вот А.С. Пушкин создавал сказки уже в зрелом для своего творчества возрасте, только после Михайловского и Болдинского «си-

[1] Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским рјечма. – У Бечу, 1818.
[2] Linde S.B. Słownik języka polskiego. – Lwów, 1854–1860, t. 1-6.
[3] Носович И.И. Словарь белорусского наречия. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870.
[4] Геров Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. – Пловдив, 1895–1904, т. 1-5.
[5] Гринченко Б. Словарь украинского языка / Под ред Б.Д. Гринченко. – Кіев, 1907–1909, т. 1-4.

дений». Правда, первую свою сказку «Руслан и Людмила» Пушкин написал практически сразу по окончании Лицея. И, несмотря на несколько нерусскую («итальянскую», по безграмотному выражению В.Г. Белинского) сказочность, молодой поэт впечатал на века в русскую антропонимию два золотых имени: *Руслан*, заимствованное из арабск. через тюркское посредство – *арслан* – ‘лев’, и *Людмила* – имя святой, чешской королевы X века, последовательной сторонницы просвещения славян на родном языке.

К тридцатилетию своей жизни А.С. Пушкин в какой-то степени уходит в мир, отличный от мира светского быта, мира иностранщины. Его все больше интересует родная история, жизнь и культура русского народа, не признаваемая культурой официальной. Сам поэт в заметке «О поэтическом слоге» (1828 г.) признавался: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию»[1]. Об этом же писал и друг Пушкина, гениальный польский поэт А. Мицкевич. В статье-отзыве на гибель Пушкина он говорил, что поэт «к тридцатилетнему возрасту» склонялся все больше к русскому народному творчеству и уже вместо того, чтобы «пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и в песни. Казалось, он окончательно покидал чужие области и пускал корни в родную почву… Очевидно, поддавался внутреннему преобразованию».

Пушкин высоко оценивал народную сказку. В письме брату Левушке он восторженно писал о сказках (1824 г.), услышанных в Михайловском от старой няни Арины Родионовны: «Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»[2].

В.Я. Пропп, самый авторитетный отечественный фольклорист, справедливо заметил: «В истории русской художественной литературы Пушкин был первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки.

На первый взгляд, эти записи не представляют ничего особенного. С точки зрения современных требований, это то, что мы сейчас называем конспективной записью. И, тем не менее, записи Пушкина знаменуют перелом в отношении к устному народному творчеству. Принято думать, и

[1] Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 258.
[2] Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 112.

так обычно пишут, что Пушкин записывал сказки для того, чтобы их потом использовать. Это сомнительно»[1].

В заметках «Опровержение на критики» Пушкин пророчески писал: «Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка»[2]. Поэт с глубоким пониманием слушал и записывал сказки и другие виды фольклора. Практически только после Пушкина вышли сборники «пересказанных», по выражению В.Г. Белинского, сказок И. Ваненко, Б. Бронницына, И. Сахарова.

Сказки Пушкина сразу же после публикации встретились с неприятием их критикой. Например, «неистовый Виссарион» в обзоре «Литературная хроника» так отозвался на эти сказки: «Мнимый период падения таланта Пушкина начался для близорукого прекраснодушия с того времени, как он начал писать свои сказки. В самом деле, эти сказки были неудачными опытами подделаться под русскую народность <…>»[3]. Это было написано уже после смерти А.С. Пушкина. А двумя годами раньше, еще при жизни поэта, критик писал: «…самые его сказки – они, конечно, решительно дурны, конечно, поэзия и не касалась их <…> Мы не можем понять, что за странная мысль овладела им и заставила тратить свой талант на эти поддельные цветы»[4]. Дело в том, что поэт прекрасно усвоил уроки славянского фольклора, но не копировал его, а творил совершенно новое, чего так и не смог понять великий критик.

Почему же у Белинского проявилась столь резкая антипатия к сказочному творчеству Пушкина? Только ли из-за молодости и безграмотности? Скорее всего, потому, что так высказывался о пушкинских сказках сам «духовный наставник» В.Г. Белинского философ, писатель и общественный деятель Н.В. Станкевич. Негодуя на литературную сказку «Конёк-Горбунок» П.П. Ершова (которому, как известно, помогал А.С. Пушкин), Станкевич писал Я.М. Неверову 30 ноября 1834 г. из родового поместья Удеревка Воронежской губернии: «Пушкин изобрел этот ложный род, когда начал угасать поэтический огонь в душе его. Но первая его сказка в этом роде еще имеет нечто поэтическое, другие же, в которых он стал просто рассказывать, не предаваясь никакому чувству, дрянь просто»[5]. Правда, тот же автор в том же письме

[1] Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа). – М.: Лабиринт, 2000. – С. 63-64.
[2] Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. – С. 304.
[3] Московский наблюдатель. – 1838. – Т. XVI, март, кн. 1.
[4] Молва. – 1836. – Ч. XI. – №3. – С. 83.
[5] Станкевич Н. Избранное. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. – С. 188.

как положительный факт противопоставил Ершову и Пушкину сказки В.И. Даля: «Нет, я помню, тебе понравились сказки Луганского – оттого, что они написаны прямо по-русски, что в них много души, поэзии; оттого, что они написаны умно, колко, забавно»[1].

Точно так же В.Г. Белинский раскритиковал «русские песни» А. Дельвига. Как полагает исследователь из Тарту А. Шеля: «Дельвиг для Белинского был в первую очередь автором “русских песен”. При этом самих подражаний народной песне поэтом написано не так много – но для литературы, несколько десятилетий занятой вопросами народности, десяток “русских песен” был значительнее, чем опыты в антологии и идиллии, которые уже в начале 1830-х гг. оказались периферийными. По линии имитаций фольклорной песни Дельвиг прямо соотносится с Мерзляковым: еще с “Литературных мечтаний” оба поэта образуют у Белинского устойчивую пару, в которой первенство всегда принадлежит Мерзлякову:

“Мерзляков был человек с необыкновенным поэтическим дарованием... какое глубокое чувство, какая неизмеримая тоска в его песнях! Это не песенки Дельвига, это не подделки под народный такт” [Белинский: I, 38]»[2].

Так же критично, по мнению А. Шели, В.Г. Белинский отнесся и к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «В этом смысле номинация “итальянский” с отчетливым пейоративным значением функционально повторяет реплику Белинского о “Руслане и Людмиле” Пушкина, в которой “так мало русского и так много итальянского” » [Белинский: VII, 433]»[3].

Однако другой крупный специалист по сказке – С.Я. Маршак восстановил справедливость, категорично заметив: «Пушкинская сказка – прямая наследница сказки народной. В созданиях народной поэзии Пушкина привлекают не только фабула и причудливые узоры внешней формы, но прежде всего реалистическая основа, нравственное содержание»[4].

Несмотря на то что жанр этих произведений определен А.С. Пушкиным как сказки, они никогда не предназначались специально для детского чтения. Отсюда и мощный подтекст «Сказок», и их иносказательность, и даже особенности ономастической номинации в

[1] Станкевич Н. Избранное. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. – С. 188.
[2] Шеля А. Почему Белинский не любил Дельвига: об «итальянском» происхождении немецкого барона // Русская филология. 26. Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту, 2015. – С. 66.
[3] Там же. – С. 69.
[4] Маршак С.Я. Воспитание словом. – М.: Сов. пис. 1964. – С. 16.

них. В народных сказках почти нет имен. Только традиционный набор: Иван, Иван-Царевич, Иван-дурак; Елена Прекрасная, Аленушка, Василиса Прекрасная и т.п. Кроме того, набор мифологических существ, порожденных славянским язычеством (Кощей, Баба-яга и др.), а также стандартный набор персонажей тотемных для славян животных (медведь, волк, лиса, заяц).

У Пушкина тоже не так много сказочных персонажей, получивших имена собственные (антропонимы): Салтан, Гвидон, Бабариха, Черномор, Дадон… А в сказке, написанной 13 сентября 1830 г. во время Болдинского «сидения», – «Сказке о попе и о работнике его Балде» – из собственных имен только прозвище работника Балда (из тюрк. baldaq – ‘утолщение на рукояти’).

Кстати, сказка при жизни Пушкина так и не была напечатана. А когда В.А. Жуковский все-таки решился ее опубликовать, то назвал ее «Сказка о купце Козьме Остолопе» (с соответственной переделкой текста).

Пушкин с детства вбирал в себя русский фольклор. Его первыми гидами в страну русской сказки были крестьяне подмосковного сельца Захарово, в которое в раннем детстве вывозили его родители на лето, слушал он сказки и от бабушки своей Марии Алексеевны Ганнибал, родовым имением которой было село Коренёвщино, что недалеко от Липецка Тамбовской губернии, ранее – Воронежская губерния.

Жемчужины русского фольклора преподносились Саше Пушкину и слугой Никитой Козловым и, конечно, Ариной Родионовной Яковлевой. Причем последняя не только заложила в Сашу первые впечатления от русских сказок, песен, прибауток, но и в зрелые годы поэта служила ему верным справочником по русскому фольклору. Настоящее имя ее при крещении было Иринья, фамилия по отцу должна быть Яковлева. Но крепостные не имели права на фамилию и даже отчество, в документах владения она числилась как дворовая господина генерал-аншефа Абрама Петровича Ганнибала Иринья, №62. Кстати, она была не совсем русская по происхождению, а из финно-угорского народа водь, упоминаемого еще Нестором, то есть она была вожанка. Многое было почерпнуто поэтом и среди крестьян села Михайловского (Псковская губерния), и села Болдино (Нижегородский уезд).

Однако основным источником имен в сказках А.С. Пушкина следует все же признать лубочную «Сказку о Бове-королевиче». В различных вариантах этой сказки мы встречаем имена персонажей почти всех сказок А.С. Пушкина: *Салтан*, *Додон*, *Гвидон*, *Чернавка*. Можно предположить, что такой персонаж, как *Симбалда*, помог поэту выбрать имя *Балда*.

Возможно, ландшафты своих сказок Пушкин брал из тех же мест, где сам бывал. Например, часто он, будучи в Михайловском, посещал своего соседа-помещика, отставного лейб-гусара Н.И. Бухарова, с которым он познакомился еще во время учебы в знаменитом Лицее в Царском Селе, где тогда располагался лейб-гусарский полк. Вот как описана живописная местность в имении Н.И. Бухарова – селе Михалеве: «Имение Михалево лежит на берегу озера, вдоль которого тянется парк, где гулял Пушкин. Теперь он заглох, превратился в лес. <…> В конце парка озеро делает изгиб, луку, а парк заканчивается небольшим полуостровом. Здесь-то, у этого лукоморья и рос в былые времена тот «дуб зеленый», под которым поэт уединялся. От него остался теперь один пень. Срубили его раскольники, которым в недавнее время продано Михалево. Местная интеллигенция утверждает, что дуб был грандиозных размеров. О том же говорит и громадный диаметр оставшегося пня»[1]. Правда, А.М. Гордин полагает, что это лишь легенда: «Конечно, это только предание. Пролог был написан в Михайловском в 1824 году на основе сказочного зачина, слышанного поэтом от Арины Родионовны, и к михалевскому дубу отношения не имеет. Но существование такого предания здесь, как и во многих других местах, само по себе заслуживает внимания»[2]. Думается, что предания-то и возникали потому, что существовали такие прекрасные, сказочные ландшафты.

Однако в связи с этим следует сказать о таком слове, как *лукоморье*. О нем М.В. Горбаневский писал: «Судьба слова *лукоморье* в русской речи похожа на судьбы других слов: оно устарело…». Он же говорит: «Любопытно, что не раз письменные источники называют лукоморьем побережье и заливы Азовского моря, даже само Азовское море»[3]. И действительно, лукоморье можно обнаружить и на берегу моря, но в древности славяне морем называли только крупные пресноводные водоемы – озера. Отсюда и вывод: в народном языке поэтизм *лукоморье* был связан не с морем в нынешнем понимании, а с крупным озером. Кстати, русские люди до сих пор морем называют не только Каспийское и Аральское озера, но и «священное море» – Байкал[4].

Единственная сказка А.С. Пушкина, которую В.Г. Белинский соизволил похвалить, была сказка «О рыбаке и рыбке»: «Впрочем, сказка

---

[1]Левицкий П.П. А.С. Пушкин и Н.И. Бухаров // Русская старина. – 1899. – №9. – С. 532.

[2]Гордин А.М. Пушкин в Псковском крае. – Л.: Лениздат, 1970. – С. 289.

[3]Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. Филологические этюды. – М.: УДН, 1988. – С. 11.

[4] Ковалев Г.Ф. К вопросу о прародине славян // Язык и история: Международный сборник научных трудов. – Глазов: ГГПИ, 2005. – С. 92-96.

“О рыбаке и рыбке” заслуживает внимание по крайней простоте и естественности рассказа, а более всего по своему размеру чисто русскому»[1]. Показательно, что стих этой сказки написан в полном соответствии с ритмикой евангельских притч, переведенных гением святых Кирилла и Мефодия.

Основой «Сказки о рыбаке и рыбке» принято считать немецкий фольклор, в частности «Сказку о рыбаке и его жене», обработанную братьями Гримм. Веские доказательства тому приводит С.М. Бонди[2]. Может быть, поэтому и основные персонажи имеют лишь апеллятивные имена (старик и старуха).

Однако многие ученые полагают, что мог быть и другой вариант предыстории этой сказки. Написана она была А.С. Пушкиным болдинской осенью 1833 г. (датирована 14 октября). Основу ее действительно составил сюжет, получивший широкое распространение в фольклоре многих народов, но полностью перенесенный автором на русскую народную почву. Как свидетельствует В.В. Майков: «Толчком к написанию послужила встреча с В.И. Далем в Оренбурге, когда на пути в Бердскую слободу Пушкин рассказал спутнику сказку о Георгии Храбром и волке, а В.И. Даль поведал ему сюжет о рыбаке и рыбке. Месяц спустя поэт прислал Далю в Оренбург рукопись своей сказки с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин»[3].

Отчасти это верно, и все же, вполне возможно, что основой (далеко, увы, не сказочной) послужила любовная история самого А.С. Пушкина и одной из деревенских девушек (скорее всего, это была Ольга Калашникова). Она родила от Пушкина ребенка и требовала от него сначала освобождения от крепостной зависимости себя и ребенка, потом своих отца и матери, затем других родственников... И А.С. Пушкин постоянно шел на уступки. Понятно, как цепь этих требований накладывается на требования старухи. Вот почему в сказке несколько необычная композиция: от обретения к потере, в то время как традиционная сказка обычно завершается чудесным обретением. Более подробно эта ситуация описана в книге М.Д. Филина[4].

---

[1]Молва. – 1836. – Ч. XI. – №3. – С.82.

[2]Бонди С.М. Стихи о «Римской папе» // Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. – М.: Просвещение, 1971. – С. 49-51.

[3]Майков В.В. «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и ее источники // Журнал Мин-ва народного просвещения. – СПб., 1892. – №5. – С. 151-154.

[4] Филин М.Д. Ольга Калашникова: «Крепостная любовь» Пушкина. – М.: Молодая гвардия, 2013. (ЖЗЛ).

Ольга Калашникова – «крепостная» любовь А.С. Пушкина.

Рисунок А.С. Пушкина. Поэт наметил нежный профиль девушки, но потом замарал его своими почеркушками.

Как врач и человек В.И. Даль был последним, с кем разговаривал умирающий Пушкин. В подарок от Пушкина у Даля остался перстень с изумрудом. Даль позже передал его в музей, но в первые же годы большевизма перстень был утрачен.

А Наталья Николаевна, жена поэта, в знак признательности подарила В.И. Далю пробитый пулей на дуэли с Дантесом сюртук Александра Сергеевича.

G.F. Kovalev

On the perception by comtemporaries of literary fairy tales by A.S. Pushkin and V.I. Dahl

Summary. *Two great people have tried the most for the benefit of the Russian language. And both were not related by origin to Russia and the Russian people! The ancestors of A.S. Pushkin are from Africa, the ancestors of V.I. Dahl are from the homeland of Prince Hamlet and G.H. Andersen. Russian, however, each of them accomplished a great feat for Russia and the Russian people: the great poet A.S. Pushkin created our modern literary language, and the outstanding lexicographer of Russia V.I. Dahl recorded the basics of the Russian national language in his Dictionary, showing in a certain chronological period almost all layers and levels of our language, giving them a brilliant, hitherto unsurpassed commentary of a true connoisseur.*

They both then became authors of a kind of genre – a literary fairy tale. However, contemporary critics have assessed their fabulous creativity in different ways. They, led by V.G. Belinsky, admired the fairy tales of V.I. Dahl, and the fairy tales of A.S. Pushkin were called fake, dead flowers, although both were truly national in aesthetics and ideology Russian folklore.

Pushkin and Dahl communicated with each other and showed great respect as one of the first collectors of Russian folklore, brilliant ethnographers and truly experts in Russian speech.

Key words. *A.S. Pushkin, V.I. Dahl, V.G. Belinsky, Russian language, folk tale, literary fairy tale, Explanatory dictionary of the Russian language.*

Оренбургская икона 1870-х гг. с изображением святых лекарей Космы и Дамиана.
Прообразами святых послужили А.С. Пушкин и В.И. Даль. Икона была заказана семьей В.И. Даля после его смерти.

Памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю в Оренбурге
(скульптор Н.Г. Петина). 1998.

И.М. Колышкина,
А.В. Родионова

Изучение биографии В.И. Даля на занятиях РКИ

Аннотация. *В статье анализируется дидактический потенциал биографического текста о В.И. Дале при изучении русского языка как иностранного. Рассматриваются лингвистические аспекты работы с биографическим текстом. Предлагаются практические рекомендации по применению онлайн-приложений для создания облака слов с целью оптимизации процесса формирования языковой и коммуникативной компетенций.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, русский язык как иностранный, иностранные студенты, лингвокультурологическая компетенция, биографический текст, облако слов.*

Успешное овладение русским как иностранным языком не представляется возможным не только без знаний об истории, культуре, традициях России, но и о выдающихся людях, которые внесли вклад в развитие науки, образования, литературы, искусства. Именно поэтому на подготовительном отделении ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского традиционно особое внимание уделяется формированию лингвокультурологической компетенции слушателей и на занятиях изучаются биографические тексты. «При работе с биографическими текстами необходимо обращать внимание на развитие смысловой перспективы, указывать на блоки типовой информации, наполняющей тему (время жизни и деятельности ученого, сфера научной деятельности; факторы, обусловливающие направление научных поисков, результаты научных достижений); актуализировать типовой лексико-грамматический материал, оформляющий смысловые блоки (средства выражения временных отношений, глаголы познавательной деятельности и т.д.); семантизировать языковые единицы с культурным компонентом, связанные с политическими событиями данного времени»[1].

Дидактический потенциал биографического текста значителен. Биографию можно использовать для обучения аудированию и говорению, чтению и письму. Важно, на наш взгляд, при работе с текстом учитывать следующие критерии:

[1] Витлинская Л.Г. Биографический текст в преподавании русского языка иностранным студентам медицинского вуза // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: матер. 10-ой Тверской межвузовской конф. ученых-филологов и школьных учителей, 12-13 апреля 1996 г. – Тверь, ТвГУ, 1996. – С. 109.

– индивидуальные особенности каждого студента и группы в целом (моно- или полинациональный состав);

– уровень языковой подготовки (словарный запас, общее владение лексикой и грамматикой);

– использовании различных групповых форм работы.

С учетом вышесказанного вниманию студентов подготовительного отделения предлагается следующий текст, который может быть особенно актуален для групп гуманитарного профиля.

Владимир Иванович Даль

Владимир Иванович Даль – писатель, военный врач, лексикограф, этнограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», работа над которым велась в течение всей взрослой жизни автора.

Владимир Даль родился 22 ноября 1801 года в поселке Луганский завод. Родители мальчика были хорошо образованными людьми. Отец Иван Матвеевич Даль – врач, лингвист; мать Мария Фрайтаг знала 5 языков, была музыкальна, играла на фортепиано, увлекалась литературой. Юный Даль вырос в доме, где царили любовь и уважение, звучали музыка и пение. В семье он получил прекрасное домашнее образование

В 1814 году Даль поступил в Петербургский Морской кадетский корпус, по окончании которого начал военную службу. Воспоминания о службе на флоте легли в основу повести «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся». Но через несколько лет он решил изменить свою жизнь и поступил на медицинский факультет Дерптского университета. Обучение пришлось прервать, так как началась русско-турецкая война. Сдав досрочно экзамены, Владимир Иванович отправился на фронт. Там он проявил себя как талантливый врач.

В 1833 году Даль становится чиновником по особым поручениям и переезжает в Оренбург. Здесь он много путешествует по Южному Уралу, собирает фольклорные материалы, ставшие основой его произведений.

Литературная деятельность Даля начинается в 1827 году. В это время в журнале «Славянин» были опубликованы его первые стихотворения. В 1830 году в «Московском телеграфе» напечатали повесть писателя «Цыганка». А через два года в свет вышли «Русские сказки. Пяток первый».

Важным событием для Владимира Даля стало знакомство с Александром Пушкиным, вместе с которым он путешествовал по пугачевским местам.

Последние годы жизни Даль прожил в Москве. В истории России он был и остается создателем «Толкового словаря живого великорусского языка.

Перед началом работы с текстом студенты знакомятся с предтекстовыми заданиями, в которых дается объяснение новых слов, разбор грамматических моделей. Послетекстовая работа предполагает проверку уровня сформированности речевых навыков и умений, ориентирована на знание структуры текста, нацелена на отработку умения отвечать на вопросы с опорой на текст.

Если выполнение данного типа заданий основано на выполнении теста, то перед его началом важно акцентировать внимание иностранных слушателей на таких моментах, как:

1. Правильное понимание формулировки задания – ***Выберите вариант, который наиболее полно и точно отражает содержание текста***.

2. Грамматические «ловушки», которые чаще всего используются в тестовых заданиях, предполагающих выбор одного из двух предложенных вариантов ответа ***«ДА»*** или ***«НЕТ»***.

Так, при работе с текстом «Владимир Иванович Даль» студентам в качестве одного из возможных вариантов предлагается следующий тест:

1. Владимир Иванович Даль наиболее известен как:

а) врач

б) создатель «Толкового словаря»

в) военный офицер

2. В. Даль родился:

а) в Луганске

б) Петербурге

в) Оренбурге

3. Он начал свою карьеру как:

А) врач

Б) писатель

В) офицер

4. Известность В.И. Далю в литературных кругах принесло сочинение:

а) «Русские сказки. Пяток первый»

б) стихов

в) «Цыганка»

5. Воспоминания о службе на флоте легли в основу повести

а) «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся»

б) «Славянин»

в) «Московский телеграф».

Проверку уровня понимания текста можно усложнить, предложив иностранным слушателям поработать частично без визуальной опоры. В этом случае преподаватель может использовать традиционную схему фронтального опроса «Вопрос-Ответ», озвучивая самостоятельно вопросы на понимание текста; предложить студентам сделать это в парах или группах, участники которых адресуют вопросы друг другу – внутренний круг, или за пределами пар и групп – внешний круг; организовать ролевую игру.

При работе с иностранными студентами важно использовать все каналы памяти. Активизировать эту работу помогает использование различных мобильных приложений. Так, работая с текстом, можно обратиться к онлайн-сервисам для составления облака слов[1]. Примерами, таких генераторов являются Tagxedo, WordArt, Wordle, Word it Out, ImageChef.

Выше представленный текст о В.И. Дале может быть преобразован в следующие онлайн-графические облака (рис. 1).

Его можно сохранить в png формате, распечатать и использовать в качестве домашнего задания (рис.2)[2]. На занятии студентам предлагается продолжить работу онлайн, поделившись с ними ссылкой.

Слова в облаке слов расположены по частоте употребления в тексте. Здесь возможны следующие варианты работы.

1. Работа над ассоциациями без опоры на текст. Вектор движения от наиболее часто встречающихся слов к наименее употребляемым в данном тексте. Таким образом, студенты, опираясь только на «облако слов», могут рассказать о жизни и деятельности В.И. Даля.

2. Группировка слов для создания в дальнейшем интеллект-карты. Данный вариант работы с текстом является более сложным по сравнению с предыдущим, т.к. требует от студентов определенных логических умений и навыков, определенного уровня владения операциями анализа и синтеза, движения от общего к частному, от частного к общему. На занятиях РКИ применяется при изучении учебного материала не ниже уровня В-1[3].

---

[1] [Электронный ресурс]. – URL: https://obrazovaka.ru/alpha/d/dal-vladimir-dal-vladimir (дата обращения 15 ноября 2021 г.).

[2] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.облакослов.рф/oblako/Даль_637740725678594130 (дата обращения 15 ноября 2021 г.).

[3] [Электронный ресурс]. – URL: https://wordsift.org (дата обращения 15 ноября 2021 г.).

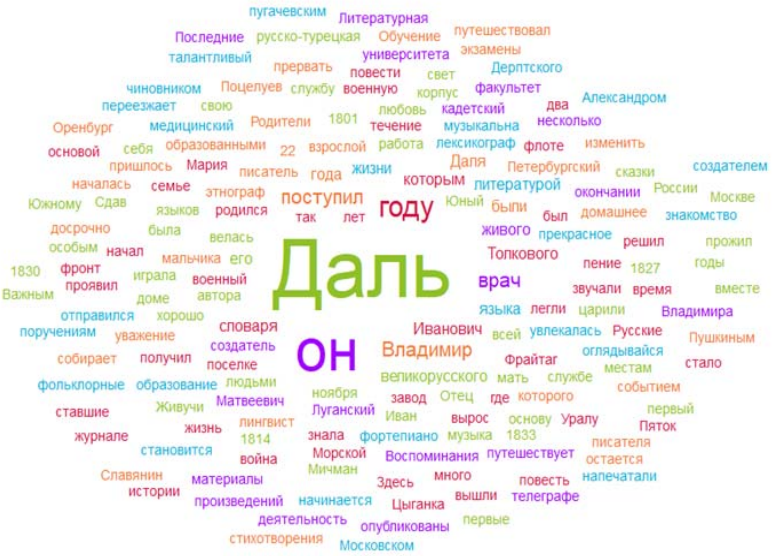

Рис.1.

Итак, материалы лингвострановедческого характера всегда играли и будут играть важную роль в процессе преподавания русского языка для иностранных учащихся. Как показывает опыт, урок-знакомство с творческой биографией В.И. Даля вызывает у студентов особую заинтересованность, а использование различных онлайн-технологий позволяет активизировать процесс обучения, актуализировать лексический и грамматический материал, способствовать формированию и развитию предметных, метапредметных и личностных компетенций.

Рис.2.

I. M. Kolyshkina,
A.V. Rodionova

Studying the biography of V.I. Dahl in the classroom Russian as a foreign language

Summary. *The article analyzes the didactic potential of the biographical text about V.I. Dahl when studying Russian as a foreign language. The linguistic aspects of working with a biographical text are considered. Practical recommendations are offered on the use of online applications for creating a word cloud in order to optimize the process of forming linguistic and communicative competencies.*

Key words: *V.I. Dahl, Russian as a foreign language, foreign students, linguistic and cultural competence, biographical text, word cloud.*

Е.Г. Кольовска,
М.В. Кульгавчук

РУССКИЙ ЯЗЫК БЕЗ ГРАНИЦ СЕГОДНЯ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация. *В статье представлен фрагмент готовящегося к изданию авторского пособия «Я шагаю по Москве», адресованного иностранным учащимся, владеющим русским языком на первом сертификационном уровне. Содержание пособия составляют уроки-«прогулки» по Бульварному кольцу. На материале текста, посвященного одному из бульваров и расположенным в его окрестностях достопримечательностям, авторы представляют вариант комплексного занятия, направленного на развитие умений во всех видах речевой деятельности и повышение культурологической компетенции обучаемых.*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; урок-экскурсия; виртуальная внеаудиторная работа; Покровский бульвар; русская история и культура.*

Преподавание русского языка как иностранного на протяжении всей своей истории было связано с целым рядом внешнеполитических факторов, которые порой самым непосредственным образом влияли на процесс обучения, содержание учебников, отраженный в них образ учащегося и русскоязычного пространства. Политика, таким образом, если не определяла методические принципы обучения РКИ, то во многом воздействовала на содержательную часть учебных материалов, идеологическую направленность текстов. Общественно-политические процессы, которые происходили в нашей стране начиная с последней четверти прошлого века, как могло показаться, избавили специалистов, работающих в данной сфере, от необходимости учитывать требования геополитики, но, как оказалось, внешнеполитическая ситуация – далеко не самый влиятельный фактор. Начиная с 2020 года всем, кто связан со сферой обучения иностранцев и собственно с преподаванием русского языка как иностранного, пришлось столкнуться с новыми реалиями, заставившими пересмотреть подход к преподаванию, планирование уроков, принципы работы с аудиторией и с учебными материалами, которые далеко не всегда были приспособлены к онлайн-обучению.

Разумеется, дистанционное обучение не предполагает абсолютного пересмотра всех сложившихся методических принципов, скорее, оно подразумевает анализ уже существующих подходов и адаптацию их к новым условиям. Именно «хорошо забытое старое» помогает пре-

подавателю в непростой ситуации, когда группа, находящаяся порой на расстоянии нескольких тысяч километров, должна день за днем не только овладевать русским языком, усваивая непростой грамматический материал, но и знакомиться с миром русской культуры. В «допандемийную эпоху» одним из средств изучения русской культуры были различные формы внеаудиторной работы – экскурсии, посещение концертов, театров и т.д. Сегодня внеаудиторная работа зачастую становится еще и виртуальной и экскурсия снова возвращается в рамки урока. Задача преподавателя – извлечь из этой ситуации максимальную пользу, превратив виртуальную экскурсию в важную часть учебного занятия.

Заметим, что за последние несколько лет благодаря современным технологиям в интернете появилось множество виртуальных туров, которые представляют собой «способ реалистичного отображения трехмерного многоэлементного пространства на экране»[1] и призваны создавать иллюзию присутствия в определенном месте с целью подробного рассмотрения объектов. Такие туры создаются не только музеями и выставочными залами, их используют в самых разных сферах – от туризма до продажи недвижимости, от криминалистики и судебной практики до рекламы продаваемых товаров. В методике преподавания по аналогии с этими турами возникло понятие «виртуальная экскурсия». Это «организационная форма обучения, отличающаяся от реальной экскурсии виртуальным отображением реально существующих объектов (музеи, парки, улицы городов) с целью создания условий для самостоятельного наблюдения, сбора необходимых фактов. <…> Благодаря виртуальной реальности пользователь совершает настоящее путешествие, перемещаясь из одной панорамы в другую. Для лучшей ориентации посетителей виртуальной экскурсии присутствует интерактивная карта, показывающее направление просмотра и угол обзора. В основе виртуальной экскурсии лежат панорамные фотографии, которые отличаются интерактивным просмотром»[2]. Однако, хотя приведенное определение четко указывает на использование современных компьютерных технологий при создании и «прохождении» виртуальной экскурсии, в практике преподавания русского языка как иностранного утвердилось более широкое ее понимание. Согласно

[1] Технология: виртуальные туры. – URL: https://www.hse.ru/data/2016/05/05/1128371760/Анисимова%20Д.,%20Зарщикова%20Г.,%20Таланцева%20Т.,%20Чехович%20О._Виртуальные%20туры.pdf (дата обращения 25.09.2021).

[2] Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – С. 45.

ему, в учебной виртуальной экскурсии не представлена та ее часть, которая, собственно, и дала название этому виду деятельности: как известно, excursio на латыни означает «прогулка, поездка». Иначе говоря, такая экскурсия проходит без физического передвижения в пространстве обучаемых и преподавателя, а вот с помощью каких средств она осуществляется: компьютерных панорам, презентаций или фотографий, печатных материалов – решается исходя из возможностей преподавателя, условий протекания учебного процесса и дидактической целесообразности.

В данной статье мы хотели бы представить один из вариантов подобной работы: виртуальную экскурсию по Москве – прогулку по одному из московских бульваров. Материалом для урока послужил фрагмент авторского пособия, которое в настоящий момент готовится к печати в издательстве «Златоуст»: «Я шагаю по Москве. Пособие-путеводитель для изучающих русский язык как иностранный» (Е.Г. Кольовска, М.В. Кульгавчук). Данное пособие состоит из десяти «прогулок» (по числу бульваров, составляющих Бульварное кольцо). Каждая часть построена по одной и той же схеме: текст, который описывает наиболее интересные с архитектурной и историко-культурной точки зрения здания; послетекстовые упражнения, направленные на усвоение новой лексики и повторение известного грамматического материала, на развитие речевых навыков и умений. К каждому тексту предлагаются «творческие задания». Фотографии современной Москвы и архивные снимки расширяют представление о русской культуре и истории, передают атмосферу московской жизни. В качестве примера ниже приводим (с небольшими сокращениями) текст о Покровском бульваре, который не является самым посещаемым туристами, но дает возможность обучаемым открыть для себя уголки еще неизвестной Москвы.

Покровский бульвар

На площади Покровские ворота заканчивается Чистопрудный бульвар. Слово «ворота» говорит о том, что когда-то они были в стене Белого города. Продолжением Бульварного кольца становится Покровский – самый «молодой» из всех бульваров. Современный вид он принял только в 1954 году. Но прежде чем идти по этому бульвару, обратите внимание на улицу Покровку. Мы уже гуляли по Рождественскому бульвару, который пересекает улица Рождественка, шли по Сретенскому бульвару и видели улицу Сретенка. Покровка пересекает Покровский бульвар, который делит эту старинную улицу на две части. Кстати, названия этих улиц и бульваров связаны с названиями монастырей, которые там были. О них мы вам уже рассказывали.

А сейчас давайте остановимся на Покровке – это улица, где мы чувствуем атмосферу старой Москвы. На этой улице находятся две прекрасные церкви (храм Троицы Живоначальной на Грязех – Покровка, дом № 15/16 и храм Воскресения в Барашах – дом № 26/1). Здесь можно увидеть доходные дома и старинные городские усадьбы. На одну из них обязательно нужно посмотреть – это дворец Апраксиных. Апраксины были одной из самых известных дворянских семей в России. Давайте подойдём к этому дому – для этого нужно повернуть по Покровке налево и пройти совсем чуть-чуть. Красивое светлое здание (дом № 22/1) выделяется даже на фоне других старинных зданий. Оно было построено в конце XVIII века не просто в стиле барокко, а в стиле растреллиевского барокко. Здания этого стиля редко встречаются в Москве, ведь архитектор Растрелли известен зданиями, которые он строил в Петербурге. А этот дом, который называют московским Зимним дворцом, построил один из его учеников. Дворец Апраксиных интересен ещё и потому, что сюда ездил учиться танцевать маленький Александр Пушкин вместе со своей сестрой Ольгой. Бывал здесь Пушкин в гостях и позднее. В XIX веке хозяева дворца сдавали комнаты разным людям. В 1849–1850 годах в этом доме снимал квартиру Дмитрий Менделеев, тот самый великий химик, таблицу которого знают школьники и студенты в разных странах мира. А во второй половине XIX века в этом здании была мужская гимназия, в которой учились «отец русской авиации» Н.Е. Жуковский, знаменитый философ В.С. Соловьёв, К.С. Станиславский – режиссёр, повлиявший на мировой театр XX века.

Но давайте вернёмся на бульвар и пройдём по нему до конца, а это всего 600 метров. Сначала мы пройдём через Хохловскую площадь и увидим археологический парк под открытым небом. Во время строительных работ здесь нашли часть стены Белого города, по границе которого проходит сейчас Бульварное кольцо. После реставрации у москвичей и гостей города появилась возможность отдохнуть на больших скамейках, которые все вместе похожи на старинный амфитеатр, и увидеть, какими были стены Белого города, который построили в XVI веке.

Обратим внимание на необычное, очень длинное здание на левой стороне бульвара. Это дом № 3 – Покровские казармы. Слово «казарма» есть не только в русском, но и в немецком, польском, итальянском языках, это здание, в котором жили военные. Длина здания около 200 метров. Оно является прекрасным памятником русского классицизма и было построено ещё до войны 1812 года. Правда, некоторые историки архитектуры и искусства называют этот классицизм

казарменным и скучным. А как думаете вы? Вы можете сравнить это здание с другим известным памятником классицизма, если по этой же стороне бульвара дойдёте до дома № 11. Это дворец Дурасовых – типичная московская дворянская усадьба XVIII века. Здание построено по проекту архитектора Михаила Казакова. С 1844 года в этом здании находилась коммерческая академия, в которой учились дети богатых московских купцов. В это время многие купцы поняли, как важно для делового человека иметь хорошее образование. А сейчас здесь находится один из московских университетов – Высшая школа экономики.

На правой стороне бульвара привлекает внимание дом № 14/5. Это уже памятник советской архитектуры, он был построен в 1930 году. В этом доме снимала комнату в 1940–1941 годах Марина Цветаева, известный русский поэт. Это был её последний московский адрес, отсюда во время Великой Отечественной войны в августе 1941 она уехала в эвакуацию, где её жизнь закончилась трагически. Именно в стихах Марины Цветаевой мы видим ту Москву, которую она знала и любила. И конечно, она грустила о том, что старая Москва исчезает: «Домики старой Москвы, из переулочков скромных всё исчезаете вы…» Но мы с вами, гуляя по бульварам, видели эту старую Москву. Она всё-таки сохранилась, существует сегодня и будет существовать завтра.

Наша прогулка по Покровскому бульвару заканчивается. Мы подошли к улице Воронцово поле, которая является границей между Покровским и следующим, Яузским бульваром. И этот бульвар будет последней частью нашей прогулки.

Данный текст может быть предложен студентам как материал для чтения или для развития навыков аудирования. После текста приводятся слова, на которые следует обратить внимание. Если данный текст предъявлен студентам как материал для развития навыков аудирования, целесообразно до начала работы предложить обучаемым познакомиться со словами и выражениями:

пересекать **что**?
делить **что? на сколько (частей)?**
принять **какой?** вид
что? стоит того, чтобы **что сделать**?
выделяться на фоне **чего?**
дворянская усадьба
археологический парк
казарма
типичный

коммерческий
уехать в эвакуацию
привлекать внимание

Далее студентам предлагается прочитать имена известных деятелей русской культуры А.С. Пушкина, Д.И. Менделеева, М.И. Цветаевой, В.С. Соловьёва, К.С. Станиславского, М.Ф. Казакова, В.А. Гиляровского. Разумеется, преподаватель может дать студентам информацию о каждом из этих людей (большая часть имен, как правило, неизвестна обучаемым). Нам представляется более целесообразным предложить студентам самим найти материал и подготовить мини-презентации о каждом из упомянутых деятелей науки и искусства, в результате чего имена людей, жизнь которых была связана с Покровским бульваром, будут представлены аудитории более «живо» и наглядно и дадут возможность сделать информацию более понятной и интересной. Кроме того, еще одному из студентов может быть предложена роль экскурсовода или, наоборот, туриста, спрашивающего о том или ином здании. Разговор о бульваре должен сопровождаться презентацией.

Далее студентам может быть предложено прочитать текст еще раз и ответить на вопросы:

1. Текст называется «Покровский бульвар». Какие ещё бульвары упоминаются в нём?
2. С чем связаны названия некоторых московских улиц и бульваров?
3. Почему Покровский бульвар назван самым молодым из бульваров кольца?
4. Какие названия архитектурных стилей вы встретили в тексте?
5. Какой дом связан с именами Пушкина и Менделеева? Где он находится?
6. Что можно увидеть на Хохловской площади?
7. Какие памятники русского классицизма можно увидеть на Покровском бульваре?
8. Для кого в Москве открыли коммерческую академию?
9. Что вы узнали о Марине Цветаевой?

Урок-экскурсия предполагает и закрепление грамматических знаний. Одно из упражнений направлено на повторение темы «Причастие». Студентам предлагается осуществить трансформацию предложений по образцу:

*Коммерческая академия **была открыта** в 1844 году. – Коммерческую академию **открыли** в 1844 году.*

*В коммерческой академии, **открытой** в 1844 году, учились дети купцов. – В коммерческой академии, **которую открыли** в 1844 году, учились дети купцов.*

Весьма полезно на данном уровне владения русским языком отрабатывать тему «Сложное предложение». Студентам предлагается продолжить фразы по образцу:

Несмотря на то что я живу в Москве 4 года, …. – Несмотря на то что я живу в Москве 4 года, я ещё не гулял по Покровскому бульвару.

Таким образом студенты совершенствуют навыки построения сложных предложений с придаточными времени, причины, цели, уступки и др.

Еще один вариант работы над данной темой – упражнение, в котором предлагается объединить простые предложения в одно сложное с помощью союзного слова **который**, поставив его в нужную форму:

Вчера я видел дворец Апраксиных. В этом дворце Пушкин и его сестра учились танцевать.

Полезными и логически связанными с тематикой текста представляются упражнения, направленные на повторение использования глагольных форм, например:

Этот турист с удовольствием _____ церковь XVIII века. Моя подруга очень любит _____ около памятников великим людям. (фотографировать / фотографироваться).

Урок-экскурсия предполагает и развитие навыков говорения и письма, на решение данной задачи направлены следующие упражнения:

1) *Ваш друг интересуется русской историей и культурой, но он устал и не хочет гулять по Покровскому бульвару. Объясните ему, что он может там увидеть. Постарайтесь его убедить. Используйте слова и выражения: давай; ты должен; тебе будет интересно, полезно; ты узнаешь, увидишь; там находится.*

2) *Вы снимаете квартиру на Покровском бульваре. Ваш друг хочет приехать летом в Россию и спрашивает вас, в какой гостинице лучше остановиться. Напишите ему ответ, пригласите его пожить в вашей квартире. Объясните ему, почему ему стоит жить у вас, а не в гостинице.*

Разумеется, преподаватель, решивший провести урок подобного типа, всегда может импровизировать, исходя из возможностей аудитории, уровня владения русским языком, степени осведомленности учащихся о культуре России. Важно, чтобы каждый компонент урока был подчинен единой цели. Тогда виртуальная экскурсия позволит приблизить учащихся к российской реальности, к истории и культуре страны изучаемого ими языка.

E.G. Kolovska,
M.V. Kulgavchuk

Russian language without borders today: utopia or reality?

Summary. *The article presents a fragment of the upcoming publication of the authors' manual «I walk around Moscow», addressed to foreign students who speak Russian at the B1 level. The content of the manual consists of lessons-«walks» along the Boulevard Ring. Based on the material of the text dedicated to one of the boulevards and the sights located in its vicinity, the authors present a variant of a comprehensive lesson aimed at developing skills in all types of speech activity and increasing the cultural competence of students.*

Key words: *Russian as a foreign language; lesson-excursion; virtual extracurricular work; Pokrovsky Boulevard; Russian history and culture.*

К.И. Кушнир

ДЕНДРОНИМ *БЕРЕЗА* В ФИТОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В.А. СОЛОУХИНА (НА ФОНЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ДЕНДРОНИМОМ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. *В статье представлен дендроним* ***береза*** *как средство отражения мировосприятия В.А. Солоухина на фоне паремических единиц в лексикографических трудах В.И. Даля. Целью статьи является выявление специфики употребления дендронима* ***береза*** *как важной составляющей языковой картины мира автора, вписанной в ментальность русского народа. Дендроним* ***береза*** *имеет большое значение при построении авторского микрокосма, что позволяет говорить о тесной связи природы и человека, дерева и родины.*

Ключевые слова: *В.А. Солоухин, В.И. Даль, дендроним, береза, ментальность, лексикография, языковая картина мира, символ.*

Окружающая природа определяет духовный мир нашей нации, человек закономерно вписан в природу, ощущает себя ее частью. Эта связь служит фундаментом зарождения творческой деятельности человека, где важное место отводится языкотворческой.

Н.М. Дмитриева отмечает, что «все исторические, религиозные, национальные или узкосоциальные факты непременно находят свое отражение в языке и через язык формируют религиозные, национальные и другие особенности мировосприятия»[1]. Названные факты нашли свое полное отражение в толковых словарях, важнейшим из которых, на наш взгляд, является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Подход В.И. Даля к отбору языкового материала, его интерпретация и порядок расположения лексем позволяют выявить языковые закономерности, отметить их значимость для русского народа не на определенном временном срезе, а в диахронии. Словарные статьи, представленные в четырехтомном лексикографическом труде В.И. Даля, отражают специфику мировосприятия нашего этноса. Таким образом, можно заключить, что исследование лексикографического наследия В.И. Даля способствует выявлению особенностей языковой картины мира русского народа.

Однако следует отметить, что, преследуя цель глубокого постижения ментальности русского народа, важно сосредоточиться не только на толковании отдельно взятых лексических единиц, но и на их функционировании в речи носителей языка, которая наиболее полно и непринужденно раскрывается в их поверьях, суевериях, пословицах, поговорках и предрассудках, о чем упоминал сам В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа»: «Сборник же пословиц – свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый»[2]. Для автора важной языковой составляющей выступает зона идиоматики, которая заполнена культурной информацией, передающейся посредством пословиц и поговорок.

Жизнь народа неразрывно связана с природой, частью которой выступает флористический мир, являющийся источником человеческой пищи, основой многих лекарств, материалом для постройки жилища, создания орудий труда и предметов быта, в связи с чем не случайны древние традиции метафорического осмысления названий растений – фитонимов. Среди поэтических текстов распространены такие, в которых фитонимы наделены человеческими качествами, то есть наблюдается явление персонификации. Показательно влияние фитонимического мира на духовный мир человека: в древности деревья ча-

[1] Дмитриева Н.М. Языковые особенности этнических категорий русского менталитета // Вестник ОГУ. – 2011. – № 11. – С. 57.

[2] Даль В. Напутное // Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 14.

сто выступали важным атрибутом магических ритуалов, предметом поклонения. Считается, что деревья обладают душой, отсюда возникает представление, что развитие человека и развитие дерева подчиняются единым космическим законам.

Некоторые дендронимы занимают значительное место в картине мира славянского народа и языковой картине мира отдельных писателей, например, для С. Есенина важна береза, для М. Цветаевой – рябина, для Б. Ахмадулиной – черемуха. Творчество В.А. Солоухина, родившегося во владимирской деревне, не является исключением: для его лирики ключевыми дендронимами, использующимися для обозначения дикорастущих деревьев, являются *береза*, *ель*, *рябина*, *дуб*, *сосна*, *ольха*, *липа*.

В данном исследовании более подробно остановимся на дендрониме *береза.* Примеры употребления этой лексемы, отражены в трудах В.И. Даля, понятны каждому носителю русского языка, в том числе жителю современного мира, не взирая на то, что нас разделяют более полутора веков.

Обратимся к лексеме *береза*. Отнесение лексемы *береза* к женскому роду, безусловно, способствовало соотнесению березы с лицом женского пола, что искусно обыгрывается В.А. Солоухиным в лирике, использующего параллель *береза – девушка*: «Вот толкаю взрослого мужчину / С крохотной березкой на плече»[1]; «Словно дочку маленькую, милую, / Он березку на плече понес!»[2]; «Сейчас найдешь березу постройнее, / Повыше, / Поупружистей, / Погибче, / Чтобы вполне ладони обхватили / Ее, как тело, розоватый ствол»[3]; «Хорошо вам, красивые, белые сестры, / Белоствольными рощами тихо стоять»[4]; «Ваши кроны подобны зеленым фонтанам, / Словно женские волосы, каждая ветвь»[5]. В.А. Солоухин передает свое нежное отношение при описании этого дерева, отмечая его чистое, невинное (несомненно, развитию данных коннотаций способствует цвет ствола березы), иногда детское начало, однако вместе с тем ему не чужды и описания женственных форм. Так, вполне закономерно символически связывать распустившиеся с помощью взаимодействия сил земли и воды *березки* с невинными девочками или молоденькими девушками, находящимися на пороге вступления в брак. Так, *береза* в художественном мировосприятии поэта соотносится с веселой, красивой, нарядной девушкой. Исто-

[1] Солоухин В.А. Стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 62.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 130.
[4] Там же. – С. 337.
[5] Там же.

ки этого восприятия находим в народно-поэтических воззрениях славян. По данным Е. Наумова, мнения которого мы придерживаемся, *береза* символизирует девичью чистоту[1].

Береза обосновалась в поэтическом пейзаже русской литературы как главное символическое дерево России. Эту традицию продолжает и В.А. Солоухин.

Закономерно предположение, что *береза* является символическим для России образом, что обусловлено ее белоствольностью, ассоциативно связанной с чистотой. Лексема *береза* общеславянского индоевропейского характера, произошло от старославянского *бреза.* На колорониме *белый* при описании данного дендронима акцентирует внимание и В.А. Солоухин: «И вдруг *белым-бела березка* / В угрюмом ельнике одна»[2]. Примечательно, что храмы, возводимые на Руси, тоже преимущественно белые, а это – цвет невинности, чистоты, уязвленности и беззащитности, не случайно В.А. Солоухин в качестве однородных членов, выражающих обстоятельство места, употребляет березы и стены церкви: «И *около березы*. / И в Тарханах. / И у *церковной каменной стены*»[3].

Само название этого дерева лингвисты связывают с глаголом «беречь», это обусловлено славянскими представлениями о том, что *береза* являлась даром богов, призванных оберегать человека. Однако В.А. Солоухин несколько по-другому интерпретирует значение данной лексемы. В его лирике береза – это дерево, посаженное у жилища: «Здесь продажа на предмет посадки / Молодых деревьев и кустов… Значит, кто-то купит это деревце, / *Увезет, посадит у ворот*»[4]. Береза не только способна оберегать человека, но и нуждается в том, чтобы ее оберегали. Частотны в творчестве В.А. Солоухина контексты, где *береза* страдает от человеческих поступков негативной по отношению к ней направленности: «*Березу*, звонкую от стужи, / *Отец* под корень *подрубал*. / Седьмой, удар, особо дюжий, / *Валил березу наповал*»[5], «*Обрубок березы* / На ложку к обеду…»[6], «Утешаться ли нам? Говорят, древесина, / Если *мы попадем под пилу и топор*»[7]. Поскольку В.А. Солоухин является поэтом-деревенщиком, для него важны как красоты

[1] Наумов Е. Сергей Есенин: жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1985. – С. 224.
[2] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 88.
[3] Там же. – С. 255.
[4] Там же. – С. 63.
[5] Там же. – С. 42.
[6] Там же. – С. 94.
[7] Там же. – С. 338.

малой родины, так и ее способность приносить человеку пользу, в том числе в качестве топлива. Вероятно, в связи с этим он не категорически негативно оценивает человеческие действия, направленные на использование природных ресурсов в собственных интересах, еще В.И. Даль отметил: «Клен да *береза*, чем не дрова»[1]. Человек срубает *березы* не в угоду личным забавам, а скорее из жизненной необходимости, ведь ценность древесины этого дерева высока: из нее, например, производят предметы быта: «Я уходил *на новых лыжах* / На холм высокий, за село»[2], «Обрубок березы / *На ложку* к обеду…»[3], «Древесина *у нас уникально красива*, / За узором – узор, за узором – узор»[4]. Так, с одной стороны, береза испытывает потребность в бережном отношении, а с другой – она способна принести неоспоримую пользу в хозяйственной деятельности жителям деревни.

Березе в древности приписывались человеческие способности, оно награждалось антропоморфными свойствами: *веселая*, *грустная*, *маленькая,* например, у В.И. Даля «*веселка*», «*плакучая*», «*малорослая*»[5]. У В.А. Солоухина мы находим березу, наделенную подобными качествами. Эмотивное начало прослеживается в следующих строках: «Только *березка тонкая* / *Стряхнула* росинки с веток, / *Расхохоталась* звонко / И *потянулась* к свету»[6]– автор рисует березу, которая способна испытывать чувство радости, связанной с тем, что она смогла выбраться из-под гнета доминирующего дуба; «Над *угасающей березой* / Они в молчании стоят»[7], «Известно*, смерть на людях проще*. / Видал и сам я час назад,»[8], «А здесь *она роняет листья* / Вдали от близких и подруг»[9] – здесь прослеживается течение жизни, которое приводит к закономерному финалу; «Вот толкаю взрослого мужчину / С *крохотной березкой на плече*»[10], «*Словно дочку маленькую, милую*, / Он *березку* на плече понес!»[11], – с помощью данных эпитетов и сравнений автор показывает трепетное родительское отношение человека к дереву.

---

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 102.
[2] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 42.
[3] Там же. – С. 94.
[4] Там же. – С. 338.
[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 83.
[6] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 85.
[7] Там же. – С. 88.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же. – С. 62.
[11] Там же.

Издревле *березу* считали родоначальницей, покровительницей, способной стойко переносить тяготы и лишения, преподнесенные не только человеком, но и природой: «Души от ветра времени не прячь…/ *Стоять среди железного мороза* / Умеет наша светлая береза»[1], «*Небо собой закрыл* он / Над молодой березкой. / Словно *в темнице, сыро* / Было под кроной жесткой»[2], «Только как сохранить эти пышные верви, / И стволов прямизну, и приветливый вид, / Если ветви *стрижет обжигающий ветер*, / Если *корни скользят о холодный гранит*»[3], «Мы *суровой природы придавлены гнетом*, / Где бы просто расти, *извиваемся мы*»[4], «О стволах, как свечах, не мечтаем подавно, / О какой уж мечтать прямизне и красе: / *Все в буграх и узлах, в черных все бородавках*, / *Перекручены все, переверчены все*»[5]. В последних контекстах В.А. Солоухин говорит не о благодатных почвах «удобной земли»[6] для произрастания белоствольных стройных прямых *берез*, а о суровом морозном климате, в котором приходится существовать северным березам, под его воздействием их стволы искривляются, корни страдают, белизна покрывается «черными бородавками», что также отмечено в лексикографических трудах В.И. Даля: «Березу белую зовут и веселкой, а шерстолистую и болоткою, черною, и глухою. Береза карельская, березовая свиль, блона, наплав, кап, сувойчатая береза. Б. черная, B. Daurica. Б. каменная камч.»[7].

*Отметим, что березу, как свидетельствует В.И. Даль, называли деревом четырех дел: «Есть дерево об четыре дела: первое дело – мир освещает; другое дело – крик утишает; третье дело – больных исцеляет; четвертое дело – чистоту соблюдает (*береза: лучина, деготь на колеса, береста на обвой горшков, банный веник*)»[8], отражение чего находим в лирике В.А. Солоухина: «А здесь она роняет листья / Вдали от близких и подруг. / Как от огня, в чащобе мглистой / Светло на сто шагов вокруг»[9].*

Береза является самым праздничным и нарядным деревом. Кроме белого, в ее наряде преобладает зеленый цвет – это два основных ко-

---

[1] Там же. – С. 258.
[2] Там же. – С. 85.
[3] Там же. – С. 338.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т 1-4. Т. 1: А – З. – С. 83.
[7] Там же.
[8] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 407-408.
[9] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 88.

*лоронима русской природы. Еще В.А. Даль, собирая загадки, пословицы и поговорки, приводит загадку, в основе которой сочетание колоронимов: «Стоит дерево, цветом зелено; в этом дереве четыре угодья: первое – больным на здоровье, другое – от теми свет, третье – дряхлых, вялых пеленанье, а четвертое – людям колодец (*береза: банный веник, лучина, береста на горшки, березовица*)»*[1]*; «За белыми березами тарара живет (*язык*)»*[2]*;* «*Стань, белая береза, у меня назади, а красна девица напереди!»*[3]*. У В.А. Солоухина: «Хорошо вам, красивые, белые сестры, / Белоствольными рощами тихо стоять»*[4]*; «Ваши кроны подобны зеленым фонтанам, / Словно женские волосы, каждая ветвь»*[5]*; «Но чист и синь просвет / Между берез зеленых»*[6]*; «И вдруг белым-бела березка / В угрюмом ельнике одна»*[7]*. Примечательно, что при включении в лирический текст дендронима* береза *автор также обращается к колоронимам* розовый *и* золотой*, отражающим переносное, метафорическое значение: «На синий снег летели щепки, / Чуть розоватые собой»*[8]*; «Хорошо вам, прямые и стройные станом, / И легко зеленеть, и легко золотеть»*[9]*; «Тот оттенок ее, золотист или розов, / Полировки ее драгоценная гладь»*[10]*.*

Отметим, что колороним *розовый* используется при описании страданий или даже смерти березы. С одной стороны, березовые щепки действительно имеют розовато-кремовый оттенок, с другой – персонифицируя березу, автор вводит цветообозначение *розовый* для большего сходства смерти дерева и человека, который при ранении истекает красной кровью. Относительно *золотого* цвета также наблюдается двойственность: этот колороним используется как для передачи увядания природы, то есть выступает темпоральным показателем наступления осени, так и вводится при описании счастливого времени, периода расцвета природы, о чем свидетельствует его соседствующее положение с колоронимом *зеленый*. Неоспоримо одно: названные колоронимы используются автором с целью передать собственное цветовое восприятие окружающей действительности и отношение к миру.

---

[1] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – С. 408.
[2] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. С. 282.
[3] Там же. – С. 424.
[4] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 88.
[5] Там же. – С. 337.
[6] Там же.– С. 174.
[7] Там же. – С. 88.
[8] Там же. – С. 42.
[9] Там же. – С. 337.
[10] Там же. – С. 338.

Их употребление при описании *березы* свидетельствует о преобладании светлых, но одновременно печальных чувств. Следует отметить, что с помощью цветовых антитез В.А. Солоухин передает и годовую цикличность, в которой весной *березы* появляются: «*Но выходят из семени* / Клен, *береза*, трава. / У *зеленого* племени / Не отнимешь права»[1], возрождаются – зеленеют – «Что с ней? Ведь вместе *зеленели* / Совсем недавно. Что же с ней?»[2], а осенью – засыпают, умирают: «А здесь она роняет листья / Вдали от близких и подруг. / *Как от огня*, в чащобе мглистой / *Светло* на сто шагов вокруг»[3]. Здесь указывается на свет, идущий от берез, который сравним только со светом, идущим от *огня.* Важно отметить, что процесс сбрасывания листьев описан здесь как кульминационный момент, последняя отчаянная попытка жизни, сопровождаемая вспышкой огня, впоследствии приведшей к тому, чтобы осветить все. Однако, как часто бывает и с людьми, на эту попытку были брошены все оставшиеся силы, после чего жизнь *березы* угасает, а отсутствие жизни обозначается молчанием дерева: «И вот задумчивы, серьезны, / Как бы потупив в землю взгляд, / Над *угасающей* березой / Они в молчании стоят»[4].

Многие поэты по-своему описывали березу. Например, символом России *береза* выступала для С. Есенина и О. Шестинского, кроме того, С. Есенин сравнивает это дерево с нежной, чистой девушкой, данную идею в своем творчестве поддерживают А. Прокофьев, В. Рождественский, наделяя березу человеческими качествами. Для А. Твардовского *береза* – память, гордость, жизнь, символ *мирного дерева*. Примечательно, что в лирике В.А. Солоухина умело соединены все эти символы в одном образе *березы*. Так, символом родины она выступает в следующих контекстах: «Зачем стремиться? Брось свои березы, / Лети себе в заманчивую синь»[5], «Стоять среди железного мороза / Умеет наша светлая береза»[6]. Автор говорит об этом дереве, употребляя притяжательные местоимения *«наша», «своя»*, подчеркивая тем самым нужность и важность этого дерева как связующего звена каждого жителя с родиной, малой и большой. Образ дерева мира, хранящего тайны и секреты и передающего память: «Конечно, останутся звезды, и травы, и росы, / Ручьи и тропинки, береза, и клен, и ольха[7]; «Храню

[1] Солоухин В.А. Стихотворения. – С.50.
[2] Там же. – С. 88.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. – С. 175.
[6] Там же. – С. 258.
[7] Там же. – С. 344.

светло и молчаливо / Ее от трав до самых звезд… / И на холме, средь желтой нивы, / Чету белеющих берез»[1].

Таким образом, наблюдения, отмеченные В.И. Далем и зафиксированные в его трудах по поводу значимости *березы* для русского народа, справедливы и актуальны для современного человека, что прослеживается в лирических текстах В.А. Солоухина. Помимо толкования лексического значения при исследовании языка писателя важны устойчивые выражения, функционирующие в речи носителей языка. Пословицы, поговорки, фразеологизмы, заговоры тесным образом связаны с историей народа, взаимопроникаемы с культурой, обычаями, традициями. Их исследование представляет неоспоримую значимость при изучении ментальности русского народа. Сведения, приведенные В.И. Далем о *березе* в его лексикографических трудах, выходят далеко за пределы чисто филологического порядка, что позволяет осуществить на их основе более глубокое проникновение в творческую лабораторию В.А. Солоухина, индивидуально-авторская фитонимическая картина мира которого неразрывно связана с языковой картиной мира русского народа.

K.I. Kushnir

Dendronym birch in the phytonymic picture of the world V.A. Soloukhin (against the background of paremiological units with a dendronym component in the lexicographic heritage of V. I. Dahl)

Summary. *The article presents the dendronym birch as a means of reflecting V.A. Soloukhin against the background of paremiological studies in the lexicographic works of V.I. Dahl. The purpose of the article is to identify the specifics of the use of the dendronym birch as an important component of the author's linguistic picture of the world, inscribed in the mentality of the Russian people. The dendronym birch is of great importance in the construction of the author's microcosm, allowing us to speak of a close connection between nature and man, tree and homeland.*

Key words: *dendronym, birch, mentality, lexicography, V.A. Soloukhin, V.I. Dahl, linguistic picture of the world, symbol.*

[1] Солоухин В.А. Стихотворения. – С. 341.

О.А. Мещерякова

Паремии с библейскими именами в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» и их роль в сохранении культурных знаний

Аннотация. *Среди собранных В.И. Далем в «Пословицах русского народа» паремий можно выделить отдельную группу, где лексическим компонентом пословиц, поговорок, загадок выступают библейские имена. К их числу относится новозаветное имя «Иисус Христос». В религиозном дискурсе оно имеет сакральную семантику. В паремии оно выступает в роли знака, маркирующего область концептуального взаимодействия религиозной и народной культур.*

Ключевые слова: *сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля; паремии, библейский антропоним, Иисус Христос, религиозная культура, народная культура.*

Владимир Иванович Даль – один из известнейших собирателей пословиц и поговорок русского народа. Сборник, объединивший «пословицы, поговорки, речения, присловия, чистоговорки, прибаутки, загадки, поверия и проч.» (как было указано самим составителем в подзаголовке), впервые увидел свет в 1862 году, но до сих пор не теряет своей культурной ценности.

В.И. Даль взял для него уже известный к середине XIX века материал из «Полного собрания русских пословиц и поговорок» Д.М. Княжевича (1822), «Русских народных пословиц и притчей» И.М. Снегирева (1848) и некоторых других источников – всего около 6 тыс. единиц. Сам собиратель, не желая никоим образом скрывать этого факта, выражает «душевное спасибо всем доброхотным дателям, помощникам и пособникам»[1]. Однако основное содержание составили единицы, «собранные по наслуху, в частной беседе»[2], то есть услышанные в «речи народа»[3] и записанные им самим. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что «именно Далю принадлежит честь стать наиболее точным, глубоким и верным исследователем устного народного творчества»[4].

---

[1] Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. – С. 5.

[2] Там же. – С. 6.

[3] Там же. – С. 5.

[4] Кириленко Ю.П. Пословица несудима // Даль В.И. 1000 русских пословиц и поговорок. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – С. 3-10.

Общий объем пословиц, поговорок, метких выражений, загадок и примет – того, что в современной филологической науке именуется паремиями[1], составил 30 130 единиц по темам, обозначенным самим автором-составителем. По его мысли, раздел «БОГ – ВЕРА» относился к числу значимых и занимал место в первом томе. Подобное расположение сохранялось и в последующих изданиях. Данная тематическая направленность присутствовала, но в несколько ином ракурсе, в последующих разделах, таких как «ВЕРА – ГРЕХ», «ИЗУВЕРСТВО – РАСКОЛ», «ИЗУВЕРСТВО – ХАНЖЕСТВО», «ВЕРА – ИСПОВЕДАНИЕ», «ВЕРА (ЗАГАДКИ)». Кроме того, паремии с лексическими компонентами, отсылающими к религиозной культуре, в том числе паремии с библейскими именами, включены и в другие разделы сборника. Например, раздел «ЧУДО – ДИВО – МУДРЕНОЕ» включает пословицу, построенную на употреблении имен *Богородица, Христос*: *Не дивья Богородице, коли сын Христос*[2]; в разделе «БРАНЬ – ПРИВЕТ» упоминается речевая формула напутствия, где используются имена *Никола, Христос*: *Никола в путь, Христос по дорожке* (отплывающим на судах). Все это говорит о подлинном интересе самого собирателя к религиозной теме. Такой вывод подтверждают, на наш взгляд, и некоторые факты биографии В.И. Даля, в частности, нужно вспомнить, что его отцом был датчанин, лютеранин по вероисповеданию, которое было передано и сыну; лишь незадолго до смерти, осенью 1871 года, В.И. Даль принял православие, к которому шел всю жизнь, рассматривая его не столько как конфессию, сколько как истину. Не случайно в опубликованных в «Русском вестнике» 1873 года «Воспоминаниях о Владимире Ивановиче Дале», написанных П. Мельниковом, приводится признание, сделанное собирателем незадолго до смерти: «Я всю жизнь искал истины и теперь нашел ее»[3]. Возможно, в этом сложном поиске В.И. Далю помогали русские пословицы и другие «речения» на религиозную тему, к которым он проявлял интерес.

В лингокультурологическом подходе к пословицам, загадкам, так или иначе связанным с вопросами веры, мы особо выделяем паремии с лексическим компонентом – библейским антропонимом. Использова-

[1] Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. – Мінск: Навука т тэхника, 1993.

[2] Здесь и далее цитаты приводятся по: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1989.

[3] Цит. по: Тарасов К.Г. Пасхальные мотивы в творчестве В.И. Даля // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – №5. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pashalnye-motivy-v-tvorchestve-v-i-dalya (дата обращения 30 ноября 2021 г.).

ние имени персонажа повествования Ветхого и Нового Заветов весьма показательно в плане соотнесения разных пластов культуры. Подобные языковые факты паремийного дискурса не случайны и даже закономерны: они указывают на то, что процесс формирования малых фольклорных жанров проходил под влиянием на него текстов книжного происхождения, причем не только Библии, но и Псалтири, а также других книг, по которым учились читать и писать в России[1]. Причем книжная традиция была не просто источником религиозных знаний. Она коррелировала с фольклорной традицией, вступая с ней в продуктивное и осмысленное взаимодействие, благодаря которому из религиозных текстов вычленялось то, что для русской ментальности (то есть для восприятия и оценки «мира и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения»[2]) было наиболее значимо. Эта значимость относится не только к религиозному, но и к повседневному сознанию, интерпретирующему, с одной стороны, отношения человека и Бога, с другой стороны, отношения человека и человека. Народное рассуждение, в которых давалась оценка разным сторонам жизни, могла полностью совпадать с той, что представлена в канонических текстах, или совпадать частично, или не совпадать и в чем-то даже противоречить.

Демонстрируя обращение к религиозному тексту, паремии нередко используют библейское имя, которое выступает семиотическим средством, указывающим на народную интерпретацию религиозных канонов, представленную в пословице, поговорке, загадке, примете.

Обратимся к центральному имени всей христианской культуры – *Иисус Христос* и попытаемся определить смысловые аспекты, какие можно выделить при его употреблении в религиозном дискурсе и в паремиях, которые записал и внес в свой сборник В.И. Даль.

Слово *Иисус* является древнееврейским, это сокращение имени *Яхве* ‘(бог) поможет’[3], его носят такие персонажи библейского повествования, как ***Иисус*** *Навин;* ***Иисус****, первосвященник иудейский;* ***Иисус****, сын Сирахов*. Сына Божия было предопределено также назвать *Иисус*. Об этом в день Благовещения Гавриил сказал Марии: *Ты обрела бла-*

[1] См. ссылки на научные источники подобного тезиса в: Фролова О.Е. Паремия как комментарий к Священному Писанию // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. – М., 2013. – С. 38-48.

[2] Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. – В 2-х тт. Т. 2. – СПб.: «Златоуст», 2014. – С. 531.

[3] Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 120.

годать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: ***Иисус*** (Лк. 1: 30–31). Имя еще не родившегося Богочеловека открывается Иосифу: *Родившееся в Ней (Марии) есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя* ***Иисус*** (Мф. 1: 20–21). Поэтому, согласно Евангелию от Луки, *по прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя* ***Иисус****, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве* (Лк. 2: 21).

Имя *Христос* было эпитетом, употреблявшимся рядом с именем *Иисус*. В переводе оно означает ‘помазанник’[1] и связано с обрядами крещения, возведения в духовный сан, когда для ниспослания на верующего божественной благодати ему смазывали лоб освященным маслом – миром, елеем.

В религиозной культуре имя *Иисус Христос* – это имя Господа, оно имеет сакральный характер: его упоминание связано с благодатью, даруемой верующему. «Нам подарено Его имя и через имя подарена возможность обретать благодать»[2]. *Имя Господа – крепкая башня: убегает в нее праведник – и безопасен* (Притч. 18: 11).

В паремиях, представленных в сборнике В.И. Даля, чаще всего имя однокомпонентно: или только *Иисус*, или только *Христос,* что не противоречит книжной христианской традиции. *Иисус* употребляется только как новозаветное имя. Контекст употребления имени раскрывает отношение человека к Богу и к самой вере на уровне обыденного, эмпирического, феноменального бытия. Сохраняя внешнюю форму, паремия перемещает семантику имени в плоскость профанного, обозначая жизненную ситуацию, в рамках которой употребляется словоименование.

Можно выделить два типа включения имени в паремию. Первый основан на воспроизведении событий библейского повествования. Второй акцентирует внимание на отношениях человека и Бога, не воспроизводя евангельского сюжета.

Включение имени *Христос* на событийной основе связано с обращением к последним эпизодам земной жизни Христа. При этом жанровой особенностью выступает наличие /отсутствие оценки участникам событий.

Загадка как развлекательный жанр не включает аксиологической семантики. Например, загадка о горшке «бесстрастно» воспроизводит страдания Иисуса в страстную неделю: <…> *ставлен на лобное место*

---

[1] Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин Р.М. и др. – М.: Русский язык, 1994. – С. 766.

[2] Протоиерей Андрей (Ткачев). Имя Христа. – [Электронный ресурс]. – URL: https://pravoslavie.ru/44063.html (дата обращения 30 ноября 2021 г.).

и биен по главе, яко же ***Иисус*** <…> Описание этого события соответствует библейскому. Ср.: *Тогда отпустил им Варавву,* ***а Иисуса, бив,*** *предал на распятие* (Мф 27: 26); *и плевали на Него и, взяв трость,* ***били Его по голове*** (Мф 27: 30–31). Отсутствие аксиологической семантики продиктовано еще и способом построения паремии путем нанизывания отдельных эпизодов из Ветхого и Нового Заветов: *Взят от земли, яко же Адам; вверженв пещь огненную, яко три отроки; взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи елиим гласом, и на глас его прииде некая жена, яко же Мария Магдалина, и, купивши его за медницу, принесе домой; но расплакася по своей матери, умре, и доныне его кости лежат не погребены*. При таком построении загадки имя *Иисус* употребляется наряду с другими библейскими антропонимами (*Адам, Илия, Иосиф, Мария Магдалина*), каждое из которых «выступает как свернутый сюжет»[1], и рамки «цепочки референциальных соответствий»[2] не позволяют представить какие-либо оценки действиям персонажей библейского повествования. В целом же антропонимический ряд, осуществляя связь Ветхого и Нового Заветов; выступает упрощенным изложением важных, с точки зрения религиозной культуры, фрагментов Священного Писания, в ряду которых стоит и эпизод страданий Христа. Подобные паремии помогали запоминанию изложенных в них событий, а сам выбор их схватывал отношение к ним со стороны русского национального и религиозного сознания как к основополагающим.

Пословица *Глас народа* ***Христа*** *предал (распял),* обращается почти к тем же событиям из жизни Христа, что и рассмотренная выше загадка, но при этом в силу жанровой специфики включает не только нарративное описание, но и оценочное содержание, которое к тому же расставляет иные смысловые акценты, чем они есть в евангельском тексте. Так, описание событий в Евангелии представляет отрицательное отношение к первосвященникам и старейшинам, которые воздействовали на народ, чтобы погубить Христа: *Но* ***первосвященники и старейшины возбудили*** *народ просить Варавву, а* ***Иисуса погубить****. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву* (Мф 27: 20 – 21). Пословица же возлагает ответственность за предание Христа казни на народ, определяя в качестве субъекта действия *Глас народа* и выбирая в качестве предиката

[1] Фролова О.Е. Паремия как комментарий к Священному Писанию // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. – М., 2013. – С. 39.
[2] Там же. – С. 44.

глаголы не говорения, как в Евангельском тексте, а действия, направленного против Христа и сопряженного с нарушением моральных норм (*предал, распял)*. Имя *Христос* отсылает к библейскому тексту, а контекстное окружение свидетельствует об интерпретации канонического повествования.

В загадке, которая использует имя *Христос*, при отсутствии аксиологической семантики может происходить усиление интерпретационного начала, так как этому жанру свойственен парадокс, а он в первую очередь формируется под влиянием народной смеховой культуры. Религиозная сфера не допускает смешного и даже трактует его как грех, что создает в определенных ситуациях напряжение, требующее выхода. Функцию снятия напряжения и берет на себя загадка. *Когда* ***Иисус Христос*** *на одной ноге стоял? (Когда на осла садился*). Данная загадка обращена к евангельскому повествованию, но деформирует его в русле празднеств карнавального типа, что приводит к трансформации образа Христа, возникновению его профанного (в смысле "несвященного") двойника. В результате образ Христа следует признать нелепым с точки зрения богословия и всей религиозной культуры в целом, но вполне соответствующим различным площадным смеховым действам.

Включение имени *Иисус Христос* в паремию может быть знаком фольклорной интерпретации не события евангельского повествования, а тех принципов, постулатов, которые утверждаются в Новом Завете.

Обратимся к пословице *Бога хвалим,* ***Христа*** *величаем, богатого богатину проклинаем.* В словаре «Христианство и язычество в пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского народа» дано следующее суждение о семантике данной пословицы: «Бог представлен в значении, не совпадающем с христианским понятием *Иисус Христос* и даже ему противопоставленном»[1]. Считаем, что здесь нет противопоставления библейского и фольклорного, но представлена народная интерпретация некоторых основных положений христианского вероучения. Первая часть паремии, включающая слово *Бог*, соотносится со второй частью, включающей имя *Христос*, и отсылает тем самым к христианскому учению о Триипостасности Бога: Бог есть един по существу, но троичен в лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Придя на землю, Иисус проповедует любовь. Первая заповедь говорит о любви к Богу:

[1] Надель-Червиньска М. Христианство и язычество в пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского народа. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskie, 2010. – [Электронный ресурс]. URL: https://studylib.ru/doc/2163572/hristianstvo-i-yazychestvo---wydawnictwo-uniwersytetu-%C5%9Bl%C4%85sk (дата обращения 30 ноября 2021 г.).

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь (Мф. 22:37). Употребляя глаголы *хвалим, величаем*, пословица указывает на то, что эта заповедь исполняется. Однако Христос дал и вторую заповедь: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Матф.22:39). Пословица, давая в третьей части описание отношения бедных людей к богатым, указывает на то, что эта заповедь нарушается. Христос призывал молиться за обижающих нас и гонящих нас (Мф. 5: 45), пословица указывает на другое действие – *проклинаем*. При этом языковые средства, используемые в пословице, не позволяют сказать, что в ней подобное отношение к человеку осуждается. Напротив, помещенная в раздел «БОГАТСТВО – УБОЖЕСТВО», где по смыслу представлено равнодушие к бедному, в рамках дискурсивного контекста паремия приобретает смысл допустимости нарушения новозаветной заповеди по отношению к людям, если первая заповедь выполняется. Имя *Христос*, данное наряду со словом *Бог*, служит средством указания на новозаветный текст, который подвергается народной, а не богословской интерпретации.

Таким образом, паремии с библейскими именами, включенные В.И. Далем в сборник «Пословицы русского народа», вступали в очень серьезный и сложный диалог с религиозными догматами. Они показывали неоднозначность народной интерпретации, возможность совпадения или, напротив, несовпадения оценки библейских событий в священном Писании и в малых фольклорных жанрах. Содержащиеся в паремиях (в качестве компонентов) антропонимы выступают в качестве семиотических скрепов религиозной и народной культуры, доказывая, что, имея право на отдельное существование, закрепленное книжной и устной традицией, каждая из них отдельно существовать не может.

Честь этого открытия принадлежала В.И. Далю. В середине XIX века, когда Россия была клерикальным государством, собиратель посмел представить в сборнике такие паремии, которые противоречили официальной идеологии, но отражали идеологию крестьянства и других сословий России, а в целом – всего народа. Цензура не допустила выхода подобного издания. Лишь с усилением демократических начал в государстве выпуск сборника состоялся, что стало важным событием в жизни В.И. Даля. Своим строгим цензорам, которые затормозили издание на десять лет, он ответил мудрым народным изречением «Пословица несудима» на титульном листе сборника.

С тех пор прошло немало десятилетий. Однако «Пословицы русского народа» В.И. Даля остаются ценнейшей книгой, которая избавляет человека, обратившегося к ней, от стереотипных взглядов на

народ, его мировоззрение и устои. Сборник открывает многоголосицу мнений и суждений, за которой стоит и широта души русского человека, и глубина его мысли, и ошибки, и взлеты – все то, что составляет живую жизнь нации.

O.A. Meshcheryakova

Paroemias with Biblical Names in the Collection "Proverbs of the Russian People" by V.I. Dahl and Their Role in the Preservation of Cultural Knowledge

Summary. *Among the proverbs collected by V.I. Dahl in his "Proverbs of the Russian people" can be divided into a separate group, where the lexical component of proverbs, sayings, riddles are biblical names. Among them is the New Testament name "Jesus Christ". In religious discourse, it has a sacred semantics. In paroemia, it acts as a sign that marks the area of conceptual interaction between religious and folk cultures.*

Keywords: *collection "Proverbs of the Russian people" by V.I. Dahl, proverbs, biblical anthroponym, Jesus Christ, religious culture, folk culture.*

Л.П. Плеханова

«НАРОДНАЯ ЭТИКА» В.И. ДАЛЯ В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ НАШЕГО СОВРЕМЕННИКА

Аннотация. *В статье рассматриваются материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, отражающие основные постулаты народной этики, которые представляют собой приведенное в систему собрание лингвокультурных и аксиологических констант, в совокупности составляющих нравственно-этический кодекс русского человека. Приводятся фрагменты словарных дефиниций ключевых понятий русской языковой картины мира: совесть, нравственность, отечество, правда, истина и др. Делается вывод об актуальности материалов словаря для интеллектуального и духовного становления личности нашего современника.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, народная этика, лингвокультурные константы, аксиологические константы, нравственно-этический кодекс, языковая картина мира.*

Юбилейные даты, связанные с именами выдающихся деятелей науки и культуры, располагают к размышлениям о судьбе их творений и об их восприятии современниками и потомками. Это в полной мере относится и В.И. Далю, 220-летие которого мы отмечаем в уходящем году. Размышляя над вопросом «Даль и современность», нельзя не вспомнить известное утверждение о том, что уже к началу XX века «областнический словарь» Даля якобы «устарел»[1].

Но сегодня, спустя еще одно столетие, с этим суждением трудно согласиться. Конечно, гениальное творение В.И. Даля несет на себе печать своей эпохи, и некоторые словарные толкования, вроде «зефир – легкая прозрачная шерстяная ткань»[2], «зегзица – кукушка»[3], «обиняк – намек»[4], «овидь – кругозор»[5], «спроворить – сделать скоро, наскоро»[6] и подобные воспринимаются как архаичные, хронологически отмеченные и оказываются востребованными только при изучении исторического аспекта русской языковой картины мира.

Но при этом нельзя забывать, что этот якобы устаревший пласт русской лексики содержит богатейшую информацию о прошлом нашего народа, позволяет услышать живые голоса предков и увидеть картины их материальной и духовной жизни гораздо ярче, чем в сохранившихся исторических свидетельствах. Материалы словаря В.И. Даля оживляют нашу историческую память, помогают восстановить утраченную связь поколений и осознать свою причастность к судьбе родной страны и ее народа.

Обращаясь к словарю В.И. Даля, содержание которого может быть определено как картина мира в исторической перспективе, следует подчеркнуть, что главное произведение выдающегося лексикографа, составившее труд всей его жизни, пережило свое время и не утратило актуальности, став, по сути, настольной книгой каждого культурного человека и заняв место на «золотой полке» многих семейных библиотек. В широко известном выражении: «Комната образованного человека – это стол, стул и Даль», – нет большого преувеличения, так как

---

[1] Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – С. 208.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 678.

[3] Там же. – С. 677.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 584.

[5] Там же. – С. 641.

[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 299.

подлинная образованность, и особенно русская образованность, не может не опираться на серьезное знание языка, на выраженное в слове отношение к ценностным категориям жизни. Задумываясь над тем, справедливо ли это утверждение сегодня, в XXI веке, хотелось бы ответить на этот вопрос положительно, хотя это и не всегда удается.

К сожалению, наблюдения над лексикографической грамотностью современных школьников и студентов нередко показывают ее низкий уровень. Обучающиеся либо признаются в незнании словаря Даля, либо считают его устаревшим, написанным, по их мнению, на незнакомом им древнерусском языке, а при необходимости обращения к этому лексикографическому источнику обнаруживают неумение им пользоваться и извлекать нужную информацию.

В подобных случаях перед преподавателем-словесником стоит задача показать актуальность материалов словаря для современного молодого поколения и ценность содержащейся в нем информации для духовной культуры наших дней. По оценке лексикографов, при всем многообразии существующих в мире словарей главный труд Даля превосходит по ценности лексико-фразеологического материала все словари, вышедшие в России до и после него.

По словам В.В. Виноградова, «словарь Даля представляет собой своеобразную энциклопедию народной жизни первой половины XIX века»[1]. Этот уникальный труд отражает все стороны жизни русского народа, его трудовую деятельность, общественные отношения, весь запас его знаний, быт, его понятия и верования, – все то, что можно выразить в наивысшем проявлении культуры народа – в его языке.

Наиболее ценными и значимыми для наших дней представляются те материалы словаря, которые носят вневременный характер и отражают основные понятия народной этики. По замыслу автора, влюбленного в русский язык гражданина и патриота, «Толковый словарь живого великорусского языка» воссоздает русскую языковую картину мира, центральной частью которой является приведенное в систему собрание лингвокультурных и аксиологических констант, которые в совокупности составляют нравственно-этический кодекс русского человека.

Стремление отразить в словарных дефинициях то, что «должно отозваться в русском уме и сердце»[2], отчетливо просматривается в толкованиях таких ключевых единиц национальной языковой картины мира, как *совесть, нравственность, правда, истина, отечество, память, слава, счастье, ум, честь, добро, дом, доля, друг, душа* и др.

---

[1] Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 464.

[2] Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М.: «Современник»,1972. – С. 233.

Приведем примеры описания В.И. Далем некоторых из названных понятий. Так, в словарной статье ***отечество*** читаем: «Родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто по рожденью, языку, вере принадлежит; <…> родина в обширном смысле»[1]. В подробном толковании лексической единицы ***слава*** обращает на себя внимание фрагмент «похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним»[2], в котором этическая составляющая подчеркнута иллюстрирующими этот смысловой оттенок значения пословицами: «Слава кружит голову»; «Слава дым, а золото тлен»; «Хоть нет барыша, да слава хороша»; «Добрая слава в углу сидит, худая слава по дорожке бежит»[3].

Близко по смыслу и толкование основного значения слова ***честь***: «Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»[4]. Синонимический способ толкования отсылает читателя к словарным статьям ***достойный, совесть, благородный.*** Ср.: «***Совесть***. Нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутренне сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; <…> чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развитая»[5]. В толковании прилагательного ***достойный*** следует подчеркнуть такую часть комментария, как «сообразный с требованиями правды, чести»[6], а в комментарии к слову ***благородный*** – «согласный с правилами чести и чистой нравственности, честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других»[7].

Значимость духовной составляющей в русской народной этике подчеркивается в словарной дефиниции понятия ***нравственность***: <…> одно из двух свойств души человека: ум и нрав слитно образуют дух (душу в высшем значении). Согласный союз нрава и ума, сердца и души образуют совершенство духа; раздор этих начал ведет к упадку,

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 724.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 215.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 599.
[5] Там же. – С. 256-257.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 480.
[7] Там же. – С. 94.

человек должен достичь их единства высшим путем: убеждением, обузданием страстей и умничанья, сознанием долга»[1].

Одно из наиболее ценимых Далем понятий – правда. Это слово не только подробно описывается и иллюстрируется в словарной статье с опорным словом *правый*, но и привлекается в качестве своеобразного мерила нравственности в толкованиях других слов (например, уже упоминавшихся слов *совесть, достоинство)*. Ср.: «***Правда*** – истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость»[2]. Смысловая глубина слова усиливается привлечением синонимов *честность, неподкупность, добросовестность* и иллюстративным материалом: фраземами *стоять за правду, жить по правде* и пословицами: «Правдою жить – палат каменных не нажить»; «Правда сама себя очистит»; «По правде тужим, а кривдой живем»; «От правды отстать – куда пристать?»; «Правда – свет разума»; «Доброе дело правду говорить смело»; «Бог тому дает, кто правдой живет»; «Правда из воды, из огня спасает» и др.[3].

Близкие по смыслу слова *правда* и *истина* толкуются Далем одно через другое. Так, в словарной статье ***истина –*** «противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо» – встречаем добавление: «<…> ныне слову этому отвечает и правда»[4]. Сходство значений подтверждается пословицами: «Свет плоти – солнце, свет духа – истина»; «Истина хороша, да и правда не худа»[5].

В толковании слова ***добро***, отмечая два его основных значения – вещественное и духовное, В. И. Даль подробно останавливается на втором, рассматривая его как «благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; что противоположно худу и злу»[6]. Описание значения иллюстрируется пословицами: «Добро делай, никого не бойся»; «От добра худа не бывает»; «За добро злом не платят»; «Час в добре проведешь – все горе забудешь»; «Худо тому, кто добра не делает никому» и др.[7]

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2.: И – О. – С. 558.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 379.
[3] Там же.
[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2.: И – О. – С. 60.
[5] Там же.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 443.
[7] Там же.

Как видим, в каждом подобном описании содержится отсылка к какому-либо постулату народной этики, чувствуется безграничная любовь В.И. Даля к русскому языку, уважительное отношение к слову как к величайшей ценности, с которой ничто не может сравниться. В «Напутном слове» к своему великому творению Даль писал о том, что сокровища народного языка не даются в руки человеку равнодушному, черствому, не заинтересованному в сохранении исконного русского слова, не умеющего найти, увидеть и сберечь каждую из крупинок неисчерпаемого лексического богатства родного языка.

Слово для Даля – это «жизнь, в нем не меньше жизни, чем в человеке, оно сложно и трудно, как жизнь. Слово соединяет нас с жизнью, в нем запечатлено все»[1]. Не случайно в толковании этических категорий со всей отчетливостью отражаются не только ценностные ориентации русского народа, но и нравственно-этический кодекс самого составителя словаря – человека высочайшей духовной культуры.

Широко известно утверждение Вольтера, позже перефразированное Анатолем Франсом: «Толковый словарь – это целый мир в алфавитном порядке. <…> Все книги как бы заключены в словаре, нужно только уметь извлечь их оттуда»[2].

Словарь Даля, действительно, можно читать как увлекательную книгу, которая, помимо уникальности и ценности содержания, несет на себе отпечаток личности создателя, подобно тому как каждое слово вмещает в себя весь ореол сопутствующих ему ассоциаций, всю ауру, соединяющую его с окружающим миром. Иногда нам бывает более понятно не само слово, а то, как оно произносится: «тон, ударение, модуляция, темп, – короче сказать, музыка, скрывающаяся за словами, страстность, скрывающаяся за музыкой, личность, скрывающаяся за страстностью, то есть все то, что не может быть написано»[3].

Известно, что организующим центром текста, по мнению В.В. Виноградова, является образ автора – категория, обозначающая языковые сигналы присутствия создателя в своем творении. Есть эти сигналы и в словаре Даля. Мозаично рассредоточенные по всем четырем томам, они воссоздают в сознании читателя языковой портрет человека, совершившего лексикографический подвиг длиною в целую

[1] Бессараб М.Я. Владимир Даль. – С. 246.

[2] Цит. по: Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 3.

[3] Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. – С. 131.

жизнь, сумевшего увидеть в русском слове и отразить в его описании нравственно-этические ценности русского народа.

Думается, что именно обаяние большой личности, которое чувствуется за каждой строкой словаря, делает его актуальным и необходимым для современного читателя. «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля сегодня более 160 лет. Он по-прежнему живет в нашем сознании, и каждое его издание расходится многотысячными тиражами. Этой великой книге не суждено устареть и уйти в прошлое, ибо в ней прочитывается то, «что не может быть написано», но ощущается каждым человеком, хоть однажды заглянувшим в словарь Даля, – живой русский язык и живое сердце любящего и понимающего родной язык ученого, гражданина и патриота.

Хотелось бы, чтобы современные школьники и студенты, открывая словарь, черпали из него не только лексикографическую информацию, но и находили бы для себя мудрые наставления, ценностные ориентиры, необходимые для духовного становления личности.

L.P. Plekhanova

V.I. Dahl's "folk ethics" in the cultural consciousness of our contemporary

Summary. *The article examines materials from the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V.I. Dahl, reflecting the basic postulates of folk ethics, which are a collection of linguocultural and axiological constants brought into the system, which constitutes the moral and ethical code of the Russian person. Fragments of the dictionary definitions of the key concepts of the Russian linguistic picture of the world, such as conscience, morality, fatherland, truth, truth, etc, are given. The conclusion is made about the relevance of the materials of the dictionary for the intellectual and spiritual formation of the personality of our contemporary.*

Key words: *V.I. Dahl, folk ethics, linguocultural constants, axiological constants, moral and ethical code, linguistic picture of the world.*

Е.А. Попова

Ученые и писатели о сочинениях В.И. Даля

Аннотация. *В статье рассматривается оценка, которую дали личности и трудам В.И. Даля, ученые, писатели и критики XIX–XX вв.: Я.К. Грот, И.И. Срезневский, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, В.И. Чернышев, Л.Н. Толстой, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, П.И. Мельников (Андрей-Печерский) и др. Все, кто касался анализа сочинений Даля, относили к главной черте его таланта, проявившейся во всем, что выходило из-под его пера («Толковом словаре живого великорусского языка», сборнике «Пословицы русского народа», художественных и иных произведениях), пламенную любовь к Отечеству, русскому человеку, русскому языку. Этим Даль заслужил себе благодарную память в веках всех, кто любит русское слово и русский народ.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», сборник «Пословицы русского народа», Казак Луганский, натуральная школа, физиологические очерки, сказки, повести, рассказы, любовь к России, патриотический подвиг.*

В щедром на таланты XIX в. фигура В.И. Даля одна из самых ярких. Филолог, этнограф, писатель, ученый-естественник, медик, военный, крупный государственный деятель и, помимо всего, горячий патриот России, он принадлежит к числу тех представителей русской культуры, о которых Д.С. Лихачев сказал: «Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создающими горный хребет культуры»[1]. Современники и потомки высоко оценили труды Даля, отметили его огромный вклад в русскую культуру.

Главным делом жизни Даля, обессмертившим его имя, стал четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», составлению которого он посвятил всю сознательную жизнь, начав 18-летним юношей, а закончив глубоким старцем: как отмечал наш земляк П.И. Бартенев в некрологе, посвященном Далю, опубликованном в созданном им журнале «Русский архив», в котором печатался и Даль, «за неделю до кончины умирающий труженик приказал дочерям вне-

[1] Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранное: Великое наследие. – СПб.: Logos, 1998. – С. 515.

сти в словарь еще четыре, услышанных им от прислуги, слова»[1]. Этот словарь до сих пор считается одним из лучших толковых словарей русского языка, символом Русского словаря и культуры нашего народа. Недаром И.С. Тургенев, который служил под началом Даля в особой канцелярии Министерства внутренних дел в 1843–1845 гг., так отозвался о его смерти: «Он (Даль. – Е.П.) оставил за собой след: “Толковый словарь” – и мог бы сказать “Exegi monumentum”»[2].

Выход в свет первого издания словаря в 1863–1866 гг. произвел огромное впечатление на современников Даля. Когда его за этот труд избрали почетным академиком и присудили Ломоносовскую премию, академик Я.К. Грот заметил: «В рассмотренном словаре мы видим смелую попытку охватить <…> безбрежное море русского слова. Можно с уверенностью сказать, что никакой труд не был бы приветствован самим Ломоносовым с такою задушевною радостью, как именно словарь, поставивший себе задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содействовать к чистоте его. И потому награда, учрежденная в честь великого русского ученого для увенчания трудов, обогащающих науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленного к обозначенной цели. Отделение русского языка и словесности тем с бóльшим удовольствием присуждает ее ныне, что думает принести этим новую дань уважения памяти Ломоносова. Академия Наук ничем иным не могла бы лучше выразить своего одобрения заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русского слова»[3].

Отделение русского языка и словесности Академии наук поручило Я.К. Гроту сделать разбор словаря Даля. В этом разборе были отмечены большое научное и практическое значение рецензируемого труда, его богатое содержание, личные заслуги автора, оцененные Гротом как подвиг, «важный, редкий в нашей литературе»[4]. В частности, Грот писал: «Хотя он (словарь. – Е.П.) и не отвечает всем требованиям строго ученой критики, однако ж его богатое содержание, лексическое и вещественное, в значительной мере искупают указанные недостатки. Собранные г. Далем сокровища языка и ума народного дают целую массу нового материала не только для науки русского слова, но и для этнографии. <…> (Словарь Даля. – Е.П.) не есть, конечно, труд учено-

[1] Бартенев П.И. В.И. Даль // Русский архив. – 1872. – №10. – Стб. 2031.
[2] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма в 18 т. Т. 12. Письма 1872–1873. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2000. – С. 27.
[3] Грот Я.К. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. – СПб.: Типография Императорской Акад. наук, 1870. – С. 60.
[4] Там же. – С. 57.

го, стоящего в уровень с современным состоянием своей науки; но это труд мыслящего писателя, который всего себя посвятил практическому изучению русского языка с одной определенной точки зрения, в виду одной ясно сознанной им цели; это – плод добросовестных занятий целой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всех сторон; он не записной филолог, не проник во все тайны законов языка; но и то, что он сделал для родного слова, останется почетным памятником его деятельности, навсегда сохранит значение в истории русского языка и русской лексикографии. Его словарь есть первый в обширных размерах опыт построить разработку и употребление языка на новых основаниях»[1].

Об объеме словаря Грот сказал, что труд Даля не имеет себе равных в русской лексикографии: «В современной русской лексикографии это, без всякого сравнения, самый полный и многообъемлющий словарь; притом это труд, задуманный смело и оригинально, выполненный самостоятельно. <…> давно уже у нас не было такого обширного и веского по русскому языку сочинения, которое могло бы идти в сравнение с этим. Едва ли скоро можно ожидать подобного»[2]. Эти слова оказались пророческими. До сих пор словарь Даля, несмотря на высокий уровень развития словарной индустрии, остается самым большим по количеству слов (200 тысяч) словарем русского языка.

Относительно адресатов словаря Грот высказывался следующим образом: «К труду этому будут обращаться все, кому нужно изучать с какой бы ни было стороны народную жизнь; он должен также сделаться настольною книгою всякого, кто вдумывается в родной язык, кто хочет короче узнать его богатства, а тем более, кто трудится над исследованием его законов»[3]. Но «Толковый словарь живого великорусского языка», по мнению Грота, представляет интерес не только для специалистов, но и для широких кругов читателей: «<…> словарь г. Даля – книга не только полезная и нужная, это – книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного, и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода, и для литературного дела»[4]. Не случайно о тех людях, в ком хотели подчеркнуть подлинную интел-

[1] Грот Я.К. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. – СПб.: Типография Императорской Акад. наук, 1870. – С. 57-58.
[2] Там же. – С. 57.
[3] Там же.
[4] Там же.

лигентность, раньше говорили: «Комната русского культурного человека – это стол, стул и Даль».

По личному опыту зная, как нелегок труд лексикографа[1], Грот назвал составление словаря Даля подвигом: «это труд, задуманный смело и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершение подобного труда, при всех его недостатках, есть подвиг важный, редкий в нашей литературе <…> Составление словаря есть вообще дело особенно трудное, менее других видное и благодарное, требующее значительного самоотвержения, на которое по тому самому не многие решаются. Тем замечательнее такой труд, когда он ведется от начала до конца одним лицом, без сотрудников и помощников»[2].

И.И. Срезневскому в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля были особенно дороги народные выражения и синонимы. Ученый надеялся, что в этот словарь станут заглядывать наши писатели[3]. И действительно, многие русские писатели нашли в словаре Даля

---

[1] Я.К. Грот был редактором академического «Словаря русского языка», который выходил в 1891–1895 гг. По словам Ф.П. Сороколетова, «Грот сумел сделать словарь общим делом всей Академии наук, привлекая к работе над ним виднейших ученых разных специальностей. Академия наук по существу впервые в истории русской лексикографии предприняла удачную попытку создать толковый словарь современного литературного языка на основе лексического богатства, отраженного в русской классической литературе. <…> «Словарь русского языка» под ред. Я.К. Грота отличается не только полнотой словника, но и внутренней полнотой – точностью семантического анализа слов, ясностью и достаточностью толкования значений, четким их разграничением, убедительным распределением в составе словарной статьи, четкой грамматической характеристикой слов. Достаточно широкий набор стилистических помет связан с основной задачей словаря – быть «истолкователем живого языка». Система грамматических характеристик из словаря под ред. Я.К. Грота перешла в последующие толковые словари русского языка. Все это делало словарь под ред. Я.К. Грота выдающимся явлением в культурной жизни России, одним из самых ценных начинаний второй половины XIX в. в области изучения русской литературной лексики» (Сороколетов Ф.П. Русская лексикография в Академии наук // Вопросы языкознания. – 1974. – №6. – С. 25).

[2] Грот Я.К. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. – С. 57-58.

[3] *Об этом И.И. Срезневский писал в письме к М.П. Погодину: «В свободные минуты рассматриваю Словарь Даля. Кое-что не так, как бы хотелось видеть; но, зато, сколько и прекрасного. Особенно дороги народные выражения и синонимы. Авось либо хоть в этот Словарь станут заглядывать наши писатели» (Клеймёнова Р.Н. Вклад Общества любителей российской словесности в изучение языка и фольклора. 1811–1930 // В.И. Даль и Общество люби-*

неисчерпаемую сокровищницу народной речи. Например, записные книжки Л.Н. Толстого 1879–1880 гг. свидетельствуют, что писатель хорошо знал «Толковой словарь живого великорусского языка» В. Даля, выписывал из него слова, выражения и особый интерес проявлял к пословицам[1]. По воспоминаниям старшего сына Л.Н. Толстого – С.Л. Толстого, «во время составления “Азбуки” и “Книг для чтения” и позднее он (Л.Н. Толстой. – Е.П.) не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц»[2].

Труд Даля вызвал интерес и у зарубежных лингвистов. «Филолог славянист Шлейхер в Гетингене, – делился Даль с М.П. Погодиным, – писал мне через акад. Шифнера, что вскоре напечатает разбор моего словаря, передали мне также, что какой-то весьма ученый филолог, профессор в Оксфорде, занимается рассмотрением словаря и уже три письма написал Ю. Самарину, требуя скорейшей высылки последних тетрадей. Каковы славянисты в Гетингене и в Оксфорде!»[3]. А. Шлейхер, которого упоминает Даль в этом письме, один из крупнейших немецких лингвистов, глава натуралистического направления в языкознании, славист (например, его перу принадлежат работа по церковно-славянскому языку «Морфология церковно-славянского языка» (1852)) охарактеризовал словарь следующим образом: «Книга призвана служить народу и в конце концов написана для русского народа. Славянским языковедам представлен настоящий и чисто русский словарь… Словарь Даля является “рудником настоящего и подлинно русского языка”»[4].

По словарю Даля изучали русский язык не только его носители, но и иностранцы. Так, после окончания Русско-японской войны и подписания Портсмутского мирного договора между Россией и Японией «японское военное министерство сделало заказ на значительное число экземпляров “Толкового словаря русского языка” В. Даля. Этим сло-

---

телей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клеймёнова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 87).

[1] См. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 48. Дневники и записные книжки. 1858–1880. – М.: ГИХЛ, 1952. – С. 252, 402, 410, 533.

[2] Толстой С.Л. Очерки былого. Изд-е 4-е, испр. и доп. – Тула: Приокское книжное издательство, 1975. – С. 101.

[3] Цит. по: Бессараб М.Я. Владимир Даль: Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Современник, 1972. – С. 245.

[4] Цит. по: Отечественные лексикографы XVIII–XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 2000. – С. 118, 85.

варем будут снабжены все полковые библиотеки и все военно-учебные заведения в Японии»[1], о чем сообщали русские газеты за 1909 г.

Высокую оценку «Толковому словарю живого великорусского языка» дали все следующие за Далем поколения русских языковедов: И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, В.И. Чернышев, А.М. Бабкин, Р.А. Будагов и др. Все они говорили и о недостатках словаря, которые были замечены еще первыми рецензентами, однако выдающиеся лексикографические достоинства этого труда и энтузиазм составителя, по их мнению, искупают всё. К примеру, И.А. Бодуэн де Куртенэ, выступивший в качестве редактора 3-го и 4-го изданий словаря и подвергший научные взгляды своего предшественника критике, а его труд существенной переработке (он добавил в словарь около 20 тысяч новых слов, уточнил толкования ряда слов, изменил порядок расположения слов, который из алфавитно-гнездового стал алфавитным, и др.), в то же время не скрывал своего восхищения перед гражданским и лексикографическим подвигом Даля и его монументальным трудом как «единственным в своем роде памятником энергии и умственной производительности одного лица»[2]. «Составителя «Толкового словаря», – считает Бодуэн де Куртенэ, – можно упрекать в разных погрешностях: в недостаточной научности, в дилетанстве, в нецелесообразном упорядочении материала, в необоснованных этимологических сопоставлениях, в крайнем, почти до смешного доходящем языковом пуризме, но нельзя не преклоняться перед усидчивостью и добросовестностью в упорядочении материала, перед творческим проникновением в сущность языка. Даль был не ученый, не аналитик, а созерцатель, художник»[3].

Объективную оценку словарю Даля дал В.В. Виноградов. Отмечая не только сильные, но слабые стороны толкового словаря (отсутствие стилистических помет, отрицательное отношение к старой литературной традиции и заимствованным словам, что не могло не отразиться на подборе лексического материала и в приемах объяснения слов, неверное распределение слов по гнездам и др.), Виноградов преклонялся перед патриотическим подвигом Даля, создавшего словарь,

---

[1] Столичная молва: политическая и литературная газета. – 26(13) июля 1909 г. – [Электронный ресурс]. – URL: http://starosti.ru/article.php?id=20117 (дата обращения: 29.11.2021 г.).

[2] Бодуэн де Куртенэ И.А. Предисловие к 1-му выпуску // Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. Т. 1: А-З. – М.: Прогресс: Изд. фирма «Универс», 1994. – С. IV.

[3] Цит. по: Отечественные лексикографы XVIII–XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. – С. 114.

имеющий непреходящее значение. Исследователь писал: «Даль выполнил всю работу по составлению толкового словаря сам, один. Словарь Даля – это в буквальном смысле *Далев словарь* (курсив автора. – Е.П.) <...> В нем, действительно, все было – Далево: и принцип составления, и приемы размещения слов, и огромная собирательная работа. Это – беспримерный в истории русской лексикографии плод героического труда великого этнографа. <...> Словарь Даля – это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в., широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию "всех ремесловых работ", отражающая "по языку и понятиям быт разных сословий и состояний, наук и знаний". В словаре Даля содержится огромный этнографический материал, относящийся к разным сторонам хозяйственной и духовной, культурной жизни русского горожанина из демократических слоев, крестьянина и ремесленника.

Словарь Даля – это патриотический подвиг подлинного народолюбца. Значение "Толкового словаря" Даля – непреходяще. Этот словарь должен быть настольной книгой всякого человека, изучающего и любящего русский народный язык»[1].

В XX в. лексикография стала одним из ведущих направлений в отечественном языкознании. Показательно, что именно словари как результат работы лексикографов олицетворяют собой ценность науки о языке для внешнего пользователя. Можно безошибочно сказать, что составители всех типов лингвистических словарей русского языка в процессе своего нелегкого труда неоднократно обращались к словарю Даля. Он продолжает оставаться настольной книгой каждого образованного человека, несмотря на то, что существует большое количество более современных и совершенных словарей. Мимо словаря Даля не прошел ни один филолог, ни один писатель, начиная со 2-й половины XIX в.

«Из всех словарей русского языка толковый словарь В.И. Даля занимает особое место в нашей филологии и культуре, – пишет А.Г. Балакай, автор словаря «Русского речевого этикета». – Масштабные достижения современной лексикографии не только не затмили, но, напротив, сделали очевидными и общепризнанными многочисленные достоинства Словаря. Более того, успехи теории и практики общей и русской лексикографии XX в. стали возможными во многом благодаря Далю. Особенно хорош Словарь Даля в окружении современных могучих академических и других многообразных словарей русского язы-

[1] Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 224-229.

ка. Так почтенный старец обретает особое величие в окружении достойных сыновей, внуков и правнуков»[1].

Знаменитое детище Даля выдержало более 50-ти изданий и продолжает свою жизнь в XXI в., особенно много изданий было после 1994 г., причем это были не только традиционные репринтные издания, осуществленные со 2-го издания словаря (1800–1882), и словаря Даля под редакцией И.А. Бодуэн де Куртенэ, но и совмещенные издания словаря Даля и словаря под редакцией И.А. Бодуэн де Куртенэ, сокращенные издания в современной орфографии, иллюстрированные издания и т.д. Такое долголетие свидетельствует о выдающихся лексикографических достоинствах словаря. Суть подобного феномена раскрыл Р.А. Будагов. Считая, что «хороший словарь – это своеобразное творчество, весьма существенное не только в филологическом, но и в широком общественном плане»[2], он отводил значительное место толковым словарям в национальной культуре народов. «Сама концепция словаря, – писал исследователь, – находится в прямой зависимости от концепции языка, от того, как понимает лексикограф природу языка и его важнейшие функции»[3]. «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля Будагов поставил в один ряд со словарем немецкого языка братьев Гримм и словарем французского языка Э. Литтре, так как «имена названных авторов продолжают оставаться не только символами словарей вообще, но и символами культуры данного народа. Трудно переоценить большое значение словаря Даля для русской культуры»[4].

Как отметил А.Г. Балакай, «если в числе самых больших ценностей мы принесли с собою в XXI век словарь Даля, уже одно это вселяет надежду на благоприятное будущее»[5]. Иными словами, главный труд Даля может рассматриваться как одна из основ благоприятного будущего как нашего народа и всей страны, так и русского языка.

Несколько лет назад лингвисты обратили внимание еще на одну особенность словаря Даля, которая отличает это творение от других словарей. Этот прием, в котором Даль остается единственным, непревзойденным мастером, состоит в наличии в его словаре авторских отступлений. «…Подобно тому, как в “Евгении Онегине” или в “Мерт-

---

[1] Балакай А.Г. Уроки Словаря: Заметки современного читателя о словаре В.И. Даля // Русская словесность. – 2004. – №5. – С. 74.

[2] Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 4.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 92.

[5] Балакай А.Г. Уроки Словаря: Заметки современного читателя о словаре В.И. Даля. – С. 75.

вых душах" присутствует лирический герой, который врывается в повествование своими рассуждениями, шутками н репликами, так и в Словаре Даля лирический герой-автор оценивает весь этнографический, социологический, нравственный, лингвистический материал своим собственным судом, одобряя или порицая его»[1].

К числу авторских отступлений (они выделены в словаре особым шрифтом, являясь дополнениями в словарной статье) относятся:

1) введенные в иллюстративный материал шутки по поводу комических ситуаций. Например, в статье, посвященной глаголу «писать», в качестве примера приведена целая сценка, высмеивающая чиновничий бюрократизм: «*Это мы пишем, или к нам пишут?* спрашивал начальник каждый раз секретаря своего, прочитав бумагу от начала до конца внимательно вслух»[2]. В статье «пеший» есть следующий пример к слову *пехота* («пешее хожденье»), сопровождающийся шутливым комментарием: «*Не хотела ехать – иди пехотой!* сказал жид, оглядываясь из оглобель на клячу свою, привязанную позадь повозки, когда она пристала, и он сам должен был тащить свой воз»[3]. Даль не упускал случая посмеяться над неправильным употреблением «чужесловов», о чем свидетельствует пример, помещенный в статью «палундра»: «**ПАЛУ́НДРА***,* морс. окрик вроде: прочь, стерегись, ожгу, убью! остереженье от падающей вещи. <…> *Палундра, сам лечу!* – закричал матрос, падавший с марсу»[4].

2) замечания, представляющие собой оценки, рекомендации или прогнозы автора о жизнестойкости или ценности того или иного слова. Например: «**ПАЛЬТО́ ср**. нескл. фрн. весьма неудобное для нас названье верхнего платья, мужского и женского, вроде широкого сертука; чапан»[5]; «**ПАРФЮМЕ́Р** м. фрн. (одно из непроизносимых для нас слов) косметик, делатель духов, помад; торговец ими; душмяник»[6]. В конце статьи, посвященной слову «позва́нивать» после слов *позвонок*, *позвоночные*, *позвоночник* Даль замечает: «Четырем главным отделам животного царства прилично бы дать названья: *костяки́, мякиши́, кожура́ны* и *жи́воросли* (позвоночные, мягкотелые, суставчатые, живот-

[1] Попова Н.В. Авторские отступления в Словаре В.И. Даля // Русская речь. – 1986. – №6. – С. 81.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 113.
[3] Там же. – С. 551.
[4] Там же. – С. 13.
[5] Там же.
[6] Там же. – С. 20.

норастения)»[1]. В статье, посвященной слову «тетрадь», Даль пишет: «Непроизносимое по-русски слово *брошюра* можно бы заменить словом *тетрадь*»[2].

3) в рамки пословиц, поговорок, приводимых обычно в словаре в качестве иллюстративного материала, не укладываются многие шутливые фразы, остроумные диалоги, представляющие собой уникальный лексикографический опыт: «*Пальцы торчат, работать мешают*»[3] (статья «Палец»); «*Болен: на зубах мозоли, и волоса распухли*, шуточно»[4] (статья «Распухать»).

Среди сотен тысяч примеров Даль поместил и те, которые касались трудностей составления словаря в одиночку: «*Объем словаря велик, одному не под силу*»[5] (пример на слово *объем*, помещенный в статье «обнимать»); «*У Грима было много сообщников в составлении словаря*»[6] (пример на слово *сообщник*, помещенный в статье «сообщать»); «*Больше листа в день этого словаря не справишь, глаз не станет. Как ни справляй, а в печатне новых ошибок наделают*»[7] (пример на слово *справить*, помещенный в статье «справливать»); «*Разве помру, а то кончу словарь свой*»[8] (пример на слово *разве*, помещенный в одноименной статье). Как благодарность потомков подвигу Даля можно рассматривать следующий пример, помещенный в словарной статье на слово *сотрудник* в четвертом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «*Даль составил свой словарь один, без сотрудников*»[9].

Таким образом, анализ авторских отступлений в словаре Даля открывает путь к изучению мировоззренческих идеалов автора, его языковой личности. Как заметил А.Г. Балакай, «словарь Даля уникален тем, что это авторский словарь, живописный портрет великорусского языка, выполненный русским мастером, глубоко знающим и любящим

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 230.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 404.

[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – С. 11.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 73.

[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 607.

[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 271.

[7] Там же. – С. 298.

[8] Там же. – С. 21.

[9] Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – Стб. 408.

свой народ и родной язык. И как талантливо написанный портрет может много рассказать не только о том, с кого он написан, но и о самом живописце, так и Словарь может рассказать внимательному читателю о В.И. Дале больше, чем все его биографы и исследователи. Языковая личность Даля стала феноменальной частью содержания словаря, представляющей самостоятельную научную, историческую и культурную ценность»[1].

Лингвистические исследования в научной деятельности Даля тесно соприкасались с фольклорными разысканиями, особенно со сбором и изучением пословиц. По мнению ученых, на «Толковом словаре живого великорусского языка» и сборнике «Пословицы русского народа» «лежит печать единого замысла»[2]. В своем словаре Даль сделал пословицы важным компонентом в объяснении значений слов. «Являя в “Толковом словаре” пример словоупотребления, – отмечает В. Аникин, – пословицы одновременно характеризуют строй народных мыслей и суждений о мире и жизни. Без пословиц было бы затруднительно дать самое толкование слов, тонких оттенков их смысла. Пословицы стали органической частью “Толкового словаря”, а самая мысль внести их в словарь – не просто счастливая идея Даля, а следствие всех мыслей его о языке народа. Это выношенное убеждение»[3].

Пословицы, представленные в словаре в качестве основного иллюстративного материала, приводили в восторг И.А. Бодуэна де Куртенэ, который писал в предисловии к редактируемому им 3-му изданию «Толкового словаря живого великорусского языка»: «Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц! Когда при чтении утомительной корректуры мне приходилось перечитывать набранные курсивом примеры, чувство скуки и недовольства сменялось наслаждением, – и я отдыхал и освежался. Настолько же сильнее должны быть эти приятные чувства у каждого читателя, пользующегося уже готовым словарем, без мучительной обязанности отыскивать ошибки и следить за точностью напечатанного!»[4].

Лингвисты считают, что хорошо подобранный иллюстративный материал является достоинством любого толкового словаря (по словам Л.В. Щербы, «всякий большой словарь ценится по цитатам»). Следовательно, в Далевом словаре пословицы, поговорки, меткие изречения,

---

[1] Балакай А.Г. Уроки Словаря: Заметки современного читателя о словаре В.И. Даля. – С. 74.

[2] Аникин В. Владимир Иванович Даль и его сборник пословиц // Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 430.

[3] Там же. – С. 434.

[4] Бодуэн де Куртенэ И.А. Предисловие к 1-му выпуску. – С. XI.

которые запечатлели жизнь целой нации в мельчайших деталях и проявлениях, составляют одну из главных ценностей.

Все собранные пословицы Даль переписывал в двух экземплярах: один он вклеивал в алфавитную тетрадь по ключевому слову – это были примеры для толкового словаря, другой – подклеивал в одну из 180-ти тетрадей по разделам – это было собрание пословиц. Сборник «Пословицы русского народа» с момента своего появления в 1862 г. пользовался непреходящим успехом у читателей, среди которых были многие русские писатели, а также все те, кто кого интересовала история русского народа, его быт, культура, язык. Так, Л.Н. Толстой в письме к Н.Н. Страхову от 22-23 сентября 1877 г. просит прислать ему «книги пословиц Снегирева и Даля»[1]. Когда Страхов исполнил эту просьбу Толстого, прислав ему «Пословицы русского народа» (М., 1862), Толстой в письме от 19 октября 1877 г. выразил свою благодарность следующими словами: «Очень благодарен Вам, дорогой Николай Николаевич, за книги, в особенности за пословицы. Я наслаждаюсь ими»[2]. «Пословицы, собранные Далем, помогали писателю работать над образом Платона Каратаева. В текст романа “Война и мир” он включил 9 пословиц (а приготовил 70)»[3]. Среди произведений Л.Н. Толстого есть народный «Календарь с пословицами на 1887 г.»[4] (был напечатан отдельной книгой в издательстве «Посредник» в 1887 г.), при подготовке которого автор использовал сборник Даля «Пословицы русского народа». Интерес к пословицам сохранился у писателя до конца жизни.

Н.Н. Страхов в письме к Л.Н. Толстому от 17 октября 1877 г. назвал сборник пословиц Даля одной «из самых любимых русскими читателями книг» (это письмо было написано в ответ на просьбу Толстого прислать ему сборники пословиц): «*Пословицы* (курсив автора. – Е.П.) оказываются делом не легким. Даль продается по 15 р., так как все издание разошлось. Оказывается, что это одни из самых любимых русскими читателями книг <…>»[5]. Современные исследователи характеризуют «Пословицы русского народа» как «один из классических

[1] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 62. Письма 1873–1879. – М.: ГИХЛ, 1953. – С. 343.
[2] Там же. – С. 345.
[3] Отечественные лексикографы XVIII–XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. – С. 115.
[4] Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 40. Произведения 1886, 1903–1909. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 8-66.
[5] Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки. Том I; Сост. Громова Л.Д., Никифорова Т.Г.; ред. Донсков А.А. – М.; Оттава, 2003. – [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1878_01_perepiska.shtml (дата обращения 23.02.2022 г.).

трудов по изучению России»[1], русского национального характера и ментальности русских людей[2].

Но Даль в своем сборнике пословиц не только собрал и систематизировал огромный по объему материал (по количеству пословиц и поговорок – более 30-ти тысяч – труд Даля так никто и не превзошел), но и во вступительной статье «Напутное» сделал первоначальные теоретические обобщения, на которые опирались новые поколения лингвистов и фольклористов. По мнению ученых, сборник «Пословицы русского народа» со вступительной статьей является крупным событием в теоретическом плане, в частности, во многих академических и учебных трудах определение жанра пословиц и поговорок исходит из того, что говорил о них Даль. Например, «пословица для Даля всегда заключает в себе “обиняк”, поучение, мысль, высказанную не прямо, а иносказательно. Она подобна “притче”. Как всякая притча, пословица, по Далю, состоит из “двух частей”: общего суждения и “приложения, толкования, поучения”. Это верно: в понятиях и современной науки пословица признана изречением с прямым и переносным смыслом. “Толкование” (вторая часть пословичного суждения) может быть опущено – по словам Даля, “предоставляется сметливости слушателя”. “Толкование” всегда присутствует и в мысли употребившего его. Говорится (воспользуемся примером Даля): “Всякая рыба хороша, коли на уду пошла”, а настоящий смысл изречения выходит за пределы конкретного суждения об ужении рыбы. Пословица толкуется как высказывание об удаче и везении, при котором радостное ее переживание уже не делает разбора в приобретениях. Возможны и другие толкования. Среди писавших о пословицах Даль своим объяснением точнее других определил наиболее важное свойство собственно пословиц и тем самым отделил их от других сходных видов афоризмов»[3].

В современной науке о языке уже существует самостоятельная дисциплина, занимающаяся изучением пословиц и поговорок, – паремиология, что говорит о значительных успехах, достигнутых в этой области. Однако сборник Даля «Пословицы русского народа» попрежнему остается национально- и профессионально-прецедентным текстом как для специалистов, так и для широких кругов читателей. Не

---

[1] Асанов Л. Послесловие // Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 3. – М.: Русская книга, 1993. – С. 714.

[2] Листрова-Правда Ю.Т. Национально-культурное своеобразие семантики русских пословиц, оформленных как сложноподчиненные предложения (на материале пословиц, собранных В. Далем) // Сборник статей по языкознанию. К 70-летию проф. В.В. Щеулина. Ч. 1. – Липецк: ЛГПИ, 1997. – С. 56.

[3] Аникин В. Владимир Иванович Даль и его сборник пословиц. – С. 438.

случайно, начиная с 90-х годов XX в., этот сборник многократно переиздавался.

Хотя по праву Даль-лексикограф заслонил собой Даля-писателя, медика, военного, государственного деятеля, собирателя произведений русской народной словесности и искусства, ученого-естественника (в 1838 г. Даль был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению естественных наук), все же формула «Даль есть словарь» является неполной. Более того, успешной работе над словарем во многом способствовали разнообразные занятия Даля: военно-морская и государственная служба, благодаря которой он побывал во многих местах России, где общался с различными представителями русского народа, писательская карьера (дореволюционное собрание сочинений Даля, изданное в Санкт-Петербурге в 1897–1898 гг. Товариществом М.О. Вольф, насчитывало 10 томов) и многое другое. Как отмечал В.И. Чернышев в связи с 75-летием с момента смерти Даля, «совмещение в одном лице знатока народной словесности, выдающегося этнографа, известного писателя-беллетриста, медика, ученого-естественника, диалектолога, лексикографа и лексиколога, наконец, лица, работавшего на разных поприщах государственной службы, военно-морской и гражданской, большею частью имеющего близкое отношение к народным массам в разных местах <…> России, такое совмещение было явлением совершенно исключительным и как нельзя более благоприятным для успешного выполнения главнейшего труда его жизни, монументального памятника – Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля»[1].

Литературный талант Даля-писателя, вступившего в литературу под псевдонимом Казак Луганский, признавали такие авторитетные писатели и критики, как А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, В.К. Кюхельбекер, П.И. Мельников (Андрей Печерский), М. Горький и др. В историю русской литературы Даль вошел как один из самых ярких представителей натуральной школы. Возникнув под влиянием Пушкина, Лермонтова, Гоголя, это литературное направление стало важным рубежом в истории развития русской литературы второй половины XIX в., новой ступенью гуманизма и художественных стремлений. Включение в литературу тематики, связанной с жизнью простого человека, явилось основополагающим принципом эстетики натуральной школы. Ее главный теоретик В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1845 году» писал: «Если бы нас спроси-

[1] Чернышев В.И. Владимир Иванович Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа // Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. – М.: Просвещение, 1970. – С. 402-403.

ли, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, – мы отвечали бы: в том именно <…> что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой “толпе”, исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальною, русскою, оригинальною; это значило сделать ее выражением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом»[1].

Во «Вступлении» к альманаху «Физиология Петербурга», которое приобрело значение манифеста нового литературного направления, Белинский отмечает большое значение беллетристики (т.е. «легкой литературы») для удовлетворения духовных запросов читающей публики. Беллетристику создают «таланты», которые так же необходимы для полного дыхания национальной литературы, как и «гении», подобные Пушкину, Лермонтову, Гоголю. «Литература, в обширном значении этого слова, – считает критик, – представляет собою целый живой мир, исполненный разнообразия и оттенков–, подобно природе, произведения которой делятся на роды и виды, классы и отделы и от громадных размеров слона доходят до миниатюрных размеров колибри. Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата литература, в которой все – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы»[2].

Многого ожидал Белинский от Даля, которого называл «первым беллетристом натуральной школы» и «после Гоголя первым талантом в русской литературе»[3]. А талант Тургенева как автора «Записок охотника», по мнению критика, имел много общего с талантом Даля. Это очень высокая оценка, особенно если учесть, что натуральной школой были связаны Тургенев, Гончаров, Островский, Некрасов, Герцен.

Лучшие произведения Даля («Денщик», «Петербургский дворник», «Уральский казак», «Бедовик», «Павел Алексеевич Игривый», «Колбасники и бородачи») позволили Белинскому сказать, что «В.И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим* (курсив автора. – Е.П.). Повесть с завязкою и развязкою – не в таланте В.И. Луганского <…> В

[1] Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9. Статьи и рецензии. 1845–1846. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 388.

[2] Белинский В.Г. Вступление // Физиология Петербурга. – М.: Наука, 1991. – С. 9.

[3] Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году. – С. 399.

физиологических же очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении слова, т.е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле – воспроизведения действительности во всей ее истине. “Колбасники и бородачи”, “Дворник” и “Денщик” – образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В.И. Луганский»[1]. Белинский потом еще не раз подчеркивал мастерство Даля в создании физиологического очерка – основного жанра натуральной школы.

Художественному творчеству Даля критик посвятил отдельную рецензию на «Повести, сказки и рассказы казака Луганского». Четыре части. СПб. 1846 г.». Все произведения писателя Белинский разделил на три разряда: *русские народные сказки*, *повести и рассказы* и, наконец, *физиологические очерки*. Придерживаясь мнения, что народная поэзия – создание младенческого периода в жизни народа и что литература должна идти от фольклора к более совершенным, высшим формам, Белинский считал, что сказки А.С. Пушкина, П.П. Ершова, В.И. Даля – это отклонение от указанного пути. Но тем не менее критик признавал, что Даль «так глубоко проник в склад ума русского человека, до того овладел его языком, что сказки его – настоящие русские народные сказки…»[2]. Однако в дальнейшем писать сказки он не рекомендует даже Далю.

Более удачными представляются Белинскому повести и рассказы Казака Луганского, в которых автор является «человеком бывалым», так как он бывал во многих местах: «участвовал в польской кампании и в хивинской экспедиции, он был в Молдавии, в Валахии, в Бессарабии; Новороссия с Крымом знакомы ему как нельзя больше, а Малороссия – словно родина его… Он знает, чем промышляет мужик Владимирской, Ярославской, Тверской губернии, куда он ходит на промысел и сколько зарабатывает…»[3]. Из этого критик делает вывод, что «г-н Даль – это живая статистика живого русского народонаселения…»[4]. (Последнюю характеристику потом повторит Н.В. Гоголь.) Вершины же своего творчества Даль, по мнению Белинского, достиг в физиологических очерках, где «он является уже не просто бывалым, умным, наблюдательным человеком и даровитым литератором, но еще худож-

[1] Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году. – С. 399.
[2] Белинский В.Г. Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Четыре части. СПб. 1846 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 81-82.
[3] Там же. – С. 82.
[4] Там же.

ником»[1]. Физиологические очерки «Денщик», «Петербургский дворник», «Колбасники и бородачи» критик называет «перлами современной русской литературы»[2] и рекомендует писателю обратить «свой богатый и сильный талант преимущественно на этот род сочинений, не теряя более времени на сказки, повести и рассказы…»[3].

Главной чертой таланта Даля критик считает любовь к русскому человеку, и это чувство у писателя не отвлеченная мысль, а любовь деятельная, практическая. «…Он не только любит ее (Русь. – Е.П.), но и знает. К особенности его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемом *крестьянином* и *мужиком* (курсив автора. – Е.П.). И – боже мой! – как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком. Он знает его добрые и его дурные свойства, знает горе и радость его жизни, знает болезни и лекарства его быта…»[4].

Даль-художник в своих произведениях (сказках, повестях, рассказах, очерках) описывал все края России, быт и нравы простого народа, в точности копировал его язык. Но ожидаемого Белинским могучего взлета фантазии и овладения законами обобщающего искусства в творчестве Даля так и не последовало, что, однако, совпадало с коренными эстетическими требованиями натуральной школы, поставившей во главу угла «натуральное», т.е. безыскусственное, строго правдивое изображение действительности, выраженное соединением понятий «художественное произведение» и «статистика». Не случайно Даль и для современных литературоведов продолжает оставаться классическим примером писателя-натуралиста[5].

Следует отметить, что сказки Даля, подвергшиеся резкой критике В.Г. Белинского, вызывали восхищение других деятелей русской культуры, например, писателя П.И. Мельникова (Андрея Печерского), автора дилогии «В лесах» и «На горах», которого с Далем связывала многолетняя личная и творческая дружба и на творчество которого Даль оказал сильное влияние (псевдоним «Печерский» был предложен П.И. Мельникову Далем). Сразу же после смерти Даля в 22 сентября (4 октября по новому

---

[1] Белинский В.Г. Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Четыре части. СПб. 1846 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 82.

[2] Там же. – С. 83.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 80.

[5] См.: Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1982. – С. 77.

стилю) 1872 г. он написал критико-биографический очерк, посвященный старшему товарищу, – «Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале», который был опубликован в 1873 г. в журнале «Русский вестник»[1]. По поводу первых сказок Даля, изданных в 1833 г. под псевдонимом Казак Луганский, автор «Воспоминаний» написал следующее: «Они (сказки. – Е.П.) встречены были с восторгом всеми лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского он написал лучшую свою сказку *О рыбаке и золотой рыбке* (курсив автора. – Е.П.) и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи с надписью: "Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин"»[2].

Сочинения Даля привлекли внимание И.С. Тургенева. В 1847 г. он писал, что Даль занял одно из почетнейших мест в русской литературе и «находится теперь в самом расцвете своего таланта»[3]. В рецензии на повести, сказки и рассказы Казака Луганского, изданные в 1846 г., Тургенев называет их автора народным писателем, но не в том смысле, в каком слово «народный» можно было бы употребить по отношению к Пушкину и Гоголя, а в значении исключительном, ограниченном. Слово «народный» передает «сочувствие к народу, родственное к нему расположение», для чего «нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем»[4]. Уже «первые опыты сильного таланта» привлекли внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов. «Произведения Г. Даля, переведенные, едва ли могли бы понравиться иностранцам: в них уже чересчур пахнет русским духом, они слишком исключительно народны; но мы любуемся ими, не потому только, что вот, мол, как верно списано это лицо, – а потому, что русскому всё русское любо, как бы оно ни было подчас смешно»[5]. Автор любит русского человека, которого делает героем своих произведений,

---

[1] Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. – 1873. – №3. – С. 275-340.

[2] Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клеймёнова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 24.

[3] Тургенев И.С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849. – М.: Наука, 1978. – С. 278.

[4] Там же.

[5] Там же. – С. 279.

«любит дворника с его съедомым утиральном и с грязной щеткой, на которую он в раздумье опирает свою бороду»[1].

Тургенев, как и Белинский, отмечает, что повести удаются Далю менее, чем физиологические очерки («физиологии, как называет их Тургенев»). В повестях надо уметь «связать и распутать узел, представить игру страстей, развить последовательно целый характер»[2], и тут Казак Луганский не из первых мастеров. Но вы не можете, пишет Тургенев, не прийти в упоение от его «физиологий», где «автор пишет с натуры, ставит перед вами или брюхача-купца, или русского мужичка на завалинке, дворника, денщика, помещика-угостителя, чиновника средней руки»[3].

Особо выделяет Тургенев очерки «Петербургский дворник», «Денщик», «Русский мужик», повесть «Колбасники и бородачи». Интерес Тургенева к произведениям Даля был вызван тем, что в момент написания рецензии он сам работал над «Хорем и Калинычем» – первым очерком из «Записок охотника», главным героем которых стал русский крестьянин. Поэтому проблема народности литературы была истолкована Тургеневым с точки зрения тех задач, которые он ставил и перед собой как автором очерков из крестьянской жизни. А в целом общая оценка таланта Даля в рецензии Тургенева близка к выводам Белинского.

Даль-беллетрист получил признание со стороны Н.В. Гоголя – «отца» натуральной школы, который, как и другие критики, отмечал мастерство Казака Луганского в создании физиологических очерков, ставших «живой и верной статистикой России»[4]. Гоголь вместе с письмом от 4 декабря 1846 г. послал редактору журнала «Современник» П.А. Плетневу (последнему А.С. Пушкин посвятил первое издание «Евгения Онегина») статью «О “Современнике”», советуя произведениями, каких современных писателей можно было бы украсить журнал: «Непосредственно за ним (графом В.А. Соллогубом. – Е.П.) следует назвать другого писателя, который скрыл свое имя под выдуманным: козак Луганский. Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремленья производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с ее дельной стороны. Ум твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают

[1] Тургенев И.С. Повести, сказки и рассказы Казака Луганского // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски, 1834–1849. – М.: Наука, 1978. – С. 278.
[2] Там же. – С. 279.
[3] Там же.
[4] Гоголь Н.В. О «Современнике» (Письмо к П.А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. – М.: Правда, 1984. – С. 418.

живостью его слово. Все у него правда и взять так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле <…>, чтобы вышла сама собой наизанимательнейшая повесть. По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразью моих собственных требований: каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанью русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен всем нам в нынешнее время. *Его сочинения – живая и верная статистика России* (курсив наш. – Е.П.). Все, что ни достанет он из своей многовмещающей памяти и что ни расскажет достоверным языком своим, будет драгоценным подарком для твоего альманаха»[1].

В «Авторской исповеди» (1847), давая объяснение, почему он бросил перо и уничтожил второй том «Мертвых душ», Гоголь указывает на главное качество писателя, которое он видит у Даля и не находит у себя, – на пламенную любовь к России. Именно это свойство, по мнению Гоголя, позволяет художнику объективно изображать действительность, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском человеке: «Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили свое воспитанье и создались как граждане земли своей, а из писателей только такие, которые любя Россию так же пламенно, как тот, который дал себе названье Луганского козака, умеет по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском и руководствуясь единственно желаньем ввести всех в действительное положение русского человека»[2].

Перу Даля принадлежат сборники «Солдатские досуги», «Матросские досуги», статьи для предназначенного специально для крестьян журнала «Сельское чтение», получившие высокую оценку П.И. Мельникова (Андрея Печерского): «Возник в тридцатых годах вопрос о том, что читать грамотному русскому человеку низших слоев общества. Даль написал *Солдатские досуги* (пятьдесят два рассказа и несколько загадок). <…> Вскоре после того как было учреждено Министерство Государственных Имуществ, просвещенный министр, хотя и с образованием на французский лад, граф П.Д. Киселёв сознавал, что мало того, чтобы выучить крестьянина грамоте, надо дать ему полезное и сообразное с его поняти-

[1] Гоголь Н.В. О «Современнике» (Письмо к П.А. Плетневу) // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. – М.: Правда, 1984. – С. 417-418.

[2] Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. – М.: Правда, 1984. – С. 457.

ями чтение. Он поручил служившим при нем князю В.Ф. Одоевскому и А.П. Заболоцкому-Десятовскому составить *Сельское чтение*. Статьи Даля: *Не положив, не ищи, Что знаешь, о том не спрашивай*, притчи: *О дятле, О дубовой бочке, Ось и чека* и пр. были лучшими украшениями *Сельского чтения*. Впоследствии, уже в пятидесятых годах, когда Владимир Иванович Даль находился на полупокое в Нижнем Новгороде, Великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич обратился к Далю с приглашением написать книжку для чтения матросов. Бывший мичман Черноморского флота в 1851 году написал *Матросские досуги*, состоящие из ста одиннадцати статей. И доселе нет в нашей литературе ничего лучше, ничего пригоднее для народного чтения, как *Солдатские* и *Матросские досуги* и статьи *Сельского чтения*, написанные первейшим знатоком русского простонародного быта, Казаком Луганским»[1].

Даль является автором забытых сегодня духовных сочинений: в конце жизни он написал «Бытописание» для народного чтения. «*Бытописание* – это Моисеево Пятикнижие, изложенное применительно к понятиям русского простонародья. Труд замечательный по своей ясности, простоте и доступности пониманию малосведущих людей. Особенно замечательны в нем нравственные толкования разных мест Св. Писания, примененные к быту и обычаям нашей сельщины-деревенщины. Некоторые из них отличаются не только чрезвычайною ясностью, но и такими применениями к жизни, которые ускользали от внимания современных церковных учителей»[2].

Таким образом, мы видим, что все, кто так или иначе касался анализа сочинений В.И. Даля, относили к главной черте его таланта, проявившейся во всем, что выходило из-под его пера («Толковом словаре живого великорусского языка», сборнике «Пословицы русского народа», художественных и духовных произведениях, статьях, учебниках по ботанике и зоологии, а также многом другом), пламенную любовь к Отечеству, русскому человеку, русскому слову. Эта любовь подвигла его на свершение необозримо больших дел, заслуживших ему славу и благодарность поколений живших, живущих и тех, кто будет жить после нас. «Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык!»[3] – говорил Даль.

П.М. Третьяков, заказавший художнику В.Г. Перову портрет Даля, хранящийся в Третьяковской галерее, сказал, что Даля не забудет ни один русский. В год 220-летия со дня рождения Даля мы можем подтвердить:

---

[1] Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале. – С. 30-31.

[2] Там же. – С. 54.

[3] Цит. по: Отечественные лексикографы XVIII–XX века / Под ред. Г.А. Богатовой. – С. 120.

это слова полностью сбылись. И до тех пор, пока русские живы как нация, мы будем помнить, что сделал для всех, кто думает по-русски (а именно так Даль определял свою национальную принадлежность[1]), человек, в жилах которого текла датская, французская и немецкая кровь и который только незадолго о смерти перешел из лютеранства в православие, но своему образу мыслей, по вкладу в русскую культуру был русским православным человеком, великим россиянином. Как пророчески сказал о Дале наш земляк П.И. Бартенев, заканчивая этими словами некролог о нем, «память великого подвижника Русского слова и Русской мысли с благодарностью перейдет к отдаленнейшему потомству»[2].

E.A. Popova

Scientists and Writers about the Works by V.I. Dahl

Summary. *The article discusses the assessment given to the personality of V.I. Dahl and to his works by scientists, writers and critics of the 19th–20th centuries, such as Ya.K. Grot, I.I. Sreznevsky, I.A. Baudouin de Courtenay, V.V. Vinogradov, R.A. Budagov, V.I. Chernyshev, L.N. Tolstoy, V.G. Belinsky, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, P.I. Melnikov (Andrei Pechersky) and so on. Everyone who touched upon the analysis of Dahl's writings referred to the main feature of his talent, which manifested itself in everything that came out from under his pen ("Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language", collection "Proverbs of the Russian people", artistic and other works), fiery love for the Fatherland, the Russian people, and the Russian language. By this, Dahl earned himself a grateful memory in the centuries of all those who love the Russian word and the Russian people.*

Key words: *V.I. Dahl, "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language", collection "Proverbs of the Russian People", Cossack Lugansky, natural school, physiological essays, fairy tales, novels, stories, love for Russia, patriotic feat.*

---

[1] См. слова Даля, написанные им друзьям из Дерпта, когда от него требовали ответа, кем он себя считает – русским или немцем: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежности его к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа – мыслию. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» (Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале. – С. 59).

[2] Бартенев П.И. В.И. Даль. – Стб. 2031.

Е.А. Попова, П.В. Щепкина

Старые названия букв русского алфавита в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля

Аннотация. *В исследовании анализируются словарные статьи «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, посвященные старым названиям букв русского алфавита. Этот словарь содержит важные для современных носителей русского языка сведения, которые касаются букв русского алфавита, их истории, обозначаемых ими звуках, произношения в литературном языке и русских говорах, сопоставления с другими языками, пословиц и поговорок, в которых используются эти буквы.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», лингвокультура, алфавит, буква, звук.*

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля можно найти много интересных сведений о жизни русского народа в XIX столетии, его культуре, в том числе языковой. Представление о русской лингвокультуре в ее динамике можно получить, прежде всего, из статей, посвященных буквам русского алфавита. Даль как синонимы приводит в словаре слова *азбука*, *алфавит*, *абевега*, *буквица*:

«**А́ЗБУКА** ж. алфавит, абевега, стар. буквица; собрание в порядке всех письмен, букв какой-либо грамоты; *азбука славянская* собств. буквица, кириллица для отличия от глаголицы»[1].

Рассмотрим, какая информация содержится в статьях о буквах.

В них Даль обязательно указывает старое и новое название буквы, ее место в церковном и русском алфавите, дает сведения о буквенной цифири, поскольку буквы в старину использовались при счете; особенностях, связанных с функционированием этой буквы в русской лингвокультуре; приводит слова, в которых пишется эта буква. Примером может быть словарная статья, посвященная букве «Ф» (ферт):

«**Ф**, буква ферт, фе, эф, в црквн. азбуке 22-я, в русской 21-я, в црквн. счете под титлою Ф҃ знчт. 500; на юге произнос. *х* и *хв*, и наоборот: *Хведор, Хвилип*, и *фост, фат*. Сокрщн. *ф*., фунт, фут; || имя Филип; || фабрика; || фигура на чертеже»[2].

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 7.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 530.

Даль обращает внимание на то, как произносится буква «ф» русскими. По той причине, что эта буква пришла в русский алфавит из старославянского, в котором ее функция состояла в передаче на письме греческих слов, в которых употребляется эта буква, и, как правило, эти слова являются заимствованными из других языков (греческого, латинского, английского, немецкого, тюркских и др.), то в русской народной среде вместо звука [ф] произносился звук [х] или сочетание звуков [хв]. У Даля в качестве примеров приводятся имена *Хведор* и *Хвилип* вместо нормативных Федор и Филипп. По этой же причине слова, в которых буквы «ф» и соответствующего звука не было, а была буква «х» или буквосочетание «хв», могли произноситься с [ф]: *фост*, *фат* вместо *хвост*, *хват*. Не случайно свое имя как *Хвилипок*, а не *Филипок* произносит главный герой рассказа Л.Н. Толстого «Филипок»: *«Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.*

– Ну-ка, сложи свое имя. – Филипок сказал: ***хве-и-хви****, – ле-и-ли, – пеок-пок. – Все засмеялись*»[1].

Если та или иная буква имелась только в русском алфавите, а в церковном отсутствовала, автор словаря обязательно это отмечал. Например, это характерно для букв «Б», «Э»:

«**Б**, бе, буки, вторая в порядке (согласная) буква русск. азбуки, не входящая в число знаков церковного счисления»[2];

«**Э**, гласная, 31-я буква; в црквн. ее нет»[3].

В ряде статей о буквах идет сопоставление этих букв и обозначаемых ими звуков с другими языками, а также приводятся пословицы и поговорки, которые были основным иллюстративным материалом в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Например: «**Ѳ**, буква ѳита, 34-я по ряду, в церквн. 41-я; пишется без нужды в греческих словах, замест *ф*; в црквн. счете: **ѳ** девять. В гречск. произношеньи ѳ напоминает английское the, и некогда писалось у нас также в греческих словах замест *т*, нпр. *ѳеатр*, *ѳеорія*; да и поныне буква эта на запд. языках заменена th, нпр. *Ѳеодоръ*, *Ѳома*, *ѳеология* и пр. *Ѳита, ижица к розге ближится*. *У нея ротик ѳитóю*. *От ѳиты подвело животы*, о школьнч. ученьи. || *Ѳитá*, школярный грамотей, дошлый писака. || Бранн. разиня, баба. || Болотный кулик авдотька»[4].

---

[1] Толстой Л.Н. Филипок // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 10. Повести и рассказы 1872–1886. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 12.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А – З. – С. 32.

[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р – V. – С. 662.

[4] Там же. – С. 683.

Фита, так же, как и ижица, раньше была символом трудностей, связанных с овладением грамотой на Руси. Поэтому такие пословицы чаще связаны с наказанием. Пословица «От фиты подвело животы» употреблялась для характеристики длительных занятий без приема пищи, когда каша давалась как награда за выученный урок.

Даль часто обращал внимание на то, как звук или звуки, обозначаемые той или иной буквой, произносятся в разных русских говорах. Так, в статье, посвященной букве «О», он пишет об аканьи и оканьи и его разных типах: «**О**, по старине он, пятнадцатая (гласная) буква; на письме, повторяется не в пример чаще всех прочих, а в московском говоре почти не слышна в полногласности своей, скрадываясь на *а*, или даже обращаясь в полугласную. В просторечии, на север и на восток от Москвы, *о* произносится сполна, где пишется (хотя и не так остро, как в остальной Европе; наречия *новгородское* и *владимирское*); на юг и на запад акают, причем на юге (*рязанское*) произносят *о*, если на него падает ударенье, а на западе (*смоленское*) буква эта вовсе изгнана, заменяясь гласными: *а, у, ы, ё, уо*. Смоленское наречие переходит в белорусское, *ákающее*, за коим следуют *óкающие* поляки, как и к рязанскому, с юга, примыкают *óкающие* малороссы»[1].

См. также следующую статью: «**Я**, двугласная буква *ia*, в русск. азб. 33-я, в црквн. 38-я. Не может следовать за *г, к, ж, ч, ш, щ*, хотя в рязнск. говоре иногда так произносится»[2].

В статье, посвященной букве «К», Даль также пишет, как произносится звук, соответствующий этой букве, в других языках и русских говорах: «В восточн. языках два *ка*, толстое (тупое, гортанное, твердое) и тонкое (острое, мягкое), произносимое кончиком языка; наше следует за первым и произн. корнем языка, а западное (европейское) стоит между русским и тонким азиатским и произн. срединою языка. На юг от Москвы, особ. в рязанской, в народе любят тонкое, азиатское К, и говр. *тятинькя, маминькя, ванькя, кваскю* и пр.»[3].

Подобное встречаем в статье о букве «Г»: «Буква Г и в самом строгом произношении звучит двояко, тверже и мягче, отрывистее и протяжнее, подходя в первой крайности к букве *к* (*пирóг, порóг*), во второй к *х* (*Бог, легкó* <...>); а от Москвы на юг она переходит в придыхание, как немецкое *h*, которое есть и у прочих славян; хорошо бы

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 564.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 670.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 68.

принять и у нас ŕ (*г* с точкою) за такой придыхательный знак, часто необходимый»[1]. По сути, автор обращает внимание на произношение звука [г] как взрывного и фрикативного.

В статье о букве «В» Даль отмечает, что «на юге (*кур. вор.*) заменяет нередко *у*, и ею заменяется: *устал*, вм. *встал*, и наобор. *у поле, у дому*, вм. *в*; также слышится в говоре перед начальным *у*: *вутка, вум*»[2]. Такая взаимозамена «в» и «у» объясняется современными лингвистами тем, что звуки [у] и [в] близки между собой с точки зрения произношения: [у] – лабиализованный гласный звук, который произносится с участием губ; [в] – губной согласный по месту образования.

В словаре также указаны особенности произношения того или иного звука в определенных позициях. Даль, например, помещает в словарные статьи информацию об оглушении звонких согласных в конце слова и в позиции перед шумными глухими. Это статьи о буквах «Б», «В», «Г», «Д» и др. Так, в статье о букве «В» он пишет: «В конце слов и в начале, перед твердыми, произн. как *ф*: *оставь, изготовь, вперед, всадить*; почему иностранцы и пишут прозвания наши ff: Iwanoff»[3].

В статье, посвященной букве «Д», содержится аналогичная информация: «В конце слов и перед твердыми, *д* произносится как *т*: *сад, пруд, вид, дудка, будка, подпись* и пр.»[4].

Даль отмечает и другие особенности произношения тех или иных звуков, обозначаемых русскими буквами. В пример можно привести такое замечание, содержащееся в статье о букве «В». «В произн. заменяет *г*, в род. пад. прлг. *хорóшева, дóброва*»[5].

В статье о букве «Л» есть информация о твердом и мягком звуках, обозначаемых на письме этой буквой: «Произносится толсто и тонко, как бы со знаками ъ или ь: *лоб, глыба, пол, лихой, колючий, ельник*»[6].

В статье о букве «Щ» Даль указывает, что она «заменяет *сч* и *зч*, но не всегда: *скепа, щепа, образчик, обращик, счет, счастье, возчик* и *вощик*. Местами произнс. *шш*: *шшока* (прм.), *шшака* (вор.) и пр.»[7].

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 338.
[2] Там же. – С. 159.
[3] Там же.
[4] Там же. – С. 411.
[5] Там же. – С. 159.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 230.
[7] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 651.

Во всех анализируемый статьях Даль обязательно отмечает, какие слова сокращенно обозначает та или иная буква: «Сокращенно, ***в***: *великий, восток*, *воскресенье, верста, вершок, величество, высочество*»[1]; «в сокращ. Г, означает *господин, госпожа*, иногда *город*, также *генерал, губернатор*»[2]; «в сокращении, ***З*** означ. запад»[3]; «сокращенно, **К** или **К°** знач. контора, компания, торговое товарищество»[4]; ***р*** «в виде сокращенья, означает: *рубль, Реомюр (градусы по Реомюру); река*»[5] и др. Такая информация помещается в конце словарной статьи. В современном русском языке некоторые из отмеченных Далем сокращений используются до сих пор (*в – восток*, *з – запад*, *г – город*, *р – рубль, река* и т.д.), другие же исчезли, так как слова, начинающиеся с этих букв, перешли в пассивный запас, стали устаревшими (*верста, вершок, величество, высочество*).

Во времена Даля и ранее была очевидна необходимость устранения из русского алфавита некоторых букв, которые были или фонетическими дублетами других букв (***Ѣ – Е***, ***І – И***, ***Ѳ – Ф***), или писались по традиции (***ъ*** в конце слов после твердых согласных).

В статье, посвященной букве ***Ѣ***, Даль отмечает, что «смысл и значенье этой буквы до того утрачено, что правописанье через нее стало шатко, и прибегали для установленья правила то к малорусскому языку, то к особому списку слов»[6]. Даль говорит, что эта буква является недостатком русской орфографии. Под особым списком слов он, скорее всего, имеет в виду, например, такое известное стихотворение, которое начиналось словами: «Бедный, бледный, белый бес / Убежал за речку в лес. / Лешим по лесу он бегал, / Редькой с хреном пообедал / И за горький тот обед / Дал обет наделать бед». Во всех словах, где сейчас пишется буква ***Е***, раньше писалась ***Ѣ.*** Подобные тексты использовались в качестве мнемонических приемов, позволяющих запомнить слова, в которых писалась ***Ѣ***. Отсылка к малорусскому, то есть к украинскому, языку, означает, что русскому ***Ѣ*** в украинском языке соответствовала буква ***і***: рус. – *бѢлый*, укр. – *білий*. Эта особенность отмечает-

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 159.
[2] Там же. – С. 338.
[3] Там же. – С. 548.
[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 69.
[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 5.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 659.

ся Далем и в статье, посвященной букве «И»: «В нвг. говоре (как и в малорусском) часто заменяет **Ѣ**: *хлиб, сино, потить* и пр.»[1].

В статье о букве «Ъ» («ер») Даль отмечает три ее функции: первая связана с тем, что она «встарь ставилась и посреди слов, за согласною, чтобы придать ей легкий, неясный, гласный звук (*съвет*, вм. *совет* и пр.)»[2], т.е. обозначение на письме редуцированного гласного звука; вторая функция связана с тем, что эта буква пишется «ныне только перед мягкою гласною, чтобы согласная оставалась твердою, но переходила в *и* (*съежиться, съедать, съюлить* и пр.)»[3], т.е. используется как разделительный твердый знак; и затем третья функция «ер» заключается в том, что эта буква «пишется в конце слова, по твердой согласной, притупляя ее»[4], т.е. как обозначение твердости предшествующего согласного. Кроме того, Даль замечает, что «как мы постепенно выкинули еръ из средины слова, так точно оно могло быть откинуто и в конце, а оставлено только перед согласными, в середине, где оно нужно для произношенья»[5]. Это устранение «ер» в конце слов после твердых согласных произошло в результате реформы русской орфографии 1917–1918 гг., до которой Даль не дожил.

По таким комментариям в статьях мы можем узнать больше о языковой личности автора словаря.

В статье, посвященной «І», Даль также указывает, в каких случаях пишется эта буква, и выражает сомнение насчет правописания имени «Владимир»: «В письме ставится перед гласными и в слове *мір*, свет и люди. Сомнительно, чтобы правильно было писать *Владимір*, вероятнее *мир*»[6].

Проведенный нами анализ показывает, какую интересную информацию о буквах русского алфавита можно найти в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Этот словарь содержит важные для современных носителей русского языка сведения, которые касаются букв русского алфавита, их истории, обозначаемых ими звуках, произношения в литературном языке и говорах, сопоставления с другими языками, пословиц и поговорок, в которых используются эти

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 5.
[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 659.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 68.

буквы. В этих сведениях видна языковая личность автора словаря, его неравнодушное, уважительное отношение к описываемому материалу и в итоге – к русскому языку и русскому народу. Например, в статье «П» Даль пишет: «Это любимая согласная русских, особенно в начале слова (как в средине *о*), и занимает собою (предлогами) четверть всего словаря»[1]. И как будто для подтверждения сказанного весь 3-й том включает слова только на букву «П». Даль не различал понятия «буква» и «звук», что было характерно для науки о языке того времени.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» видна личность его создателя, который рассматривал свой словарь как «труд целой жизни человека»[2]. Ни один другой толковый словарь русского языка не содержит подобных сведений энциклопедического характера и сведений, в которых настолько ярко видна языковая личность их автора. В этом отношении словарь Даля уникален. Он поистине является энциклопедией русской культуры XIX в., в том числе с точки зрения сведений о русской азбуке, многие из которых не утратили своей актуальности до сих пор.

E.A. Popova, P.V. Schepkina

Old Names of the Russian Alphabet Letters in the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V.I. Dahl

Summary. *The study analyzes the entries in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl dedicated to the old names of the letters of the Russian alphabet. This dictionary contains important information for the modern native speakers of the Russian language concerning the letters of the Russian alphabet, their history, as well as the sounds they designate, their pronunciation in the literary language and Russian dialects, comparisons with other languages, proverbs and sayings in which these letters are used.*

Keywords: *V.I. Dahl, "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language", linguistic culture, alphabet, letter, sound.*

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 5.

[2] Даль В. Ответ на приговор // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. XCVI.

Ю.А. Рыжкова

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. *В статье рассматривается структура и содержание словарной статьи слова «истина» в словаре В.И. Даля, показывается, каким образом словарная статья отражает фрагмент русской языковой картины мира, фиксирует и хранит знания о языке и речи.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, слово, словарь, словарная статья, лексическое значение, русская языковая картина мира.*

Н.Ю. Шведова, отмечая особое место словарей в духовно-культурном опыте общества, отмечает: «Словарь развертывает перед своими читателями картину мира – так, как она существует в сознании носителей данного языка, причем эта картина словарем представляется в исторической перспективе… Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций. В исторической перспективе предстают изменения в общественных устройствах, в состоянии научных знаний, в становлении и развитии профессий»[1]. Значительное место в лексикографии XIX века и в русской культуре в целом занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, который, будучи актуальным и значимым и в XIX веке, и в XX–XXI веках, многократно переиздавался.

Именно Владимир Иванович Даль ввел термин «толковый» по отношению к словарю и тем самым придал этому слову новый смысл, исходя из старинного, но на тот момент не употребляемого значения, и таким образом дал начало целому направлению в русской лексикографии.

В «Напутном слове», являющимся своеобразным предисловием к словарю, лексикограф писал, что он старался «принять значение каждого слова сперва в самом обширном смысле его, объяснить потом значения частные»[2], т.е., говоря другими словами, «словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно понятие другим,

[1] Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика. Язык: система и ее функционирование. – М.: «Наука», 1988. – С. 162.

[2]Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4 тт. – Т. 1. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.– С. XXIV.

но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных»[1].

Известно, что материалы для своей работы В.И. Даль собирал с 1819 по 1872 год, то есть всю сознательную жизнь, причем он осознавал, что создание подобного словаря необходимо для обогащения литературного языка, поскольку было важно преодолеть значительный разрыв между письменной речью и живым, разговорным языком народа. Несмотря на то, что во В.И. Дале не было ни капли русской крови, (его отец, Йохан (Иоганн) Кристиан Даль родился в Дании), автор «Толкового словаря» очень гордился своей отчизной – Россией. Он говорил: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски»[2].

Будучи человеком русской культуры, думая по-русски, В.И. Даль, отразил и русский взгляд на мир, описывая наиболее важные для русского языкового сознания понятия: хлеб**,** вера, истина, закон, совесть, нравственность и др., которые, по мнению Ю.С. Степанова, являются константами русской культуры[3]. Не случайно в название словаря Даль включил словосочетание – словарь *великорусского языка* –, тем самым обратив внимание на объем материала, включенного в издание.

Рассмотрим, как представлено в Словаре В.И. Даля такое важное для русского языкового сознания слово, как *истина*.

Лексическое значение слова *истина* Даль описывает следующим образом:

«**ИСТИНА** ж. противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть <…>; ныне слову этому отвечает и *правда*, хотя вернее будет понимать под словом *правда*: *правдивость, справедливость, правосудие, правота* <…>. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, нраву и воле»[4].

---

[1] Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 27.

[2] Цит. по: Порудоминский В.И. Даль. Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 2.

[3] Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Акад. Проект, 2001.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз, 1989. – С. 60.

Описание семантики слова *истина* носит в целом энциклопедический характер, но при этом в него включены и элементы антонимического и синонимического способов толкований: «истина – противоположность ***лжи***»; «ныне слову этому отвечает и ***правда***».

Но при этом, как видно из словарного толкования, лексикограф подчеркивает, что *истина* и *правда* – это важнейшие составляющие русского языкового сознания, в том числе и религиозного, православного, причем, как известно, оппозиция *правда – истина* связана с истоками формирования русского литературного языка, с соотношением в нем старославянской и исконно русской стихий. Подчеркивая, что истина связана с духовным содержанием («истина относится к уму и разуму»), В.И. Даль в то же время отмечает: «*…истина от земли <…>, а правда с небес, дар благостыни*» что, как нам кажется, опровергает мнение, в том числе и современных исследователей: «… правда близко связана с человеческой жизнью, а истина является отвлеченной и холодной»[1].

В связи с вышесказанным представляется интересным обращение к интерпретации слов *правда – истина* Б.А. Успенским, который, ссылаясь на этимологию этих слов и их функционирование в древнерусских памятниках, делает следующий вывод: «…правда осмысляется как божественное начало, а истина – как человеческое <…>. Если истина соответствует реально переживаемой действительности, то правда соответствует высшей духовной деятельности – высшей, подлинной реальности» [2]. Очевидно, что эти выводы исследователя соотносятся с интерпретацией В.И. Даля. Об этом говорит и такое значение лексемы *истина*, приводимое в словаре и отмеченное как устаревшее: «Встарь *истина* означала также наличность, наличные деньги», – и приводимое лексикографом производное от указанной лексемы: «***истинник*** – капитал, чистоган; не мнимое, оборотное или долговое богатство, а истинное, наличность»[3].

Рассмотрение данной словарной статьи дает возможность познакомиться с теми лексемами, которые уже в словаре В.И. Даля отмечены как устаревшие и диалектные: *исто, истое* с пометой «*юж.*, *зап.*» в значении «истинник, наличное, капитал», а также с теми, которые только с позиции современного русского языка воспринимаются как устаревшие: *истость* в значении «истина, свойство или принадлеж-

[1] Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 484.
[2] Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М.: «Гнозис», 1994. – С. 191-192.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 60.

ность, качество, состояние истого», *истота* – «естество, сущность, самая суть, существо предмета», *истовина* – «вещь вполне годная взамен, на подставу, замест чего»[1].

Наличие в структуре лексического значения слова *истина* сем «верный», «точный», «подлинный», «настоящий», зафиксированных, в том числе и в современных толковых словарях[2], позволило русским диалектам создать множество прилагательных со значением «подлинный, настоящий»: *истованный, истовный*, отмеченных Далем в орловских и тульских говорах, а также *истовитый* (тамбовское), *истовенный – истовлённый* (пермское), *истоконный* (архангельское), *истокойный* (владимирское), *истовительный* (сибирское), а также существительное *истовик* в значении «истый или истовый предмет, вещь; подлинный, настоящий». В целом в словарной статье слова *истина* в соответствии с гнездовым способом построения словаря насчитывается 23 производных. (В связи с этим представляется интересным обратить внимание на данные современных словарей, в частности, на словообразовательные гнезда таких лексических единиц, как *истина* и *истовый*, представленные в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова, в котором указано соответственно 9 и 4 производных указанных слов[3].) Этот факт свидетельствует о том, что В.И. Даль стремился в своем словаре отразить «дух» русского языка, показать богатейшие возможности языка в области словообразования.

Стремясь отразить русскую речь во всем ее многообразии, лексикограф включает в словарь не только диалектную лексику, но и слова, имеющие эмоционально-экспрессивную окраску, слова с суффиксами субъективной оценки. Кстати, наличие таких слов, по свидетельству современных исследователей, отражает повышенную чувствительность, сердечность и эмоциональность русского человека. В этом смысле особенно наглядно приведенное В.И. Далем в рассматриваемой словарной статье производное наречие *истешенько* с географической пометой «архангельское» в значении «точь-в-точь» («*У меня истешенько такой плат*»[4]).

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 60.

[2] Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. А-Й. – 1981. – С. 688-689.

[3] Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – 2-е изд., стер. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 400.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – С. 60.

В иллюстративном материале данной статьи и всего словаря в целом отражаются народная этика, нравственные основы жизни народа и его веры: «*Свет плоти – солнце, свет духа – истина*», подчеркивается закрепленное в русской языковой картине мира разграничение понятий *правда – истина*, облеченное в фольклорную форму и отражающее национальный колорит: «*Истина хороша, да и правда не худа*».

В заключение подчеркнем, что сама структура словарной статьи «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, характер иллюстративного материала, способы толкования лексических значений многое дают для понимания русской ментальности, для осмысления фрагментов русской языковой картины мира и, как справедливо отметил О.В. Никитин, «словарь Даля – это Книга для чтения, которую каждый из нас обязан внести в список умных книг, воспитывающих характер, укрепляющих наш дух, помогающих нам своими ценностными ориентирами и питающих нас чистым и благодатным живым словом»[1].

Y.A. Ryzhkova

Dictionary entry of the "Explanatory Dictionary of the living Great Russian language" by V.I. Dahl as a reflection of a fragment of the Russian language picture of the world

Annotation. *The article examines the structure and content of the dictionary entry of the word "truth" in the dictionary of V.I. Dahl, shows how the dictionary entry reflects a fragment of the Russian language picture of the world and captures and stores knowledge about language and speech.*

Keywords: *V.I. Dahl, word, dictionary, dictionary entry, lexical meaning, Russian language picture of the world.*

[1] Никитин О.В. Книга для чтения. К 150-летию Словаря В.И. Даля // Русская речь. – 2016. – №6. – С. 106.

А.В. Синюков

Семантическая категория чуждости в русском языке (на примере сочинений В. Набокова и В. Даля)

Аннотация. *Статья посвящена специфике выражения семантической категории чуждости в русском языке. В работе анализируются репрезентанты концепта «свой – чужой» как средства выражения семантической категории чуждости, которые часто встречаются в произведениях В. Набокова, а также в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля.*

Ключевые слова: *В. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», В. Набоков, семантическая категория чуждости, русская языковая картина мира.*

А.Б. Пеньковский, ссылаясь на работу Ю.М. Лотмана, отмечает: «Одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – “свой” и “чужой”, противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа “мы – они”, “этот – тот”, “здесь – там”, “близкое – далекое” и многое другое. Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции “хороший – плохой”, – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит “чужому” миру»[1].

А.Б. Пеньковский, который ввел в научный обиход семантическую категорию чуждости, предположил, что существует некая семантическая категория «чуждости» («отчуждения»? или «алиенации»?), которая «должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки (“чужое – плохое”) и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев)»[2].

Под категорией понимаются «ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака (признаков), общности функций. Категория не только является результатом отражения действительности, но и выражает специфику ее понимания»[3].

---

[1] Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 13.

[2] Там же. – С. 14.

[3] Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: «Перемена», 2003. – С. 22.

В категориях могут находить свое отражение как универсальные, интернациональные особенности мировоззрения и поведения человека, так и специфичные, строго национальные, которые отражают черты менталитета отдельной нации, этноса. Семантическая категория чуждости представляет собой универсальную и одновременно национально-специфическую категорию.

С опорой на противопоставление «свой – чужой» выделяется категория чуждости, делящая универсум в понимании носителей языка на «свой» и «чужой» миры. Эта категория обладает аксиологическими характеристиками, т.е. сопрягается с категорией оценки. Концепт «свой – чужой» демонстрирует содержание семантической категории чуждости, деля окружающий мир в сознании носителя языка на две неоднородные части, присваивая этим частям положительную или отрицательную оценку. Поскольку категория чуждости в сознании человека выражается в противопоставлении «своего» «чужому», то при этом «свой» мир будет иметь положительную оценку, а «чужой» мир восприниматься негативно. К «своему» миру при этом относят неповторимые, уникальные, индивидуальные объекты и субъекты, а в «чужом» они обнаруживаются похожими друг на друга, неоригинальными. «Чужой» мир воспринимается как отклонение от нормы, причем эта «норма» является субъективной, имеющей ориентиры на эталоны «своего» мира.

Противопоставление своего и чужого, которое, безусловно, свойственно языкам всех народов мира, в русском языке все же обладает национальными особенностями, так как каждый язык избирает в качестве эталона собственные объекты. Категория чуждости при этом вносит значительный вклад в формирование особенностей русской языковой картины мира. Можно сказать, что она является фрагментом духовной культуры русского народа, будучи представленной в виде явного разделения мира на две части «свое» и «чужое», сопровождается эмоциональной и экспрессивной оценкой для каждой из этих категорий.

Данный концепт определяет все возможные противопоставления в языковом восприятии носителей русского языка, в том числе по месту пребывания «родина» – «чужбина», по национальному признаку «русский» – «немец» и др., по внутренней близости или отдаленности субъекта, качества, состояния «друг» – «враг», «встреча» – «разлука».

Концепты, которые представляют «свой» и «чужой» мир, находятся в тесной взаимосвязи между собой. Например, концепты «дом» и «друг» вместе подразумевают наличие родных, близких людей, а концепт «разлука» является отражением состояния отрыва от них. Как следствие «разлуки» концепт «тоска» указывает на чувства и состоя-

ния, возникающие при этом. А «лень» обозначает определенное состояние, которое вызвала «тоска» или «скука».

Примеры репрезентации в литературном языке концептов «свой – чужой», «дом», «друг», «тоска», «скука», «разлука» как средств выражения семантической категории чуждости часто встречаются в прозаических и поэтических произведениях В. Набокова. Например:

- противопоставления по национальному признаку: «*Я выехал давно, и вечер* ***неродной*** */ рдел над равниною* ***нерусской*** *<…>*»[1] («В поезде»); «*И все было так грустно и так ненужно, – эта жидкая,* ***нерусская*** *сирень на станции, и тюльпанообразные лампочки в спальном купе нордэкспресса, и эти замирания в груди, чувство удушья, – быть может грудная жаба или просто нервы, как говорит муж*»[2] («Защита Лужина»);

- противопоставления по месту пребывания: «*После него некто Крон, пишущий под псевдонимом Ростислав Странный, порадовал нас длинным рассказом о романтическом приключении в* ***городе стооком, под небесами чуждыми*** *<…>*»[3] («Защита Лужина»); «*На сумрачной* ***чужбине****, в чаще, / где ужас очертанья стер, / среди прогалины – горящий, / как сердце жаркое, костер*» («Костер»)[4];

- концепт «дом» в разных семантических компонентах (таких, как ‘здание’, ‘постройка’, ‘семья, близкие люди’): «*Тогда он встал с земли, нашел знакомую тропинку и побежал, спотыкаясь о корни, со смутной, мстительной мыслью, добраться до* ***дому*** *и там спрятаться, провести тем зиму, питаясь в кладовой вареньем и сыром*»[5] («Защита Лужина»); «*По складке на переносице между окон, Цинциннат и узнал свой* ***дом***»[6] («Приглашение на казнь»);

- концепт «друг», отражающий как близость по духу или убеждениям, так и внутреннюю общность: «“*Я старый* ***друг*** *вашего мужа. Каждая секунда дорога. Я его жду сегодня ровно в двенадцать. Пожалуйста, передайте ему”*»[7] («Защита Лужина»);

- концепт «тоска», отражающий тяжелое чувство, душевную тревогу, грусть: «*Она говорила, что безумно* ***тоскует*** *по русской деревне, и это длинное-длинное “безумно” с таким зудящим, ноющим средним*

[1] Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991. – С. 209.
[2] Набоков В. Защита Лужина // Набоков В. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 45.
[3] Там же. – С. 84.
[4] Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – С. 373.
[5] Набоков В.В. Защита Лужина. – С. 11.
[6] Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В. Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 177.
[7] Набоков В.В. Защита Лужина. – С. 155.

слогом было почти единственной ее интонацией, которую сын запомнил»[1] («Защита Лужина»).

У В.В. Набокова много написанных в эмиграции стихотворений, в которых отразилась его тоска по Родине. Россия «была в его памяти странным смешением райской радости, неизбывного страха, горечи потери»[2]. Примером может служить стихотворение «Родина» (1927), в котором представлены репрезентанты почти всех рассмотренных выше концептов, являющихся средствами выражения семантической категории чуждости:

Бессмертное счастие наше
Россией *зовется в веках.*
Мы ***края*** *не видели краше,*
а были во ***многих краях****.*

Но где бы стезя ни бежала,
нам ***русская*** *снилась* ***земля****.*
Изгнание, где твое жало,
чужбина*, где сила твоя?*

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы ***России***
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах ***родных****,*
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Наш ***дом*** *на* ***чужбине*** *случайной,*
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией *всегда окружен*[3].

Набоков противопоставляет Россию и всё, что с ней связано («*дремучему шуму лесов на равнинах родных*»), чужбине, другим краям. Родина получает исключительно положительную оценку, что передают слова и словосочетания, с помощью которых характеризуется Россия, – «*бессмертное счастие наше*», «*края не видели краше*» и др.

[1] Набоков В.В. Защита Лужина. – С. 45.
[2] Шаховская З.А. В поисках Набокова // Набоков В.В. Другие берега: автобиография. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – С. 295.
[3] Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – С. 392.

В стихотворении «Молитва» (1924), которое входит в «прецедентное поле молитвы в русской поэзии»[1], лирический герой, пребывая на чужбине, во время пасхального крестного хода, когда другие скитальцы думают «*о милых мертвых*» и «*о дальней молятся Руси*»[2], молится «*о нашем дивьем диве, / о русской речи, плавной, как по ниве / движенье ветра…*»[3] («Молитва»). Он просит ее воскресить, так как сейчас она «*искажена, искромсана*», ее гнетет «*косноязычный сон*»[4]. Заканчивается стихотворение обращением лирического героя к живой и прекрасной русской речи и надеждой на то, что она будет исцелена и станет вновь *полногласной*, *чистой* и *величавой*. Каждый из этих эпитетов сопровождается сравнением. Себя лирический герой в заключительных строках стихотворения называет «ревнивым ремесленником» и «рыцарем» родной речи:

*Тебе, живой, тебе, **моей** прекрасной,*
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волненье нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
*и рыцарь **твой**, родная речь*[5].

Из данного примера видно, что русский язык как одно из самых ярких олицетворений России представляет собой воплощение своего (дорогого и родного) мира. Не случайно в обращении к родной речи используются притяжательные местоимения *моей, твой*.

Для Набокова как представителя русской эмиграции «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля был олицетворением Родины, России. Владимир Набоков в своих прозаических и поэтических произведениях вспоминал, как «*однажды, на рыночной площади посреди Кембриджа, <…> нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горациев **Толковый словарь Даля в четырех томах**. Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц ежевечерне, отмечая прелестные слова и выражения: «ольял» – будка на баржах (теперь уже поздно, никогда не пригодится). Страх забыть или засо-*

[1] Попова Е.А. Текст в лингво- и социокультурном пространстве: Монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 133.
[2] Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – С. 370.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

рить единственное, что успел я выцарапать, довольно, впрочем, сильными когтями, из России, стал прямо болезнью» («Другие берега»)[1]. Словарь Даля стал для Набокова воплощением России, т.е. своего мира. См. поэтическое описание того, как лирический герой находит сочинения Даля и Пушкина на английском базаре в университетском городке:

<…> отдельно, в положеньях странных
кривые книжные лотки
застыли, ждут, как будто спрятав
тьму алхимических трактатов;
однажды, эту дребедень
перебирая, – в зимний день,
когда, изгнанника печаля,
шел снег, как в русском городке, –
нашел я ***Пушкина*** *и* ***Даля***
на заколдованном лотке[2] («Университетская поэма»).

В главном труде В. Даля, каким является «Толковый словарь живого великорусского языка», также очень ярко прослеживается выражение семантической категории чуждости: и в толковании значений слов, и в пословицах и поговорках как основном иллюстративном материале (статьи «свой», «чужой», «друг», «иной», «ностальгия» и др.). Например, значение слова «чужой» объясняется через противопоставление своему, нашему: «**ЧУЖО́Й**, не свой, сторонний <…> || незнаемый, незнакомый; || не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; || не нашей земли, иноземный. *Свое берегу, а чужого не надо. Не наше дело, чужое. <…> Чужую беду на бобах разведу (поворожу), а к своей и ума не приложу! Чужая болячка в боку не сидит. <…> Чужой сын – не детище. Чужой разум – не разум. Чужая беда не учит. На чужую беду глядя, не казнятся. <…> Чужим хлебом да чужим умом не долго проживешь. Чужая сторона прибавит ума. <…> В чужом месте, что в лесу. <…> На чужой стороне и сокола вороной назовут. <…> Чужая беда – смех; своя беда – грех*»[3]. В эту же словарную статью включены слова *чуждый, чужбина* («чужая сторона, место вне родины, оседлости, жительства»[4]), *чуженин, чужак, чужестранец, чужеплеменный*, *чуждаться* и др.

---

[1] Набоков В.В. Другие берега: автобиография. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – С. 197.
[2] Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – С. 451.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 613.
[4] Там же.

В толковании значения заимствованного из греческого языка слова «ностальгия» (в старой орфографии – *носталгія*) тоже находит отражение семантическая категория чуждости: «**НОСТА́ЛГИЯ** греч. тоска по родине, как душевная болезнь»[1]. В словарной статье «тоска» Даль говорит о том, что «*тоска по родине* обращается иногда в телесную болезнь с изнурительною лихорадкой»[2]. Даль очень точно отметил, что тоска по родине является болезнью души, причиняющей человеку сильнейшие страдания. Именно это чувство испытывал Набоков вдали от России.

В сборнике «Пословицы русского народа» противопоставление своего и чужого мира ярко представлено в рубрике «Родина – Чужбина»:

Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома!

За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое.

Своя печаль чужой радости дороже.

Дома все споро, а вчуже житье хуже.

Родимая сторона – мать, чужая – мачеха и др.[3].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что «свое» оценивается человеком как хорошее, близкое и дорогое, и оно заключается в наличии родины, дома, друга, близких и родных, а плохим является отсутствие всего перечисленного, а также разлука с этими объектами, тоска по ним. Это позволяет выявить взаимосвязь концептов в выражении ими семантической категории чуждости.

A.V. Sinyukov

The Semantic Category of Alienation in the Russian Language on the Example of the Works by V. Nabokov and V. Dahl

Summary*. The article is devoted to the specifics of the expression of the semantic category of alienation in the Russian language. The author analyzes the representatives of the concept "friend or foe" as a means of expressing the semantic category of alienation, which are often found in the works by V. Nabokov, as well as in the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. Dahl.*

Key words: *category of alienation, semantics, linguistic perception, Russian linguistic picture of the world.*

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 555.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – С. 422.

[3] Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. l. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 285-286.

С.А. Скуридина

Ономастикон произведений Ф.М. Достоевского в контексте паремических единиц, представленных в лексикографическом наследии В.И. Даля

***Аннотация**. В статье рассматриваются имена собственные в художественных произведениях Ф.М. Достоевского в контексте паремий, представленных в лексикографическом наследии В.И. Даля. Автором отмечается, что раскрытие семантики имени собственного в паремическом контексте является одним из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского.*

***Ключевые слова:** Ф.М. Достоевский, В.И. Даль, ономастикон, антропоним, паремия, паремический контекст.*

Имя собственное в художественном тексте выполняет не только идентифицирующую функцию. Правильно выбранное имя является одновременной лаконичной и емкой характеристикой персонажа, что позволяет автору избежать подробных описаний как внешности, так и поведения героев. Безусловно, связано это с тем, что персонажное имя – явление уникальное, это «текст в тексте», интерпретация которого зависит от компетентности читателя: чем большими лингвистическими и экстралингвистическими знаниями обладает читатель, тем более глубоким будет его проникновение в авторский текст, входом в который во многих случаях и является имя собственное.

Семантическая маркированность литературного имени – это не только его этимологическое значение, к выявлению которого в первую очередь прибегают при обращении к ономастической методологии. Несомненно, что многие писатели учитывают этимологию имен, взятых в художественных текст из реального именника, но это далеко не единственный фактор, который может повлиять на авторский выбор в акте имянаречения героя. Ономастическая лаборатория мастера слова основывается как на общепринятых принципах именования персонажей, среди которых наиболее распространенным является использование традиционных для определенного социума моделей, так и демонстрирует индивидуально-авторские предпочтения.

Обращаясь к специфике ономастикона художественных произведений Ф.М. Достоевского, следует сказать, что в большинстве своем имена собственные, введенные писателем в текст, значимые, – как имена главных персонажей, так и фоновые онимы, что объясняется особым отношением Ф.М. Достоевского к имени, отраженным в его

черновых записях к романам, воспоминаниях жены и современников[1]. Ономастические единицы, функционирующие в художественных текстах писателя и находящиеся во взаимодействии друг с другом как в пределах ономастического пространства, так и вне его, образуют единый авторский ономастический код, принципами которого в творческой лаборатории Ф.М. Достоевского являются:

- использование семантически маркированных антропонимов, созданных по традиционной русской модели (фамилия, имя, отчество), и ее вариантов в парадигме с диминутивными именованиями;
- наличие автобиографического ономастического импульса, в качестве которого выступает оним, производный от корня апеллятива с богатым семантическим потенциалом;
- использование антропонимов, отражающих противоречивость, двойственность художественного образа;
- обращение к народной этимологии онимов;
- апеллятивно-онимное взаимодействие;
- взаимообусловленность топонимов и антропонимов;
- использование зооморфных и орнитоморфных онимов;
- мифопоэтическая обусловленность ономастических единиц;
- способность онима выступать средством создания хронотопа;
- раскрытие семантики имени собственного в контексте произведения (в том числе в персонажной речи и каламбурах), а также в паремическом контексте[2].

Остановимся более подробно на паремической обусловленности онимов в произведениях Ф.М. Достоевского как одном из принципов ономастического кода. На наш взгляд, экспрессивные свойства имени собственного зависят от установок и стереотипов, характерных для определенного социума, представители которого, являясь носителями национального языка и национальной культуры, обладают знаниями фольклора, входящими в национальную картину мира, в связи с чем паремический контекст имен собственных в художественных текстах Ф.М. Достоевского, детство которого проходило в пространстве народной культуры (вспомним няню Алену Фроловну и кормилиц Лукерью и Катерину, о которых упоминает младший брат

[1] См. подробно: Скуридина С.А. Имя в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 65-70.
[2] Скуридина С.А. Специфика ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России. Материалы Всероссийской научной конференции. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 118-124.

писателя А.М. Достоевский как о хороших сказительницах[1]), – явление предсказуемое.

Полагаем, что на творчество Ф.М. Достоевского оказали влияние не только русские народные сказки, но и произведения малых фольклорных жанров – пословицы и поговорки, вошедшие в лексикографические труды В.И. Даля. В библиотеку Ф.М. Достоевского входил «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля в издании Общества любителей российской словесности (Москва, 1863–1866)[2]. В «Дневнике писателя», рассказывая историю глагола *стушеваться*, Ф.М. Достоевский использует фамилию *Даль* для обозначения составителя словаря, который в будущем проведет подобную лексикографическую работу: «Написал я столь серьезно такое пространное изложение истории такого неважного словца – хотя бы для будущего ученого собирателя русского словаря, для какого-нибудь будущего Даля; и если я читателям теперь надоел, то зато будущий Даль меня поблагодарит»[3]. Находясь на каторге, Ф.М. Достоевский активно запоминал и по возможности записывал народные словечки и выражения, изданные впоследствии как «Сибирская тетрадь». Данные факты, а также результаты авторитетных исследований свидетельствуют о том, что фольклорные элементы органично вплетаются в художественное повествование Ф.М. Достоевского[4], в связи с чем актуальным видится рассмотрение ономастикона произведений Ф.М. Достоевского в паремическом контексте, в результате чего происходит приращение смысла.

По мнению В.Н. Михайлова, при анализе ономастических единиц следует «учитывать, что на основную функцию любого собственного имени – номинативно-индивидуализирующую – наслаиваются в практике повседневного общения многие традиции и иные факторы, осложняющие употребление имен, создающие в них дополнительные стилистические оттенки и «приращения смысла»; ср., в частности, влияние пословичных контекстов на «репутацию» имени (напр., Макар, Емеля, Варвара, Тит и пр.), в прошлом – роль аграрного и церков-

[1] Достоевский А.М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 60-61.

[2] Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. – СПб.: Наука, 2005. – С. 164.

[3] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – С. 67.

[4] Владимирцев В.П. Достоевский народный: Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура. Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс ист.-лит. исслед. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2007; Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1994.

ного календаря, социальную характерность употребления собственных имен ввиду тенденции к социальной дифференциации личных имен и фамилий и т.д.»[1].

В первом романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» главный герой носит имя *Макар*. М.С. Альтман, подробно останавливаясь на данном антропониме, обращает внимание на частоту его употребления в пословицах: «Все на Макара», «в пословицу ввели Макара», «из меня пословицу сделали» – эти жалобы Макара Девушкина показывают, что своей злополучной судьбой и беспрерывными несчастьями герой «Бедных людей» очень похож на того бедного Макара, на которого «все шишки валятся»; «бедность и горемычность «Макара» выражены и в пословицах: «Нашему Макарке все огарки», «Не рука Макару коров доить», «Не рука Макару калачи есть», «Не Макару с боярами знаться» и др.»[2]. Подтверждением факта осмысления имени *Макар* в паремическом контексте, на наш взгляд, является упоминание пословицы с данным именем в рассказе «Как опасно предаваться честолюбивым снам» (в соавторстве с Д.В. Григоровичем и Н.А. Некрасовым): «…Хоть герой наш звался совсем не Макаром, но мы не можем здесь не заметить, что на бедного Макара и шишки валятся!»[3].

Имя фактического отца Аркадия Долгорукого *Макар*, отсылающее читателя к известной пословице *Я тебя туда спроважу*, *куда Макар телят не гонял*[4], идеально подходит для героя-странника в романе Ф.М. Достоевского «Подросток». Интересно, что имя *Макар* входит в состав нескольких фразеологических единиц, которые соотносятся с разными сюжетными линиями романа. Уверенность в том, что он правильно поступил, не расторгнув брак с Софьей, обусловлена пословицей *Макара дву-раз не женят*[5]. Противоположный поговорке *не Макару с боярами знаться* смысл реализуется в тексте через взаимоотношения Макара Ивановича с его господами – Версиловым, Татьяной Павловной (Макар – бедный, низкого происхождения[6], Макар – простак[7]).

---

[1] Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. – 1966. – № 2. – С. 55.

[2] Альтман М.С. Достоевский: по вехам имен. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – С. 11, 249.

[3] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 1. – Л.: Наука, 1972. – С. 415.

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. – М.: Терра, 1995. – С. 290.

[5] Там же.

[6] Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. – М.: Терра, 1997. – С. 260.

[7] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. – С. 290.

Фамилия князя Сережи в романе «Подросток» – *Сокольский* – обусловлена паремическим контекстом производящей основы *сокол*: «тяжбу завел – стал гол, как сокол» (сокол – железный лом)[1]. Сергей Петрович Сокольский – бедный жених. Достаточно распространенная поговорка *гол, как сокол* встречается и в творчестве Ф.М. Достоевского, например, в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «У меня есть сто семнадцать душ!.. Через минуту, по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я гол, как сокол…»[2]. В романе «Братья Карамазовы» указанная поговорка трансформируется: «Денег я бросал много, верили, что я богат, я и сам тому верил» и «туда [в Мокрое] добыл цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепоил, всех баб и девок, двинул тысячами. Через три дня гол, но сокол»[3].

На наш взгляд, семантику фамилии *Мышкин* необходимо рассматривать в контексте пословицы *беден как церковная мышь*: князь Мышкин появляется перед читателем с узелком («В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, заключавший, кажется, все его дорожное достояние»[4]).

Фамилия Аглаи – *Епанчина* – контекстуальный антоним фамилии *Рогожин*. Настасья Филипповна несколько раз по отношению к себе употребляет адъектив с суффиксом *-ск-* – *рогожинская*: «Ганечка, я вижу, ты на меня до сих пор еще сердишься? Да неужто ты меня в свою семью ввести хотел? Меня-то, рогожинскую!»; «Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..»[5]. Тогда становится понятна применимо к судьбе князя Мышкина пословица Не к роже рогожа, не к лицу епанча[6].

«Бесчестное происхождение» лакея Смердякова выявляет и фамилия, данная Федором Павловичем родившемуся младенцу. Производящее слово *смерд* в словаре В.И. Даля имеет следующее значение: «Смерд м. стар. человек из черни, подлый (родом), мужик, особый разряд или сословие рабов, холопов, поз-же крепостной»[7]. Автором

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. – М.: Терра, 1995. – С. 262.

[2] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 3. – Л.: Наука, 1972. – С. 46.

[3] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 14. – Л.: Наука, 1975. – С. 102, 109.

[4] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 8. – Л.: Наука, 1973. – С. 6.

[5] Там же. – С. 136, 138.

[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1. – М.: Терра, 1995. – С. 520.

[7] Там же. – С. 232.

словаря к лексеме *смерд* приводятся две пословицы, которые раскрывают смысл фамилии *Смердяков* в паремическом контексте*: Холопа, как ни мой, он все смердит*; *Где смерд думал, тут Бог не был*[1].

Прием осмысления имени в паремическом контексте используется Ф.М. Достоевским и в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «Фома догадался, что прошла его роль шута и что на безлюдьи и Фома может быть дворянином»[2]. В словаре В.И. Даля указывается, что Фома – человек простоватый, плохой, вялый, и приводится пословица, используемая Ф.М. Достоевским: *На безлюдьи и Фома дворянин*[3]. А так как герой «дважды» Фома – *Фома Фомич* (в большинстве случаев к приему удвоения имени Ф.М. Достоевский прибегает при необходимости дать негативную характеристику персонажу, ср.: *Петр Петрович Лужин*), то склонность к самомнению на фоне глупости и той самой простоты, которая иной раз хуже воровства, в образе представлена в гипертровированном виде. Думается, значимым фактором для Ф.М. Достоевского при выборе имени герою повести стало его графическое оформление: начальная буква имени и отчества *Фома* – Ѳ (фита). Одно из переносных значений названия буквы усиливает звучание фамилии героя *Опискин*: *фита* – школярный грамотей, дошлый писака[4]. А процесс обучения крепостных в селе Степанчиково можно описать с помощью фразеологизма *От фиты подвело животы* (о школьном ученьи)[5].

Активно принцип ономастического кода, заключающийся в раскрытии семантики имени в паремическом контексте, используется Ф.М. Достоевским при введении в художественный текст фоновых онимов или онимов второстепенных персонажей. В данном случае антропоним, отсылающий читателя к какой-либо известной пословице или поговорке, выступает емкой и лаконичной характеристикой персонажа или упоминаемого лица.

Так, в романе «Братья Карамазовы» фамилия *Бельмесовы* (ее носит кузина г-жи Хохлаковой), образованная от нарицательного существительного *бельмес* («м. татр. балбес, дурень, болван, ничего не смыслящий»[6]), несомненно, связана с поговоркой *не смыслить ни*

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1. – М.: Терра, 1995. – С. 232.
[2] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 3. – С. 9.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – М.: Терра, 1995. – Т. 4. – С. 683.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1. – М.: Терра, 1995. – С. 81.

бельмеса[1], напрямую соотносимой с текстом романа «Братья Карамазовы»: г-жа Хохлакова наставляет на путь истинный мужа кузины, который «погибал, провалился», но г-жа Хохлакова «указала ему на коннозаводство, и он теперь процветает»[2]. Не смыслящий ни бельмеса в жизни муж кузины нуждается в руководителе, наставнике, в роли которого выступает Хохлакова, считающая себя спасительницей: «Я вас спасу, как и Бельмесова»[3].

Душевное состояние второй жены Федора Павловича Софьи Ивановны в романе «Братья Карамазовы» можно выразить пословицей, которую приводит В.И. Даль: *Старица Софья по всем мире сохнет (никто об ней не вздохнет)*[4].

Купцы, старик с сыном, носят фамилию *Масловы*[5], вызывающую в памяти читателя поговорку *как сыр в масле* – в раздолье[6], *у богатого и по бороде масло течет*[7], *как по маслу идет*[8]. Действительно, Масловы не испытывают финансовых трудностей: Федор Павлович Карамазов называет их «стотысячниками»[9] (XIV, 252-253).

Как видим, Ф.М. Достоевский умышленно вводит в свои произведения антропонимы, отсылающие читателя к паремическим единицам, многие из которых были в активном обращении, о чем свидетельствует их включение в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, а также в «Сборник образных слов и иносказаний» М.И. Михельсона. Данный принцип авторского ономастического кода проявляется в большинстве художественных текстов писателя, что обусловлено знанием народной культуры. Паремический контекст, способствующий приращению смысла антропонимических единиц, позволяет Ф.М. Достоевскому создавать многогранные художественные образы на протяжении всего своего творчества.

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1. – М.: Терра, 1995. – С. 81.
[2] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 14. – С. 347.
[3] Там же.
[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. – С. 284.
[5] Там же. – С. 252-253.
[6] Там же. – С. 376.
[7] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 2. – С. 302.
[8] Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. – С. 81.
[9] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. – Т. 15. – Л.: Наука, 1975. – С. 252-253.

S.A. Skuridina

Onomasticon of Dostoevsky's works in the context of the paremic units presented in the lexicographic heritage of V.I. Dalya

Summary. *The article examines proper names in the works of F.M. Dostoevsky in the context of the paremias presented in the lexicographical heritage of V.I. Dahl. The author notes that the disclosure of the semantics of a proper name in a polemical context is one of the principles of Dostoevsky's onomastic code.*

Key words: *F.M. Dostoevsky, V.I. Dahl, onomastics, anthroponym, paremia, polemic context.*

О.Ю. Усачева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ МОРАЛЬ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются лексические репрезентации со значением моральной оценки, вербализующие соответствующий аспект концептосферы МОРАЛЬ в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Особое внимание обращено на устаревшие и диалектные вербализаторы моральной оценки, что задает более широкий контекст рассмотрения указанной концептосферы в русской лингвокультуре.*

Ключевые слова: *концептосфера, мораль, моральная оценка, моральные (этические) концепты, лексическая репрезентация, В.И. Даль.*

Мораль (или нравственность) принадлежит одному из главных проявлений полноты духовного существования человека. При всем множестве определений мораль осознается как понятие, «служащее для обобщенного выражения сферы высших ценностей и долженствования»[1]. Всеобщность и универсальность морали проявляют себя в

[1] МОРАЛЬ // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4-х томах / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c180705923b860f63380c (дата обращения 1 ноября 2021 г.).

моральных отношениях, т.е. во взаимодействиях с Другим. Это свойство морали наиболее явно обнаруживает себя в понятиях, содержанием которых является оценка человека (его качеств и поведения) как субъекта морального отношения. Тем самым конституируется система морально-оценочных категорий, выступающих в качестве понятийных единиц языка специальной науки о морали – этики. Таков путь научной концептуализации морали.

Концептуализация же морали в языке также осуществляется по разным направлениям, в том числе и через оценку и самооценку человека как нравственного субъекта. Фиксируя проявления морали как индивидуально ответственного поведения, язык концептуализирует те или иные аспекты взаимодействия личности с Другим через должное и недолжное, приемлемое и неприемлемое, желательное и нежелательное в этих межчеловеческих связях. Результатом данного процесса становится концептосфера МОРАЛЬ, аккумулирующая в себе базовые представления языкового коллектива о феноменах нравственного сознания.

Как известно, термин «концептосфера» был предложен академиком Д.С. Лихачевым, который писал: «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности»[1].

Концептосферу МОРАЛЬ образуют как концепты, непосредственно отражающие моральные категории (ДОБРО, ЗЛО, СОВЕСТЬ, СТЫД и др.), так и концепты, которые не являются моральными как таковыми, но при этом предполагают регулярно проявляющееся моральное отношение к себе (ДРУЖБА, ПРАВДА, ТРУД, РОДИНА и др.).

Предметом нашего интереса в данной статье являются моральные оценки как определенная часть концептосферы МОРАЛЬ, представленные в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – ТС). В нашу задачу входило рассмотрение ряда лексических репрезентантов этих оценок (сплошная выборка не осуществлялась), зафиксированных автором знаменитого лексикографического источника в словарных толкованиях, а также в разнообразных примерах языковых употреблений (репрезентаций оценки). Для нас было важно обратить внимание на устаревшие, а также территориальные (местные) лексические репрезентации моральных оценок, отсутствующие в современном русском литературном языке, но в исторической ретро-

[1] Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 52. – № 1. – 1993. – С. 9.

спективе проявляющие системные языковые отношения. Небезынтересно также было проследить использованные Далем синонимические толкования, указывающие на те или иные смысловые или вербальные нюансы описываемого этического явления.

Центральной категорией этики как науки о морали является добро.

При сравнении с научным определением[1] заметно отсутствие в словарной статье такой важной атрибуции, как предельная универсальность, ценностная абсолютизация добра. В самом деле, русский язык отражает характеристики меньшей степени обобщения, отсылая к более конкретным проявлениям добра: благо, честь, польза, долг, жизнь, правда. Именно эти характеристики представлены в толковых словарях, в том числе и в ТС Даля, где ДОБРО как ядро этической концептосферы характеризуется через благо, «что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина, противоположно худу и злу» [I, 443][2].

Добро предстает как проявление активности человека *(Добро делай, никого не бойся; Сей добро, посыпай добром, жни добро, оделяй добром; Всяк хлопочет, себе добра хочет),* высокое качество духовной жизни *(С добром / в добре жить хорошо; Кто живет в добре, тот ходит в серебре),* бескорыстное действие, не предполагающее награды от людей, но лишь от Бога *(За добро не жди добра; Кто добро творит, тому Бог отплатит; За добро Бог плательщик),* ответное равноценное действие *(За добро добром и платят).* Добро имеет социальное измерение: *Бедного обижать, себе добра не желать*. Тот, кто не делает добро другому, лишается добра по отношению к себе самому: *Худо тому, кто добра не делает никому.* Добро связывается с правдой: *В ком добра нет, в том и правды мало.* Добро связывается с продолжительностью жизни: *Добрый человек в добре проживет век.* Однако старость сама по себе не тождественна добру: *Старость с добром не приходит.* Добро там, где имеется скромность в желаниях: *Много желать (затевать), добра не видать*.

Антиподом добра выступают ЗЛО, ХУДО. Словарные определения данных существительных строятся по принципу антиномии к ДОБРУ. Например: ЗЛО – «худое, лихое, худо, лихо; противопол. *доб-*

[1] ДОБРО и ЗЛО // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-196-3.htm#zag-988 (дата обращения 1 ноября 2021 г.).

[2] Ссылки на примеры [том, страница] даются по изданию: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

ро» [I, 683]; ХУДОЙ – *«затеяли худо – не быть добру»; «добра не весят худом»; «добра на худо не меняют»; «сделав худо, не жди добра»* и т.п. [IV, 568]. Попутно отметим, что данное противопоставление просматривается и в корпусе паремий из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа», например: *Учись доброму, а худое и само придет. Доброго держись, а от худого удались. К добру гребись, от худа шестом суйся. Ищи добра, а худо и само придет. Кто доброе творит, того зло не вредит*[1]. *Добро помни, а зло забывай!*[2]

Добро лежит в основе морально-этических оценок человека, выступая в виде мерила и стандарта должного морального отношения и поведения.

В словаре В.И. Даля также представлены такие моральные категории, как СОВЕСТЬ [IV, 256-257], СТЫД [IV, 347], ЧЕСТЬ [IV, 599-600] и ЗЛО [I, 683-686], ПОРОК [III, 320] и др. Таким образом, отметим совпадение состава ядерных концептов концептосферы МОРАЛЬ с научными (этическими) концептами. Ср.: «Мораль обобщает тот срез человеческого опыта, разные стороны которого обозначаются словами «добро» и «зло», «добродетель» и «порок», «правильное» и «неправильное», «долг», «совесть», «справедливость» и т.д.»[3].

Рассмотрим конкретные примеры лексических репрезентаций морально-этических оценок человека, представленные в ТС. С точки зрения модальности моральная оценка выступает либо как положительная (морально одобряемая характеристика), либо как отрицательная (морально не одобряемая характеристика). В плане частеречной принадлежности репрезентантами выступают прилагательные, существительные со значением качества, глаголы со значением направленности на достижение морального свойства, обозначенного корневой лексемой. На нашем материале выделим несколько тематических групп лексических репрезентантов: общая моральная характеристика человека (А), оценка человека по его отношению к труду / работе (Б), характеристика человека как объекта общественной моральной оценки (В). Представленность репрезентантов в современном русском литературном

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок и проч. В. Даля. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те; в универ. тип., 1862. – С. 108.
[2] Там же. – С. 481.
[3] Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; – 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c180705923b860f63380c (дата обращения 1 ноября 2021 г.).

языке: да (1), нет (0). Необычные синонимические соответствия отмечены подчеркиванием.

А) Общая оценка человека как обладателя моральных качеств. Дается через призму моральных категорий «добро», «совесть», «стыд», «честь», «правда» и др. и выражается соответствующими производными словами.

1. Положительная оценка.
   1.1. ***Добрый (1)*** *– о человеке: добро любящий, добро творящий, склонный к добру, ко благу, мягкосердый, жалостливый* [I, 443].
   1.2. ***Совестный (0)*** *или* ***совестливый (1)*** *человек, добросовестный, честный, поступающий всегда по совести. Он совестливо исполнял свое дело.* ***Совестность (0), совестливость (1),*** *качество, свойство и состояние по прилаг.* ***Совестить (1), усовещевать (0),*** *стыдить, заставить стыдиться, стараться привести к сознанию проступка и к раскаянью.* ***–ся (1),*** *терпеть упреки совести вследствие дурного поступка, или стыдиться, сознавать вину свою, грех свой и каяться в самом себе, сожалеть и досадовать на себя* [IV, 257].
   1.3. ***Честный (1),*** *в ком или в чем есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда. – человек, прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять.* ***Честли́вой (0)*** *и* ***чливый (0)****(от честить и чтить), вежливый, учтивый, учливый, почтительный* [IV, 600].
   1.4. ***Правдивый (1),*** *не уклоняющийся от правды, на ней основанный.* ***Правдивость (1). Правдо́(у́)ха (0),*** *правдивый человек, кто всегда говорит правду* [II, 379-380].
2. Отрицательная оценка.
   2.1. ***Бессовестность (1),*** *бесстыдство, неправдивость, криводушие, отсутствие чувства правды. Привычка бессовестить людей* [I, 74].
   2.2. ***Разбессовестный (0), разбесстыжий (0), бессовестный (1),*** *бесстыжий в высшей степени* [IV, 13]. Обращает на себя внимание интенсификация отрицательного признака с помощью префикса *раз-*.
   2.3. ***Честолюбие (1),*** *искательство внешней чести, уважения, почета, почестей;* ***-люб, -любец, -ица, -любка, честолюбный (0)*** *и* ***-любивый (1)*** *человек, страстный к чинам, отличиям, ко славе, похвалам и потому действующий не по нравственным убеждениям, а по сим видам* [IV, 600].

2.4. ***Лгун, лгунья (1), лыга (0), лыгашка (0), лгач (0), лыгач (0),*** *кому лгать за обычай, кто часто говорит неправду, лжет* [II, 241].

Б) Моральная оценка человека по его отношению к труду, а также оценка результатов труда.

1. Положительная оценка.
   1.1. ***Работящий (1), работющий*** *(пск.)* ***(0), работливый (0)*** *– усердный, ражий, охочий работать. Он мужик* ***рабочий*** *(работящий, усердный)* ***(0)***. ***Работуха (0)*** *– работящая, трудолюбивая женщина.* ***Работяга (1),*** *– работящий человек* [IV, 6].
   1.2. ***Трудящий (0)*** *человек, трудящийся, трудолюбивый* [IV, 436].
2. Отрицательная оценка.
   2.1. ***Лентяй (1), лентяйка (1), ленгас*** *(арх.)****(0), ленчуг*** *(твр.)****(0),*** *ленивый человек, праздный, тунеяд, бегающий от дела и труда* [II, 278].
   2.2. ***Розвалень*** *и* ***развалень*** *(пск.)* ***(0),*** *увалень, лежебок, лентяй* [IV, 17].
   2.3. ***Трутень*** *или* ***трутник*** *(пск.)* ***(0),*** *лентяй, дармоед, тунеяд, бездельный шатун, прихлебатель, живущий без дела либо на чужой счет. Трутнем жил, а помер, пуще надавил (о плохом муже, которого и похоронить не на что)* [IV, 438].
   2.4. ***Тунный (0),*** *даровой, тщетный, напрасный, бездельный. Тунная жизнь, пустая, суетная, дармоедная, бесполезная.* ***Тунежительство (0),*** *тунеядство, дармоедство или мироедство, бездельная жизнь, праздная, на чужой счет, чужетрудная.* ***Тунеяд (0), -ядец (1), -ядка (1),*** *дармоед, мироед, живущий в праздности чужими трудами, бездельник.* ***Тунеядная (0)*** *жизнь, праздная, бездельная, тунеядство* [IV, 443].

В) Характеристика человека как объекта общественной моральной оценки.

1. Положительная оценка.
   1.1. ***Скромный (1),*** *умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный за себя, не ставящий личность свою наперед, не мечтающий о себе. Скромный человек сам своих заслуг не оценяет.* ***Скромник (1), -ница (1)*** [IV, 210].
   1.2. ***Кроткий (1),*** *тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливый, многотерпеливый* [II, 199].
2. Отрицательная оценка.
   2.1. ***Наглый (1),*** *дерзкий, нахальный, бесстыжий.* ***Нагловатый (1), наглостный (0),*** *наглый в меньшей степени.* ***Наглец (1), наглянка (0), наглуша (0), наглыш (0), наглышка (0).***

Наглецкий (0) *поступок.* ***Наглодушие (0)*** *и* ***наглодушный (0),*** *гневливый, вспыльчивый, запальчивый* [II, 393].

2.2. ***Развеличаться (0),*** *возгордиться, расходиться величаясь* [IV, 17].

2.3. ***Разгоржаться (0), разгордиться (0), разгордеть (0),*** *загордиться, надмеваться, расчваниться, зазнаться, заневедаться, стать гордым, заспесиветь* [IV, 16].

2.4. ***Спесивый (1),*** *надутый, надменный, глупо напыщенный сам собою, родом, саном или богатством своим, чванный.* ***Спесивец (1), -ица (1), спесивка (0), спесько (0), спесига*** *(ярс.)* ***(0), спесень (0).*** *Богатство* ***спесивит (0),*** *или от богатства* ***спесивеют. Спесивиться (0),*** *быть спесивым, важничать, чиниться, небречь вниманием других, считая себя выше прочих* [IV, 289].

Итак, краткий экскурс в ТС В.И. Даля показал наличие довольно обширного корпуса лексических репрезентаций со значением моральной оценки человека (его качеств, поступков, моральных представлений). В составе репрезентаций лидируют прилагательные со значением морального качества и существительные со значением носителя таких качеств. Обращает на себя внимание большее, чем в современном литературном языке разнообразие производных слов, а также способов и средств словообразования.

Дальнейшее изучение языкового материала могло бы стать основой для проведения как диахронических, так и синхронно-сопоставительных лингвокультурологических исследований.

O.Ju. Usacheva

Lexical representations of the sphere of concept MORAL with the meaning of evaluation in Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language

Abstract*. The article deals with lexical representations with the meaning of moral evaluation, verbalizing the relevant aspect of the conceptosphere MORAL in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl. Special attention is paid to the out-of-date and dialectal verbalizers of moral evaluation, which sets a broader context for the consideration of the mentioned conceptosphere in the Russian linguoculture.*

Key words*: conceptosphere, morality, moral evaluation, moral (ethical) concepts, lexical representation, V.I. Dahl.*

В.К. Харченко

Личность В.И. Даля с позиций телеологии (пассионарный эффект)

Аннотация: *Раскрываются пассионарные возможности личности В.И. Даля как уникального человека: владение различными профессиями (лексикограф, писатель, чиновник, врач, автор учебников), постоянный живой интерес к слову, уважение к другим коллекционерам. Эту часть проблемы можно проиллюстрировать с разных сторон, однако телеологическая лингвистика заставляет филологов задуматься, во-первых, над проблемой внедрения своих исследований и, во-вторых, над не менее острой проблемой повышения роли гуманитарного знания в современном обществе – обществе второго и третьего десятилетий XXI века.*

Ключевые слова: *телеологическая лингвистика, В.И. Даль, пассионарный эффект, внедрение, гуманитарное знание.*

Современная лингвистика имеет несколько направлений, и не последнюю роль в этом списке занимает телеологическая лингвистика, то есть такое направление, которое вскрывает взгляд на проблему с позиций её воздействия на человека, другими словами, это изучение лингвистов в основном прошлого как образцов, кумиров, примеров для подражания. Это с одной стороны, а с другой теологическая лингвистика на материале этих примеров может вскрывать неизученные, но весьма важные сейчас зоны влияния филолога на общество. Рассмотрим все по порядку.

В.И. Даль является прекрасным примером для подражания. Частично мы писали об этом недавно в статье «Пассионарный потенциал личности В.И. Даля»[1] но многое остается открытым даже с учетом этой статьи.

Почему сейчас становится важным такое направление? «Н« сотвори себе кумира», это так. Но при рассмотрении биографий великих людей мы нередко время от времени сталкиваемся с признанием о лицах, с которых великие брали пример. «Меня всегда изумляла герменевтическая сила примера. Мощь примеров настолько осязаема и очевидна, что, будучи однажды удачно употреблёнными, они превращаются в некоторые машинки по автоматическому воспроизводству

[1] Харченко В.К. Пассионарный потенциал личности В.И. Даля // Дали Даля. Сборник статей всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 90-94.

мысли, которую должны были иллюстрировать» (Октябрь. 2008. № 7. С. 157). Здесь важно подчеркнуть две следующие особенности «кумиротворения».

Во-первых, это тайная личная работа, не охватывающая личность в целом. Современное общество и общение таково, что нередко обнаруживаются вещи, препятствующие созданию вдохновляющего образа. Применительно к В.И. Далю это появившиеся публикации о будто бы написании Далем «Розыскания (sic!) о ритуальных убийствах». Сопоставление, проведенное С.Е. Резником на портале филфака Петрозаводского университета, показало, что из «Исследования о скопческой ереси» в «Словарь» Даля вошли целые пласты текста, а вот на убиение евреями христианских младенцев а «Словаре» не отыскалось ни одного хотя бы косвенного намека. Подробнее об этом можно прочитать в публикации С.Е. Резника, защищающего честь В.И. Даля и опровергающего страшные вымыслы[1]. *«Мало славы служить из-за одной корысти; нет, Иван, послужи-ка ты… под оговором, под клеветою, верою и правдою, как служат на Руси, из одной ревности да из чести»*. Это слова из сказки В.И. Даля «Сказка об Иване молодом сержанте удалой голове, без роду, без племени, спроста без прозвища». В свое время эти слова поразили, потрясли нас, но оказывается, они же имеют отношение и к посмертному Далю, так нелепо обвинённому в столь вопиющих делах. Пассионарный призыв, который мы процитировали, просматривается в словах будто бы сказки но, может быть, она приложима и к жизни в целом? Увы и ах, сказанное относится ко многим, если не сказать ко всем великим людям. Пассионарные личности особенно нужны тем, кто только ещё становится на трудный жизненный путь. Вдохновляющий пример может быть в принципе неполным, но это не умаляет его достоинства. Л..Н. Гумилев выстраивал свою теорию пассионарных вспышек, деля людей на группы, и это деление распространялось на целые нации в определённые эпохи.

Итак, личность дробится, и мы берём только часть личности, не задумываясь, что это всего лишь часть.

Во-вторых, «активное время» воздействия кумира тоже бывает различным. Часто мы забываем о своем кумире, оставляем его на время, не поддаемся ему. Но бывают и значимые моменты общения с кумиром. Например, В.И. Даль служит хорошим примером в следующих случаях.

Первое – это когда мы «разбрасываемся». Например, увлекаемся преподаванием, посвящая ему всё время, или написанием монографии,

[1] Резник С.Е. Даль или не Даль – гамлетовский вопрос или арифметика? // Есин С.Н. и Резник С.Е. Логово смысла и вымысла: Переписка через океан. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 240-247.

или сбором материала для словаря, или изучением местности, или путешествиями с записью впечатлений, или общением с близкими с записью интересных моментов, или… И это еще не самые резкие изменения в поведении. Но ведь и В.И. Даль был и врачом, и лексикографом, и создателем учебника по зоологии, и чиновником особых поручений. Участвовал в трагическом Хивинском походе (1839–1840 гг.). В 1846 году по инициативе В.И. Даля было учреждено Русское географическое общество. Этот перечень есть не что иное, как античный подход к возможностям одного-единственного человека.

Почему бы нам не попробовать «разбрасываться» хотя бы в наиболее приближённых к основному делу ипостасях? В предисловии к известной книге у Н. Абалкина читаем: «…Даль сходен был, пожалуй, с человеком эпохи Возрождения. Он мог, умел, любил делать все: под огнем противника наводить мост для переправы войск, писать сказки, учебники по зоологии и ботанике, оперировать больного, мастерить мебель, сочинять пьесы, заниматься этнографией, статистикой, археологией, историей, городским благоустройством и многим, многим другим. И самым главным, постоянным, неотложным и непрерывным делом всей своей жизни – собиранием русского слова…»[1]. И самое главное здесь то, что В.И. Даль был замечательным специалистом во всех указанных областях. К умирающему после дуэли Пушкину пригласили именно В.И. Даля, и это не случайно. Во время Крымской войны именно В.И. Даль организовал отправку на фронт обоза с лекарствами для содействия русским войскам.

Далее, мы готовы подражать В.И. Далю, когда начинаем сочинять художественные тексты в пику своему преподаванию и научным занятиям. Россия славится перепроизводством интеллигенции, и миссия интеллигента – это отражение той жизни, в которой мы живём. И почему бы не попробовать нам осуществить такое художественное отражение? Врач-патологоанатом, преподаватель Белгородского государственного университета Татьяна Васильевна Павлова занималась в свободное время, которого, как известно, практически нет, рисованием картин маслом, а потом начала писать книги. И вот результат: одна из ее книг заняла престижное место на зарубежном конкурсе. Укажем здесь самую первую из книг, с которой всё началось[2]. Далековато от патологоанатомии, но успех говорит о реальном достижении.

---

[1] Абалкин Н. Об этой книге // Майя Бессараб. Владимир Даль. Книга о доблестном гражданине России и великом борце за русский язык. – М.: Современник, 1972. – С. 5-6.

[2] Зубкова Татьяна. Адам и Ева после ада. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2016. – 208 с.

Занимается художественным творчеством филолог доктор наук Светлана Алексеевна Кошарная. Светлана Кошарная стала победителем шестого Международного Тютчевского литературного конкурса «Мыслящий тростник» в 2018 году. Отметим здесь и книгу стихов Ланы Ясновой (Кошарной)[1]. Эта художественная работа сочетается с интенсивной профессиональной. Совместно со студентами СА. Кошарная в 2017 году выпустила «Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов»[2].Таким образом, незримый пример В.И. Даля действует на нынешнее поколение, питает его.

Далее, мы подражаем В.И. Далю, когда с пиететом относимся к собирателям, даже порой практически незнакомым, тем более знакомым. «Приятель Даля, художник Сапожников просит прислать ему для коллекции несколько видов бабочек из тех, что водятся в Оренбургском крае»[3]. Даль прислал ему 120 штук!

Далее, мы порой неосознанно подражаем В.И. Далю, когда разрешаем нашим детям нам «мешать», занимаясь в комнате, где детки играют в свои игры.

И, конечно, конечно, это выдающаяся работа В.И. Даля над Словарём живого великорусского языка. Всё фиксировать, записывать, наперёд не зная, где это может понадобиться – такой воспринимается методика работы. Случайностей в жизни не бывает. Когда мы записываем нечто интересное, не зная, где это нам понадобится и когда понадобится, то оказывается, что через сколько-то лет, а то и десятилетий эта запись хорошо ложится в текст и становится нужной.

Лингвист Борис Имондин на телеканале «Культура» в передаче «Правила жизни» 23 сентября 2021 года рассказывал о сборе слов, известных в той или иной местности и даже проникших в интернет, но абсолютно неизвестных широкой публике. *Корнер* = отдельный павильон в магазине (Москва), *кеска* – мусорный контейнер (Калининград), *кукса* – лапша домашнего приготовления (Южно-Сахалинск), *курмыш* – глушь (Самара), *тутоновка* – глушь (Пенза), *бадик* – трость (Воронеж), *шурушки* – всякая мелочевка (Новосибирская и Томская области), *хабазина* – магазин (Екатеринбург). «С русским языком можно творить чудеса». Эти слова Константина Паустовского приведены ав-

[1] Яснова Лана. Зеркала: сборник стихотворений. – Новокузнецк: Союз писателей, 2015. – 96 с. (проект «Народная книга»).

[2] Кошарная С.А., Алейник А.С., Медведева А.И. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 337 с.

[3] Порудоминский В.И. Даль. – Изд. 2. – М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1971. – 384 с.

тором передачи Алексеем Бегаком в конце списка, а есть ли конец, если таких слов уже насчитывается четыре тысячи? Что это, как не продолжение великого дела В.И. Даля?

Однако теологическая лингвистика не бывала бы такой актуальной и злободневной, если бы не включала в себя ряд острых моментов. Это второй и более глубинный аспект телеологической лингвистики. Остановимся на трех моментах.

Во-первых, это процедура внедрения, считающегося слабым местом и давней, и современной русскоязычной науки. Пример В.И. Даля показывает, как важно быть на передовой отечественной мысли. Даже людям, далеким от филологии, хорошо известно имя Даля, а детские книжки с его именем выпускаются современными издательствами. В.И. Даль уделял самое серьезное время внедрению своих наработок. И в этом плане нам важно подражать великому человеку, выступая, рассказывая о своих исследованиях, публикуясь, апробируя свои словари, монографии, статьи по тем или иным вопросам современного бытия русского языка.

Это важно еще и потому, что русский язык становится едва ли не диалектом в сознании бывших наших соотечественников, о чём говорила в своем докладе «Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира» доктор филологических наук Екатерина Андреевна Погорелая (г. Тирасполь). «Политическая “титульная” элита, получившая образование на русском языке и хорошо владеющая его литературной формой, целенаправленно “не замечает” в контексте общей идеологии государственного развития сохранившуюся потребность большей части населения потреблять по-прежнему значительные объемы информации на русском языке. Рецидив “лингвистической войны” за тридцать лет суверенного развития новых государств неоднократно напоминал о себе в печатных и электронных средствах массовой информации, отражая диспропорцию возможностей и потребностей личности в полиэтничном социуме. Однако эта глубоко симптоматичная рефлексия, социальная значимость которой со временем усиливается, часто остается без внимания “титульных” специалистов, поддерживающих таким образом иллюзию о достаточном уровне знания русского языка без его специального изучения»[1].

[1] Погорелая Е.А. Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира // С любовью к слову: Сборник статей всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Арзамас, 2021. – С. 342-343.

Из этого вытекает, что лингвистам сейчас надо быть ближе друг к другу, несмотря на расстояния и границы, надо чаще рассказывать о своих исследованиях, о спорных вопросах и своих решениях.

Во-вторых, это внимание к слову, гораздо большее, чем это сейчас делается. Покажем это на примере всего одного слова. «Заповедать лес – запретить в нем рубку; это делается торжественно: священник с образами, или даже с хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют «Слава в вышних», и запрещают въезд на известное число лет». Тот же Даль среди названий таких заповедных участков приводит слово «божелесье» (Знание – сила. 2014. № 4. С. 23). Как меняется наше отношение к лесу, если знать, что существует божелесье! Филолог работает со словом, но в его руках это не простое слово. «...Ибо его стиль нацелен на завоевание чужих сознаний. Поэтому он безустанно правит и переделывает свои корректуры (в среднем их число доходит до 9-10, иногда же до 17-18); каторжный труд Бальзака над ними вошел в поговорку. Причем многократная правка касалась в первую очередь именно стиля <...> Чтобы завладеть чужим сознанием, слово должно многократно увеличить свой семантический потенциал по сравнению со словом, которым обмениваются единомышленники или с которым говорящий обращается к себе» (М. Эпштейн).

В-третьих и в-главных, это – в век цифровизации – повышение значимости всего гуманитарного знания, гуманитарного поиска. Мы теряем коммуникативные навыки. Об этом шла речь в телепередаче «Технология счастья» по каналу культура 20 сентября 2021 года. Социальный психолог Татьяна Яничева и психотерапевт Андрей Курбатов заострили целую серию вопросов: общению надо учиться. Всё чаще устное обращение к человеку воспринимается как агрессия. У нас отпала необходимость развивать коммуникативные навыки. Мы компенсируем социальность, покупая собачек, заводя кошек, погружаясь в социальные сети. Выделим в этом перечне здесь главное – необходимость развивать коммуникативные навыки, которые стали исчезать и тем сильнее, что способствует этому охватившая все страны пандемия. И в этом плане забота о нашей коммуникации – важнейшая из задач, остро стоящая перед филологами XXI века. Пример В.И. Даля показывает нам значимость именно гуманитарной составляющей в структуре личности.

«На литературоведах лежит большая и ответственная задача – воспитывать «умственную восприимчивость». Вот почему сосредоточенность литературоведов на немногих объектах и вопросах изучения, на одной и той же эпохе или на немногих проблемах противоречит основному общественному смыслу существования нашей дисциплины.

В литературоведении нужны разные темы и большие «расстояния» именно потому, что оно борется с этими расстояниями, стремится уничтожить преграды между людьми, народами и веками. Литературоведение воспитывает человеческую социальность – в самом благородном и глубоком смысле этого слова»[1].

Еще острее это требование звучит в устах М.Н. Эпштейна: «От гуманистики никто ничего не ждет, кроме прочтений и перечтений, анализа и интерпретации текстов. Гуманистика стала текстологией и перестала быть человековедением. А потому перестала быть и человеководством. Ведая лишь текстами и архивами, она уже никуда не ведет. <…> Меня тревожит, что гуманитарные науки перестают быть тем, чем были и призваны быть – самосознанием и самотворением человечества. <…> Образуется вакуум человеческих смыслов и целей, который техника заполнить не может, а гуманистика не хочет»[2].

Речь идет о гуманитарной необеспеченности нашей высокоразвитой технической цивилизации. Это весьма трудная задача, вот почему так важны мнения и действия филологов, пути которых освещают многие замечательные предшественники, и особая роль в этом принадлежит Владимиру Ивановичу Далю.

V.K. Kharchenko

V.I. Dahl personality from the position of teleology

Summary. *The passionary possibilities of the personality of V.I. Dahl as a unique person: possession of various professions (lexicographer, writer, official, doctor, author of textbooks), constant keen interest in the word, respect for other collectors. This part of the problem can be illustrated from different angles, however, teleological linguistics makes philologists think, firstly, about the problem of introducing their research and, secondly, over the no less acute problem of increasing the role of humanitarian knowledge in modern society – the society of the second and third decades of the 21st century.*

Key words: *teleological linguistics, V.I. Dahl, passionary effect, introduction, humanitarian knowledge.*

---

[1] Лихачев Д.С. Об общественной ответственности литературоведения // Контекст. Литературно-теоретические исследования, 1973. – М.: Наука, 1974. – С. 8.

[2] Эпштейн М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила. – 2012. – № 4. – С. 62.

И.П. Черноусова

Языковое и стилистическое своеобразие сказок Казака Луганского

Аннотация. *В статье рассматривается оригинальность содержания, языковое и стилистическое своеобразие сказок В.И. Даля, напечатанных под псевдонимом Казак Луганский и отличающихся острой сатирической направленностью. Самобытность сказок Казака Луганского создается за счет использования в одном контексте живой народной речи (диалектизмов) и различных художественных приемов (антитезы, иносказаний, традиционных сказочных формул, композитов, метафор, эпитетов, сравнений, олицетворений, «говорящих» антропонимов и др.), но ярче всего проявляется в активном употреблении пословиц и поговорок, которые ожерельями нанизаны одна к другой.*

Ключевые слова: *В.И. Даль, Казак Луганский, сказки, пословицы, антитеза, иносказание, сказочные формулы, композиты, присказки-зачины, диалектизмы.*

«Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные, и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток Первый» – первая книга В.И. Даля, напечатанная в типографии Плюшара в октябре 1832 года объемом 201 страница, сразу после появления в свет ставшая библиографической редкостью, была запрещена и конфискована, потому что нашли в сказках Луганского «какой-то страшный умысел против верховной власти и т.д.»[1].

Уже в оригинальном предисловии к этому сборнику, отвлекающем читателя от проблематики сказок, содержится социальная антитеза – главный прием, определяющий структуру сказок Казака Луганского. С одной стороны, это обращение к *«людям добрым, старым и малым, ребятишкам на деревянных конишках, старичкам с клюками и подпорками, девушкам, невестам русским»* с приглашением слушать сказки *«чудные и прихотливые, были-небылицы русские»,* а также к тем, кто обучен *«грамоте скорописной великороссийской»,* с приглашением записывать, переписывать сказки и помалкивать, с другой стороны, обращение к *«вычурам заморским, переводне семени русского»,* которых автор называет *«хваты голосистые, с бадинками да с*

[1] Порудоминский В. Даль. Серия ЖЗЛ. Вып. 17 (505). – М.: Молодая гвардия, 1971. – С. 118.

витыми тросточками», с предложением им садиться в дилижансы и уезжать *«за море, в модные магазины»*[1].

Антитеза «свое (здешнее, русское) – чужое (заморское, нерусское)» содержится во всех пяти сказках, язык которых, несмотря на желание автора казаться простым, народным, достаточно сложен и витиеват, что создается синтезом различных художественных приемов (эпитетов, часто выраженных сложными прилагательными, оригинальных сравнений и др.), сочетающихся с разговорными, в том числе диалектными словами *(тюря, ботвинья, баклуши, ломоть* и мн. др.): *«А кому сказка моя … не по нутру – тот садись за грамоты* ***французские,*** *переплеты* ***сафьяновые,*** *листы* ***золотообрезные,*** *читай бредни* ***высокоумные****! Счастливый путь ему на ахинеи, на баклуши* ***заморские,*** *не видать ему стороны затейливой,* ***как ушей своих;*** *не видать и* ***гуслей-самогудов:*** *сами заводятся, сами пляшут, сами играют, сами песни поют; не видать и Дадона Золотого Кошеля, ни чудес* ***неимоверных****, Иваном Молодым Сержантом созидаемых!»* («О Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища»)[2]; *«…а по мне да по свату куцое платье,* ***французская*** *булка, на свет не родись! Нам подай зимою щи с пирогом, кашу, летом* ***ботвинью,*** *либо окрошку,* ***тюрю,*** *поставь квасу, да ржанова хлебца ломоть, чтобы было за что подержаться, да зубами помолоть…»* («О Шемякином суде»)[3]; *«Я вам сказку скажу…, сказку новую,* ***как пуговку****, модную,* ***как гнутые оглобли****, затейливую,* ***как пудель в шароварах****, что за комедиантом ходит… Не подбивайтеся под нашего брата, грамотеи* ***велемудрые,*** *соглядатаи, мытари, оценщики, браковщики, орехогрызы* ***неутомимые****!»* («Новинка-диковинка или невиданное чудо, неслыханное диво»)[4].

Все пять сказок, вошедших в сборник, относятся к социально-бытовым, причем в сказках превалируют не бытовые, а социальные конфликты, в них с необычайной смелостью и беспощадностью обличаются блюстители порядка и обиратели народа.

Всем сказкам предшествуют оригинальные присказки-зачины с каскадами пословиц и поговорок, создающих впечатление о сложном языковом орнаменте, украшенном тропами (метафорами, эпитетами, сравнениями, олицетворениями): *«Сказка из похождений слагается,*

---

[1] Сочинения Владимира Даля: В 8 т. Т. VIII. – СПб: Издатель М.О. Вольф, 1861. – С. 3. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition247296 (дата обращения 1 октября 2021 г.).

[2] Там же. – № 1. – С. 3.

[3] Там же. № 2. – С. 24.

[4] Там же. № 4. – С. 55.

присказками красуется, небылицами минувшими отзывается, за былями буднишними не гоняется; а кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на ***русские поговорки*** *не прогневается,* ***языка доморощенного*** *не пугается; у меня сказочник в лаптях; по паркетам не шатывался, своды расписные, речи затейливые только по сказкам одним и знает»* («О Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища»)[1]; *«Идет рыба на* ***блевку****, идет и на* ***блесну –*** *кто наелся* ***былей сытных, приторных****, тот поди для праздника перекуси* ***небылицей тощей да пряною****, редькой, луком, стручковатым перцем приправленною!* ***Истина*** *нахальна и бесстыдна:* ***ходит как мать на свет родила;*** *в наше время как-то срамно с нею и брататься.* ***Правда – собака цепная;*** *ей только в конуре лежать, а спусти - так уцепится, хоть за кого!* ***Быль - кляча*** *норовистая; это* ***кряж-****мужик; она и редко шагает, да твердо ступает, а где станет, так упрется,* ***как корни пустит! Притча*** *- дело любезное! Она неряхою* ***не ходит,*** *разинею* ***не прикидывается****, не пристает* ***как*** *с ножом к горлу; она в праздник* ***выйдет,*** *снарядившись, за ворота,* ***сядет*** *от безделья на завалинку* ***– кланяется*** *прохожему всякому смело и приветливо: кто охоч и горазд – узнавай* ***окрутника;*** *кому не до него – проходи,* ***как*** *мимо кружки, будто не видишь, что люди по пятаку кидают!* ***Вольному воля, а спасенному рай; а чужая совесть – могила; за каждой мухой не угоняешься с обухом****, и мой* ***окрутник*** *за тобою не погонится!»* («Сказка о похождениях черта – послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной»)[2].

Кроме русских поговорок, в присказках отмечено активное использование диалектных слов, что В.И. Даль называет «языком доморощенным»: *блевка* – «приманка, привада для рыбы; корм, бросаемый для нее в воду»[3], *блесна* – «оловянная рыбка вместо наживы <…> // *Влд.* Обруч с сеткою, обитый белою жестью»[4], *кряж* – «материк, пртвпл. *остров* <…>// О человеке – крепыш, здоровяк»[5], *кляча, кляченка, клятура* – «*кур.* плохая, изнуренная лошадь»[6], *окрутник* – «*сев.*

[1] Там же. № 1. – С. 3.
[2] Там же. –. № 5. – С. 68.
[3] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 96.
[4] Там же.
[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 208.
[6] Там же. – С. 124.

наряженный, перереряженный, маскированный, маска, окрутившийся о святках, святочник»[1].

Самобытность в присказках создается также за счет композитов – сложных языковых образований («устно-поэтических сближений»[2], характерных для устного народного творчества, а также оригинальных, образованных В.И. Далем двухчленных и трехчленных композитов, не имеющих аналогов в фольклоре: *гусли-самогуды, страсти-напасти, смехи-потехи, вещун-чародей* («О Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища»)[3], *трынка-волынка-гудок, прялка-моталка-валек* («Сказка о бедном Кузе Бесталанной Голове и о переметчике Будунтае»)[4], *житье-бытье* («Сказка о Георгии Храбром и о волке»)[5].

В первой сказке сборника «Пяток Первый» «О Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища» содержится антитеза – противопоставление русского мужика Ивана царю и «блюдолизам придворным», дается их характеристика. Автор использует традиционный сказочный зачин, выраженный фольклорной инициальной формулой, несколько измененной (добавляется определение царства – *самодержавное):* «***В некотором*** *самодержавном* ***царстве, что за тридевять земель, за тридесятым государством*** *жил был царь Дадон, Золотой Кошель»,* который *«царствовал,* ***как*** *медведь в лесу дуги гнет: гнет – не парит, перемолит – не тужит».* Далее перечисляются подвластные ему князья: Панкратий, Клим, Кондратий, Трофим, Игнатий, Евдоким, «праволюбивые, сердобольные министры с «говорящими» именами: фельдмаршал Кашин, генерал Дюжин, губернатор граф Чихирь – Пяташная Голова», которым противопоставляется молодой сержант, удалая голова, без роду, без племени, спроста без прозвища.

Обличение дармоедов и бездельников содержится в «говорящих» антропонимах: имя *Дадон* заимствовано из лубка, впоследствии (1834 г.) использованное А.С. Пушкиным в «Сказке о золотом петушке», озна-

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 2: И – О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 669.

[2] Багликова И.В. Композиты в фольклорном тексте (На материале былин Печоры): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Курск, 2006. – С. 18.

[3] Сочинения Владимира Даля: В 8 т. Т. VIII. – СПб: Издатель М.О. Вольф, 1861. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition247296 (дата обращения 1 октября 2021 г.).

[4] Даль В.И. Русские сказки. – М.: Медиа, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: dal-vladimir-ivanovich-pisatel.larec-skazok.ru (дата обращения 29 сентября 2021 г.).

[5] Там же.

чает «неуклюжий, нескладный, несуразный человек»[1]; *чихирь* и *чихирник* – «бран. беспутный пьяница, шатун и дармоед»[2].

Но ярче всего сатира проявилась в пословицах, которые ожерельями нанизаны одна к другой: *«…кто взят из грязи да посажен в князи; кто и велик телом, да мал делами; иной с высоку, да без намеку; тот с виду орел, да умом тетерев, личиком беленек, да умом простенек, хоть и не книжен, да хорошо острижен; а которые посмышленее, так все плуты наголо, кто кого сможет, тот того и гложет, ну словом, живут – только хлеб жуют, едят – небо коптят!»* Извели они Ивана, *«и то сказать, человек не скотина; терпит напраслину до поры до времени, а пошла брага через край, так и не сговоришь!»*[3]. Долго они измывались над Иваном и просто из кожи лезли вон, чтобы придумать ему работу потруднее. У сказки пророческий конец: *«Иван… истребил Дадона, Золотого Кошеля, и всех сыщиков, блюдолизов… И поделом: они все по владыке своему, на один лад, на тот же покрой – все наголо бездельники»*[4].

Автор использует фольклорные композиты *(«хлеб-соль», «пиво-мед», «напоила-накормила»)* и формулы: ***«Это не служба, а службишка, а служба будет впереди! Ложись-ка ты спать, утро вечера мудренее**, – завтра встанем да, умывшись и помолившись, подумаем»*[5].

В сказке встречаются целые каскады синонимичных пословиц, в которых отмечается контаминация отрицательного сравнения и скрытой антитезы: *«Есть притча короче носа птичья: **жениться – не лапоть надеть,** а одни лапти плетутся без меры, да на всякую ногу приходятся! И истинно; **жена не гусли:** поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем и в могилу, – приглядись, приноровись, а потом женись; примерь десять раз, а отрежь один раз; на горячей кляче жениться не езди! – Все это и справедливо и хорошо, но иногда дело как будто бы наперед уже слажено, а суженого и на кривых оглоблях не объедешь!»*[6].

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 414.

[2] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 609.

[3] Сочинения Владимира Даля: В 8 т. Т. VIII. – СПб: Издатель М.О. Вольф, 1861. №1. – С. 3-22. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition247296 (дата обращения 1 октября 2021 г.).

[4] Там же. – № 1. – С. 22.

[5] Там же.

[6] Там же. – № 1. – С. 12.

Заканчивается сказка фольклорной финальной формулой с продолжением: ***«мед и пиво пили, по усам текло, в рот не попадало**, – кто сказку мою дослушал, с тем поделюсь, кто нет – тому ни капли!»*[1].

Значительную роль во всех сказках, входящих в «Пяток Первый», играют пословицы и поговорки: *«Слухом земля полнится, а причудами свет; это не сказка, а присказка, а сказка будет впереди»*[2]*; «Но бодливой корове Бог рог не дает; с инова сорвал бы и голову, так не ухватишь и волоса; норовишь соседу в бровь, а попадешь себе же в глаз!»; «Что город, то норов; что деревня, то обычай; что земля, то проказы!»*[3].

Особое место среди сказок В.И. Даля занимает сказка «Сила Калиныч, душа горемычная, или Русский солдат ни в аду, ни в раю», о русском мужике, прослужившем солдатом тридцать три года, хотя царь положил служить двадцать пять, побывавшем в аду и в раю. Сказка напечатана в журнале «Огонек» в 1966 г. М. Бессараб считает, что время написания этой сказки можно отнести к 1832 г., потому что ее язык «более всего походит на язык сказок, вошедших в «Пяток Первый», сказка перенасыщена пословицами» [4].

Русский солдат перетолковывал приказания Бога так, что Смерть потеряла возможность морить людей. За корыстный перетолк и за самоуправство Сила был осужден три года носить Смерть за плечами. *«Сила скрепился духом и вооружился терпением. Капля терпения камень долбит; три года не три века»*[5]

Большую часть языкового пространства в сказке занимает диалог между Силой и Смертью, который использован В.И. Далем не только для характеристики лучших качеств русского солдата (ума, догадливости, сметливости, находчивости и оптимизма), но главное для того, чтобы поделиться с читателем накопленными запасами народных пословиц и поговорок. Образцы народных сокровищ, вложенные в уста Силы Калиныча, впечатляют и изумляют читателя: *«Не рано ль пташка запела, чтоб кошка не съела? Про глупого, про бестолкового две обедни не служат. Не снести индюшке верблюжьего яйца! Огуречный рассол и из заморской березы не потечет! Что где не посеяно, не повеяно, то не пожнешь, не поешь! Много будешь знать, скоро состаришься. Русский человек задним умом крепок. Не всяк дурак, кто в ду-*

[1] Там же. – №1. – С. 22.
[2] Там же. – № 2. – С. 23.
[3] Там же. – № 3.
[4] Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М.: Московский рабочий, 1968. – С. 81.
[5] Даль В.И. Сказки. – СПб: Вита-Нова, 2017. – С. 211-223. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition249513 (дата обращения 9 октября 2021 г.).

раки играть садится! На то щука-рыба в море, чтоб карась не дремал!»[1] и мн. др.

Используется концовка, выраженная сказочной финальной формулой: *«Я же сам там был, к Калинычу на Тигул в гости ходил, царский* ***мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало,*** *а на душе пьяно и сытно стало».*[2]

В.И. Даль не считал свою книгу художественным произведением, он лишь использовал ее в качестве предлога поделиться с соотечественниками запасами слов и поговорок: «Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода»[3]. Замысел был угадан А.С. Пушкиным, мнение которого очень важно для начинающего на поприще изящной словесности В.И. Даля. «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе. И ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, – надо бы сделать. Чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке… Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь. Что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»[4]. Известно, что после встречи с В.И. Далем А.С. Пушкин написал сказку «О рыбаке и золотой рыбке» и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Это не простой подарок, а урок: наглядный пример того, как следует «пересказывать» народные сказки.

И этот урок, преподанный гением, не прошел для В.И. Даля бесследно. Выходят «Солдатские досуги» (1843) и «Матросские досуги» (1853). Эти сказки существенно отличаются от вошедших в «Пяток Первый»: если же в «Пятке Первом» главной темой служила социальная несправедливость, в центре внимания были социальные конфликты, то в этих сказках вместо острой сатиры используется незлобливая, остроумная шутка, преобладают бытовые темы, осуждаются и осмеиваются людские пороки (жадность, глупость, лень, упрямство, здесь нет перенасыщенности русскими пословицами. Но главными героями остаются солдат и матрос, отличающиеся смекалкой, находчивостью и чувством юмора. На вопрос: *«А отчего ж это ветер бывает на земле?» матрос отвечает: «Отчего ветер? Да, вишь, сверху-то небо, а*

[1] Даль В.И. Сказки. – СПб: Вита-Нова, 2017. – С. 211-223. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition249513 (дата обращения 9 октября 2021 г.).
[2] Там же. – С. 223.
[3] Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М.: Московский рабочий, 1968. – С. 72.
[4] Порудоминский В. Даль. – С. 143.

снизу-то вода либо земля; а с боков-то ничего нет – ну, оно и продувает» («Ветер»)[1].

В сказке «Солдатский привар»[2] солдат, чтобы «вывести на чистую воду» жадную хозяйку, которая ничего не дает, кроме хлеба, предлагает ей сварить походные щи из бороньего зуба и сумел-таки выпросить хитростью муки, капустки, круп и говядины (сюжет сказки напоминает русскую народную сказку «Каша из топора»).

В сказке «Ворожея» знахарь взялся разыскивать, кто украл целковый. Проявив смекалку, он нашел вора. *«Собрав всю артель в избу, он погасил огонь, накрыл черного петуха решетом и велел всем поочередно подходить и, погладив петуха осторожно по спине, опять его накрыть; как только вор тронет его, то он-де закричит во весь голос»*[3]. У всех руки были в саже, кроме вора, который испугался подойти к петуху.

Отдельного внимания заслуживают сказки о животных. В них В.И. Даль сохранил смысл и толк народных присловий, мораль пословиц. Вспомним слова А.С. Пушкина: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Вот какие уроки преподнес автор читателям:

«Смотри всяк своими глазами. Раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас тоже бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него не глядя, за ним же, да после, как попадется и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?» («У тебя у самого свой ум»)[4].

«Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово свое и зарок, и, сделав раз худо, станешь вперед от худа бегать; а коли клятва твоя и божба крепка только до вечера, а с утра опять принимаешься за то же – так в добром слове твоем добра мало» («О дятле»)[5].

В сказках о животных В.И. Даль использует излюбленный для этого жанра сказок художественный прием – иносказание. Ярким примером иносказания служит сказка «Лучший певчий» («Притча о вороне»). *«Орел – всем птицам голова, он им начальник», захотев послушать хороших песен, приказывает вороне позвать к нему скорешенько что ни есть лучшего певчего. Ворона «думала-думала и наду-*

---

[1] Сочинения Владимира Даля: В 8 т. Т. VIII. – СПб: Издатель М.О. Вольф, 1861. – С. 421. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition247296 (дата обращения 1 октября 2021 г.).

[2] Там же. – С. 115-117.

[3] Там же. – С. 310.

[4] Даль В.И. Русские сказки. – М.: Медиа, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: dal-vladimir-ivanovich-pisatel.larec-skazok.ru (дата обращения 20 сентября 2021 г.).

[5] Там же.

малась», что никому не спеть лучше ее родного детища вороненка. Когда вороненок принялся усердно каркать, старая ворона *«сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орел спросил, отшатнувшись:*

– Это что за набат? Режут, что ли, кого аль караул кричат?

– Это песенник, – отвечала ворона, – мой внучек; уж лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своему не найдешь…»[1].

В сатирической «Сказке о баранах» также используется иносказание. Острие социальной критики направлено здесь против начальственного суда и расправы. В.Г. Белинский заметил, что это «коротенький, но исполненный глубокого значения восточный аполог!»[2].

Поэтика сказок о животных В.И. Даля отличается от русских народных сказок своей оригинальностью. Автор здесь также использует необычные присказки – зачины, не характерные для устного народного творчества, в которых отмечаются постоянные и оригинальные, созданные автором с помощью повторов эпитеты: *«Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи* ***студеные,*** *про луга* ***зеленые,*** *про леса* ***дремучие,*** *про хлебы* ***хлебистые*** *да про ярицу* ***яристую.*** *Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди»* («Про мышь зубастую, да про воробья богатого»)[3].

Богатство и своеобразие живой народной речи нашли отражение в сказках В.И. Даля. Без знаний диалектных слов их нельзя понять: *«Дятел красноголовый лазил день-деньской по пням и дуплам и все стучал роговым носом своим в дерево, все доспрашивался, где гниль, где червоточина, где* ***подстой****, где* ***дрябло****, где дупло, а где живое место?». Подстой* – «болезнь дерева, подсыхающего от корня»[4]; *дрябло* – «дряблое дерево, бревно»[5]. Диалектные слова, а также такие редкие слова, как *день-деньской, роговой нос, живое место,* создают очарование языка сказок.

---

[1] Сочинения Владимира Даля: В 8 т. Т. VIII. – СПб: Издатель М.О. Вольф, 1861. – С. 191-192. [Электронный ресурс]. – URL: fantlab.ru›edition247296 (дата обращения 1 октября 2021 г.).

[2] Белинский В.Г. Русская литература в 1845 году. [Электронный ресурс]. – URL: dugward.ru›library/belinsky/belinsky_1845.html (дата обращения 21сентября 2021 г.).

[3] Даль В.И. Русские сказки. – М.: Медиа, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: dal-vladimir-ivanovich-pisatel.larec-skazok.ru (дата обращения 20 сентября 2021 г.).

[4] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 206.

[5] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. – С. 497.

Вершиной сказочного творчества В.И. Даля стали написанные с особой любовью детские сказки. В 1871 г. были опубликованы две книги: «Первая первинка полуграмотной внуке. Сказки, песенки, игры», «Первинка другая. Внуке грамотейке с неграмотною братиею. Сказки, песенки, игры». В них сохранены народно-поэтические особенности этого жанра, также включаются песенки-подпевалочки, в которых используются приемы, характерные для песенных жанров: межстиховая атрибуция – «воспроизведение в последующей строке лингвистического наполнения предыдущей с заменой субстантивного члена атрибутом к нему»[1], синтаксический параллелизм (параллельное построение синтаксических конструкций) и разнообразные повторы:

*Спи, наша **Снегурочка,***
Сдобная кокурочка,
*Из **вешнего** снегу скатана,*
***Вешним** солнышком пригретая!*
***Мы тебя станем** поить,*
***Мы тебя станем** кормить,*
В цветные платья рядить,
Уму-разуму учить!
*<…>– Что, **девица**, плачешь,*
*– Что, **красная,** рыдаешь?*
*– Ау-ау, **Жученька!***
*– Ау-ау, **милая!***

*– Ау-ау! Я здесь – девочка Снегурочка, из **вешнего** снегу скатана, **вешним** солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. **Хотел** меня медведь унести, я не пошла с ним; **хотел** волк увести, я отказала ему; **хотела** лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой. Жучка, пойду!»*[2].

В детских сказках также много диалектных слов: *вешний, кокурочка (булочка), рядить* и др.

Блистательное в русской художественной культуре XIX столетие ознаменовано созданием литературных сказок непреходящей ценности, среди которых сказки В.И. Даля занимают вполне определенное место. Он черпает содержание своих сказок из сокровищ народных

[1] Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977. – С. 83.
[2] Даль В.И. Русские сказки. – М.: Медиа, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: dal-vladimir-ivanovich-pisatel.larec-skazok.ru (дата обращения 20 сентября 2021 г.).

мыслей и народной речи, активно употребляя в них пословицы и поговорки. «В сказках Даля поражал свежий, меткий, живой язык, без фальши, без сермяжных псевдонародных словечек, неуклюжих, раскоряченных и грубых, привлекали истинно русские, чистые и благородные мотивы, потому что эти сказки были глубоко национальны по духу своему, по завораживающей мелодичности речи»[1]. Надо вчитаться в сказки В.И. Даля (Казака Луганского), чтобы оценить самобытность их стиля, красоту и очарование русского слова и понять, что этим сказкам суждена долгая жизнь.

I.P. Chernousova

Linguistic and stylistic peculiarities of tales by Cossack Lugansky

Summary. *The article explores the originality of the content as well as linguistic and stylistic peculiarities of V.I. Dahl's tales published under the pseudonym of Cossack Lugansky and distinguished by a pronounced satirical character. The originality of the tales by Cossack Lugansky is created through the use in the same context of actual vernacular speech (dialectisms) and various literary devices (antitheses, allegories, traditional fairy tale formulas, composites, metaphors, epithets, comparisons, personification, charactonyms etc.), but is most vividly manifest in the intensive use of proverbs and sayings which are strung to one another like necklaces.*

Key words: *V.I. Dahl, Cossack Lugansky, fairy tales, proverbs, antithesis, allegory, fairy tale formulas, composites, story-teller's introduction, dialectisms.*

[1] Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М.: Московский рабочий, 1968. – С. 73.

О.С. Шурупова

ПИЩА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ПОСЛОВИЦ ИЗ СБОРНИКА В.И. ДАЛЯ

Аннотация. Статья посвящена пищевому коду русской культуры, получившему отражение в составленном В.И. Далем сборнике «Пословицы русского народа».

Ключевые слова: *пищевой код русской культуры, В.И. Даль, пословица, поговорка, хлеб, соль, гречневая каша, щи, овощи, мясо.*

В свое время В.И. Даль с горечью писал: «У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть, – сделалось гонителем всего родного и народного… Если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху»[1]. Однако нам повезло: исследователь сумел собрать для нас ценнейшие пословицы и поговорки, а также загадки, скороговорки и т.д., в которых получает отражение русская языковая картина мира.

В пределах данной статьи представляется необходимым обратиться к анализу того, как в пословицах, собранных В.И. Далем, отразились представления народа о пище – о тех блюдах, которые русский человек хотел видеть на своем столе ежедневно, и о тех, которые воспринимались им как праздничные. Раздел «Пища» включает прежде всего большое число пословиц, связанных с хлебом. По свидетельству Л. Черной, «основным занятием русичей… было земледелие. Поэтому пахарь вошел в былины, апокрифы, фольклор в качестве героя»[2], а хлеб по праву стал главным блюдом на русском столе. Пословицы, собранные В.И. Далем, гласят: «Хлеб всему голова», «Хлеб – дар Божий, отец, кормилец». «Хлебом сыты, хлебом и пьяны», «От хлеба-соли не отказываются». Хлеб нужен любому человеку, ибо «Только ангелы с неба не просят хлеба» и «Один крест хлеба не ест». Хлебом держится жизнь на земле, ибо «не лошадь везет, а хлеб». Хлеб важнее любых богатств, ведь «Хлеб и живот и без денег живет», без хлеба даже самый богатый дом не в радость, ибо «Палата бела, а без хлеба в ней беда», «Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай», «Хлеб на стол – так и

[1] Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1998. – С. 11.

[2] Черная Л. Повседневная жизнь языческой Руси. – М.: Молодая гвардия, 2021. – С. 122.

стол престол; а хлеба ни куска – и стол доска». Хлеб ценнее любых лакомств, ведь «Хлебушка калачу дедушка», «Хлеб батюшка, водица матушка», «Не будет хлеба, не будет и обеда», «Не в пору и обед, как хлеба в дому нет». Пословицы гласят: «Не дорог виноград терский, дорог хлеб деревенский», калач приестся, а хлеб никогда»[1].

Только благодаря хлебу поддерживается нормальная жизнь человека, поскольку «Хлеб спит в человеке», то есть дает ему сон. А работник «каков у хлеба, таков и у дела», то есть по манере человека есть можно, по убеждениям народа, судить о качестве его работы. «Хлеб да мякина – Самсона сила», – говорит пословица, отсылая нас к образу библейского героя. Впрочем, «И худой живот, да хлеб жует»[2]. Хлеб-соль не бранят, за хлебом-солью нельзя сказать дурного слова. Хлеб объединяет и настраивает на мирное общение, поскольку «Без хлеба, без соли худая беседа». Однако Даль приводит и пословицу «Не о хлебе едином жив будеши», имеющую Евангельские корни. Хлеб воспринимается в этих пословицах не столько как конкретное блюдо, сколько как олицетворение пищи в целом, абсолютно необходимой каждому из нас, как святыня. Даже испорченный хлеб воспринимается как хороший: «Хлеб черствый – обед честный», «Кто заплесневелый хлеб ест, тот легко плавать будет»[3].

Поговорка «Хлеб да вода – крестьянская еда» имеет, по свидетельству В.И. Даля, варианты: «бурлацкая», «казацкая», «солдатская», «мужицкая». Хлеб, таким образом, воспринимается как еда народная, присущая всему простому люду, и более значимая, чем вода, ибо «Без хлеба и у воды худо жить», «Без хлеба на воде ноги жидки». Помимо воды, с хлебом, как показывает анализ пословиц, хорошо сочетается квас – «Как хлеб да квас, так и все у нас» – и капуста, то есть щи – «Хлеб да капуста лихого не допустят»[4]. Конечно, сочетается хлеб и с солью, однако она не воспринимается как обязательный продукт, так как «Соли нет, так и слова нет; а мука дошла, по всей семье переговорка пошла», «Без хлеба смерть, без соли смех»[5].

Впрочем, соль тоже воспринимается как важнейший продукт на русском столе, дающий людям отраду. «Без соли и хлеб не естся», «Без соли стол кривой», «Присоля, все съестся», Соли не жалей, так есть веселей»[6].

---

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1998. – С. 342.
[2] Там же. – С. 340.
[3] Там же. – С. 342.
[4] Там же. – С. 346.
[5] Там же. – С. 344.
[6] Там же. – С. 344.

Однако с восприятием соли связано еще одна особенность. Как ни странно, соль объединяется русским сознанием не только с хлебом, но и с хмельными напитками. В словаре есть пословицы, иронически описывающие рацион человека, склонного к пересаливанию пищи и к винопитию: «Кисло пей, солоно ешь: помрешь – не сгниешь», «Пей горче, ешь солонее: умрешь – сердцем здоров будешь»[1]. Чрезмерное употребление соли, таким образом, ведет к ранней смерти, и русский народ хорошо об этом знал.

Важнейшим блюдом на русском столе является, судя по пословицам, каша: «Щи да каша – кормилицы наши». «Каша – разгоняя наша», «Без каши обед не в обед». Одна из пословиц предписывает есть кашу старым людям: «Молод – кости гложи, стар – кашу ешь»[2], подчеркивая не только разницу между возможностями людей разного возраста, но и тот факт, что кашу нужно заслужить. Впрочем, с кашей связано несколько тонкостей. Во-первых, в пословицах предстает почти исключительно гречневая каша, которая по значимости не уступает хлебу: «Гречневая каша – мать наша, хлебец – кормилец», «Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной»., «Мать наша – гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота»[3]. В то же время отметим ряд пословиц, в которых отношение к гречневой каше не слишком трепетное: «Горе наше – гречневая каша: есть не хочется, да и покинуть жаль», «Горе наше – гречневая каша: есть не сможется, отстать не хочется». К каше обязательно требуется масло, которым «кашу не испортишь».

Мы с детства узнаем поговорку «Щи да каша – пища наша», однако сборник пословиц В.И. Даля демонстрирует несколько иное отношение к щам: «Каша наша, щи поповы»[4]. Щи воспринимаются как еда для людей с определенным достатком, ведь в них добавляется мясо. Потребление щей меняет человека в лучшую сторону – «Ешь щи – будет шея бела, голова кудревата». С этим людом связано много иронических поговорок, в которых народ выражает жалобу на недостаточно хороший стол: «Ел, ел капусту, а в брюхе все пусто», «Дичь во щах – а все тараканы», «Щи хоть порты полощи», «Щи хоть кнутом хлещи, и пузырь не вскочит», «На татарских щах жиру нет, а на русских пару не видать».

Стоит отметить, что в сборнике В.И. Даля довольно мало пословиц и поговорок, которые касались бы мяса. Как правило, они иронически характеризуют трапезу крестьянина, лишенного мяса и употреб-

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1998. – С. 344.
[2] Там же. – С. 345.
[3] Там же. – С. 345.
[4] Там же. – С. 345.

ляющего его лишь по большим праздникам: «В степи и жук мясо», «Чеснок толченый, да таракан печеный», «В щах таракан – тот же махан»[1]. Единственная пословица, связанная со свининой, традиционно подававшейся к Рождеству, гласит: «Кишка свиная еда не худая»[2].

С исключительно положительной точки зрения, почти как диетическое блюдо воспринимается в пословицах кисель: «Киселю да царю всегда место есть», «Киселем брюха не испортить», «Кисель зубам не порча». Однако еще одна поговорка гласит: «Кисель ноги подъел»[3], намекая, что одним киселем сыт не будешь.

В конце трапезы как ее логичное завершение должен появляться пирог, который настолько сытен, что «обеду ворог», и настолько вкусен, что «колчан пригож стрелами, обед – пирогами», «красна река берегами, обед – пирогами»[4]. Пирог предстает в данном случае как символ завершенного благополучно дела, ибо «не поглядев на пирог, не говори, что сыт».

Русский человек традиционно много постился, поэтому вынужден был употреблять в пищу много овощей. Посту посвящены иронические поговорки «В пост редьки хвост», «Честна чесноковина да луковица», «Кашица постная, да еще и без круп», «Привел Бог киселем заговеться, так гущу на розговенье поставим». Впрочем, что касается овощей, то отношение к ним у русского народа, судя по пословицам, весьма критичное: «Горох да репа животу не крепа», «Добра снедь и репка, коли нет рыбки», «От капусты бежал да на брюкву попал», «В редьке пять еств: редечка триха, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом да редечка так», «Редьку есть с господами, а спать идти со свиньями», «Свекольное тельное да редечное ушное – то еда скупого»[5]. Более благосклонно отношение к луку: «Кто ест лук, того Бог избавит вечных мук», «Лук семь недугов лечит». Л. Черная утверждает, что русский народ всегда трепетно относился к репе, которая заменяла картофель, поедалась «сырой, пареной, вяленой, в каше, в качестве начинки в пирогах, бывала даже свадебной едой»[6]. Однако в сборнике В.И. Даля не отмечается пословиц и поговорок, связанных с репой и с морковью.

Если подвергнуть анализу русский месяцеслов, который также получил отражение в сборнике В.И. Даля, русский человек сажал мно-

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1998. – С. 353.
[2] Там же. – С. 351.
[3] Там же. – С. 347.
[4] Там же. – С. 348.
[5] Там же. – С. 349.
[6] Черная Л. Повседневная жизнь языческой Руси. – М.: Молодая гвардия, 2021. – С. 189.

го овощей и крайне внимательно относился к приметам, связанным с урожаем. Так, можно выявить целый ряд примет, связанных с выращиванием тех или иных овощей, а также со сбором лесных ягод и грибов:

«Звездистая ночь на Богоявленье – урожай на горох и ягоды.

Мокрое Благовещенье – грибное лето.

На Благовещенье мороз – урожай на грузди.

Сей морковь и свеклу на Косьму.

Ранний горох сей до Георгия.

Большая роса – к урожаю огурцов»[1].

Целый ряд святых, дни памяти которых отмечаются весной и осенью, русский человек связал именно с овощами, которые принято либо сажать, либо собирать в тот или иной день: Арина-рассадница, Иов-горошник, Фалалей-огуречник, Леонтий-огуречник, Петр-капустник, Авдотья-малиновка, Евдокия-огуречница. Огурцы положено сажать на Ивана долгого, Фалалея, Леонтия, Олены. Тем не менее, пословицы, собранные В.И. Далем, не отразили особенно трепетного отношения к овощам на столе.

Упоминаются ли в пословицах продукты, к которым русский народ откровенно равнодушен? К ним относятся лимоны, о которых пословица говорит: «Не наша еда лимоны, есть их некому». Как чуждое кушанье воспринимаются и ягоды: «Сладко вишенье, да барско кушанье», «Ягоду не видал сорок два года, а хоть бы и век, так нужды нет», «С одной ягоды сыт не будешь». Поговорка «Дворянское кушанье – два грибка на тарелочке» отражает не столько отношение к грибам, сколько восприятие дворян как людей, которые едят мало, в отличие от крестьян, тяжелый труд которых требует усиленного питания, тогда как «Крестьянское горло – суконное бердо, все мнет», «Крестьянский аппетит никогда не претит». Кроме того, как напиток для богатых предстает на страницах сборника чай: «Кяхтинский чай да муромский калач – полдничает богач». Для простонародья предназначается квас: «И худой квас лучше хорошей воды», «Хорош и квасок, коли шибает в носок».

По утверждению М.Л. Ковшовой, «вещи, действии и слова – знаки различной материальной субстанции с той или иной закрепленной за ними значимостью – образуют систему общекультурного порядка, необходимую для сохранения культуры»[2]. Пищевой код русской культуры включает в себя знаки, связанные с блюдами, существующими «уже не только как реалии, но и как знаки культуры в своем приобре-

[1] Даль В.И. Пословицы русского народа. – Т. 3. – С. 471-540.

[2] Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – С. 17.

тенном, вторичном, качестве»[1]. Мы можем убедиться, что к таким «гастрономическим предметам культуры» относится прежде всего хлеб, который становится главным на русском столе, составляет основу пищи, насыщает любого человека. Он «выполняет функцию эталона, выражает меру предельного на “шкале” ценностей культуры – от утилитарного смысла жизненного минимума до идеи духовного смысла существования»[2]. Остальные продукты делятся именно на две группы: группу, включающую своего рода минимум (каша, соль, овощи, квас, вода), и группу, в которую входят продукты для богатых (щи с мясом, свинина, калачи, чай). Пословицы, связанные с едой, описывают переживания русского человека, вызванные его оценкой своего места в мире, в обществе. Именно наш рацион является, судя по пословицам и поговоркам, отражением нашего места на социальной лестнице. Пословицы, кроме того, отражают достаточно смиренное отношение русского человека к себе самому и своему уровню жизни. Большинство из них звучат ободрительно и утешающее: народ как бы убеждает себя в том, что даже благодаря простым продуктам: хлебу, капусте, соли, квасу – человек может жить вполне неплохо.

Как утверждает Й. Хёйзинга, «звучащая в пословице мудрость… исполнена благожелательности; она добродушна и обычно довольствуется малым. Она никогда не проповедует сопротивление, она всегда успокаивает»[3]. Так успокаивающе и смиренно, порой с легким ироническим оттенком обращаются к нам, современным людям, и собранные В.И. Далем старинные русские пословицы, связанные с едой и воплощающие пищевой код отечественной культуры.

O.S. Shurupova

The Food of a Russian Person in the Mirror of the Proverbs from the Collection Compiled by V.I. Dahl’

Summary. *The article is devoted to the food code of Russian culture, which was reflected in the collection “Proverbs of the Russian People” compiled by V.I. Dal’.*

Keywords: *food code of Russian culture, V.I. Dal’, proverb, saying, bread, salt, buckwheat porridge, cabbage soup, vegetables, meat.*

[1] Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – С. 9.
[2] Там же. – С. 21.
[3] Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – С. 232.

Сведения об авторах

Алейников Олег Юрьевич, кандидат филол. наук, доцент, доц. кафедры русской литературы XX и XXI веков, тории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета, e-mail: oaleinikov@yandex.ru

Басова Мария Владимировна, ст. преп. кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: marydrd@gmail.com

Богословская Наталия Александровна, студ. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: kleopatra2699@yandex.ru, научный руководитель: Попова Е.А., докт. филол. наук, проф.

Бугакова Надежда Борисовна, канд. филол. наук, доцент, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, e-mail: ya_witch@mail.ru

Гончарова Татьяна Васильевна, канд. филол. наук, доцент, доц. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: i.zaytseff@yandex.ru

Карташова Елена Николаевна, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Ковалев Геннадий Филиппович, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета

Колышкина Ирина Михайловна, канд. филол. наук, доц. кафедры РКИ института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: kolyshka@gmail.com

Кольовска Елена Георгиевна, канд. пед. наук, доц. кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Московского государственного областного университета, e-mail: elekolovska@gmail.com

Кульгавчук Марина Викторовна, канд. филол. наук, доцент, доц. кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: kulgavchukmv@mail.ru

Кушнир Ксения Игоревна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Мещерякова Ольга Александровна, доктор филол. наук, доцент, свободный исследователь, e-mail: lameo56@yandex.ru

Плеханова Людмила Петровна, канд. филол. наук, доцент, доц. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: plehanov1947@mail.ru

Попова Елена Александровна, доктор филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Родионова Анна Викторовна, канд. филол. наук, доц. кафедры РКИ института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: anna.v.rodionova@yandex.ru

Рыжкова Юлия Андреевна, студ. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: uliaryzkova377@gmail.com, научный руководитель: Гончарова Т.В., канд. филол. наук, доц.

Синюков Алексей Владимирович, асп. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: zeitsn@yandex.ru, научный руководитель: Попова Е.А., докт. филол. наук, проф.

Скуридина Светлана Анатольевна, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, e-mail: saskuridina@ya.ru

Усачева Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент, проф. кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: logus777@yandex.ru

Харченко Вера Константиновна, доктор филол. наук, профессор, проф. кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, e-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Черноусова Ирина Петровна, доктор филол. наук, доцент, проф. кафедры русского языка и литературы института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Щепкина Полина Викторовна, ученица МБОУ гимназия №19 им. Н.З. Поповичевой г. Липецка, e-mail: polina.shchepkina@gmail.com

Шурупова Ольга Сергеевна, доктор филол. наук, доцент, проф. кафедры английского языка института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, e-mail: shurupovaolgas@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алейников О.Ю. Наследие В. И. Даля в творческом сознании А. И. Солженицына 3

Басова М.В. Русские паремии как объект научного исследования в бакалаврском выпускном сочинении студента-инофона: из опыта работы 8

Богословская Н.А. Аллоэтнонимы и их производные в «Толковом словаре живого великорусского языка» и сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля 14

Бугакова Н.Б. Семантическая динамика оппозиции «жизнь – смерть» в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова (на фоне лексикографических работ В.И. Даля) 24

Гончарова Т.В. Лексикография в современном филологическом образовании. 32

Карташова Е.Н. Образ шукшинской женщины в фольклорном контексте (на лексикографическом материале В.И. Даля) 40

Ковалев Г.Ф. О восприятии современниками литературных сказок А.С. Пушкина и В.И. Даля. 47

Колышкина И.М., Родионова А.В. Изучение биографии В.И. Даля на занятиях РКИ 58

Кольовска Е.Г., Кульгавчук М.В. Русский язык без границ сегодня: утопия или реальность? 64

Кушнир К.И. Дендроним *береза* в фитонимической картине мира В.А. Солоухина (на фоне паремических единиц с компонентом-дендронимом в лексикографическом наследии В.И. Даля) 71

Мещерякова О.А. Паремии с библейскими именами в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» и их роль в сохранении культурных знаний. 80

Плеханова Л.П. «Народная этика» В.И. Даля в культурном сознании нашего современника 87

Попова Е.А. Ученые и писатели о сочинениях В.И. Даля. 94

Попова Е.А., Щепкина П.В. Старые названия букв русского алфавита в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля 116

Рыжкова Ю.А. Словарная статья «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как отражение фрагмента русской языковой картины мира 123

Синюков А.В. Семантическая категория чуждости в русском языке (на примере сочинений В. Набокова и В. Даля) 128

Скуридина С.А. Ономастикон произведений Ф.М. Достоевского в контексте паремических единиц, представленных в лексикографическом наследии В.И. Даля 135

Усачева О.Ю. Лексические репрезентации концептосферы МОРАЛЬ со значением оценки в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля 142

Харченко В.К. Личность В.И. Даля с позиций телеологии (пассионарный эффект) 149

Черноусова И.П. Языковое и стилистическое своеобразие сказок Казака Луганского 156

Шурупова О.С. Пища русского человека в зеркале пословиц из сборника В.И. Даля 167

Сведения об авторах 173

Научное издание

Наследие В.И. Даля в контексте современности

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(8 декабря 2021 г., г. Липецк

Под общ. ред. Н.В. Лебедева, А.С. Шуруповой

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 14,13. Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии издательства
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2